

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русини

№ 2 (40), 2015

Общественная ассоциация «Русь»

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2015, 2 (40)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор

кандидат исторических наук С. Суляк (Молдавия)

кандидат исторических наук Н. Бабилунга (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

кандидат исторических наук Ю. Данилец (Украина)

доктор исторических наук В. Зиновьев (Россия)

кандидат филологических наук Д. Катунин (Россия)

доктор исторических наук А. Майоров (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

доктор исторических наук Н. Руссев (Молдавия)

кандидат исторических наук В. Содоль (Молдавия, Приднестровье)

кандидат исторических наук Н. Тельнов (Молдавия)

доктор исторических наук А. Черкасов (Россия)

доктор исторических наук М. Чучко (Украина)

Р. Шапка (Канада)

кандидат исторических наук П. Шорников (Молдавия)

доктор лингвистических наук М. Фейса (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А.
Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2015

© Association "Rus'", 2005-2015

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Российская научная конференция с международным участием
«СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: взгляд из XXI века» /
The Russian scientific conference with international participation
“The USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945:
A view from the 21st Century”

Конференция в Томске	5
The conference in Tomsk	
<i>Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Российский патриотизм сегодня</i>	<i>7</i>
<i>Zinovyev V.P., Sulyak S.G. Russian patriotism today</i>	<i>7</i>
<i>Фоминых С.Ф., Степнов А.О., Афанасенков В.О. Принципы функционирования Томского комитета ученых в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.</i>	<i>21</i>
<i>Fominykh S.F., Stepnov A.O., Afanasenkov V.O. Principles of functioning of the Tomsk committee of scientists during the Great Patriotic War of 1941-1945</i>	<i>21</i>
<i>Фоминых С.Ф., Сорокин А.Н., Некрылов С.А., Литвинов А.В. Вузы Томска в годы Великой Отечественной войны (1941-1945)</i>	<i>32</i>
<i>Fominykh S.F., Sorokin A.N., Nekrylov S.A., Litvinov A.V. Tomsk Universities during the Great Patriotic War (1941-1945)</i>	<i>32</i>
<i>Кузьмин А.Н., Сорокин А.Н., Шандала Д.Е. Студенты, преподаватели, научные сотрудники, рабочие и служащие Томского государственного университета на фронтах Великой Отечественной войны</i>	<i>46</i>
<i>Kuzmin A.N., Sorokin A.N., Shandala D.E. Students, teachers, research associates, workers and employees of Tomsk State University on fronts of the Great Patriotic War</i>	<i>46</i>
<i>Данилец Ю.В. Трансформации в жизни православной церкви на Закарпатье в 1939-1945 гг.</i>	<i>61</i>
<i>Danilets Ju.V. Transformation in the life of Orthodox Church in the Carpathian region in the years 1939-1945</i>	<i>61</i>
<i>Суляк С.Г. Бессарабия в годы Великой Отечественной войны</i>	<i>80</i>
<i>Sulyak S.G. Bessarabia during the years of the Great Patriotic War</i>	<i>80</i>
<i>Черкасов А.А., Кринко Е.Ф., Шмигель М. Украинский национализм в годы Второй мировой войны: природа и проявления</i>	<i>98</i>
<i>Cherkasov A.A., Krinko E.F., Smigel M. Ukrainian Nationalism during World War II: Its nature and manifestations</i>	<i>98</i>

<i>Король В.Н.</i> Деятельность системы трудовых резервов в Западной Украине в период восстановления экономики (1944-1950 гг.)	118
<i>Korol V.N.</i> Activities of the labour reserves system in Western Ukraine during the period of economy recovery (1944-1950)	

<i>Нестеренко В.А.</i> Политика немецких оккупантов в сфере обеспечения населения предметами первой необходимости (на примере областей военной зоны Украины 1941-1943 гг.)	133
<i>Nesterenko V.A.</i> The German occupants' policy in the sphere of providing the population with the first needthings (on the example of the regions of the military zone in Ukraine in 1941-1943)	

<i>Кругляк М.Э.</i> Повседневная жизнь украинцев в условиях нацистской оккупации. На материалах города Житомира (1941-1943)	148
<i>Krugliak M.E.</i> Everyday life of the Ukrainians under the Nazi occupation. based on the mterials of Zhitomir (1941-1943)	

<i>Шевченко О.К.</i> Историческая судьба русинов и вопрос об ООН на Крымской конференции 1945 г. (к вопросу об исторической методологии)	174
<i>Shevchenko O.K.</i> The historical destiny of Rusins and the question of the UN at the Crimean Conference of 1945 (historical metodologii)	

<i>Федосов Е.А., Конев К.А.</i> Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты	189
<i>Fedosov E.A., Konev K.A.</i> Soviet poster in the times of the Great Patriotic War: national and regional dimension	

<i>Хаминов Д.В.</i> Историческая наука и историки тыла в экстремальных условиях военного времени (на примере Сибири 1941-1945 гг.)	210
<i>Khaminov D.V.</i> Historical science and historians of the home front in extreme wartime conditions (on example of Siberia 1941-1945)	

<i>Назария С.М., Полищев В.Н.</i> «Ясско-Кишинёвские Канны» – самая блестящая наступательная операция Второй мировой войны и её интерпретации в современной румынской историографии	227
<i>Nazaria S.M., Polivtsev V.N.</i> The Yassy-Kishinev Military Strategies - the most brilliant offensive operation of WWII and its Interpretation in current Rumanian historiography	

<i>Тубалова И.В.</i> Концепт «Великая Отечественная война» в личностноориентированных дискурсивных практиках обыденного человека	241
<i>Tubalova I.V.</i> The concept "Great Patriotic War" in the person-centered discursive practices of the ordinary person	

КОНФЕРЕНЦИЯ В ТОМСКЕ

23-24 апреля 2015 г. в Томске состоялась российская научная конференция с международным участием «СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: взгляд из XXI века», организованная Национальным исследовательским Томским государственным университетом и Общественной организацией «Русь» (Кишинев, Республика Молдова). Сотрудничество это не случайное, так как Сибирь и Молдова имеют тесные исторические связи, вызванные событиями XX в. Тысячи жителей Бессарабии были сосланы в Сибирь, в том числе в Нарымский край, воины-сибиряки освобождали Молдавию от немецко-фашистских захватчиков, многие жители Томской области являются русинами, молдаванами, украинцами по происхождению.

На пленарном и секционных заседаниях участники конференции заслушали около 30 докладов, представленных историками разных поколений, профессорами, доцентами, аспирантами и студентами вузов России и стран СНГ – от Петропавловска-Камчатского до Тирасполя. В конференции приняли участие студенты исторического факультета Томского университета (около 70 чел.).

В докладах и сообщениях рассматривались проблемы участия сибиряков в действующей армии, жизни населения в разных регионах России, Украины и Молдовы во время войны.

В пленарном докладе профессора В.П. Зиновьева и доцента С.Г. Суляка «Российский патриотизм сегодня» авторы анализируют проблему российского патриотизма в современных условиях противостояния России со странами Запада, в котором наша страна защищает свой суверенитет и национальные интересы. Они объясняют консолидацию общества вокруг современной власти тем, что в России удалось сохранить равное отношение ко всем периодам своей истории, в том числе и к советскому, главным наследством которого является Победа. Они утверждают, что Великая Отечественная война советского народа была лишь одним из эпизодов этого многовекового геополитического конфликта русской и западной цивилизаций. Цель последних действий противника – расколоть единство российского общества, подчинить его, уничтожить Русский мир, захватить природные ресурсы страны. В этих условиях исключительное значение имеет воспитание патриотизма и исторического самосознания россиян.

В ряде докладов освещалось участие сибиряков в боевых действиях. Например, доцент В.И. Зиновьева рассказала о шести братьях Юргиных, воевавших на разных фронтах с немецкими и японскими войсками.

Такие случаи были не единичны в истории страны. В докладе студентов А.Н. Кузьмина и Д.Е. Шандала сообщалось об участии сотрудников и студентов Томского университета в боевых действиях.

Значительная часть докладов была посвящена жизни томичей в период войны. Томск за годы войны превратился в крупный центр оборонной промышленности за счет эвакуированных предприятий, здесь были сосредоточены госпитали, вернувшие тысячи воинов в действующую армию. Вузы города продолжали действовать, а их сотрудники, объединенные Комитетом ученых, помогали армии, флоту, промышленности, медицине, сельскому хозяйству своими научными разработками (доклады профессоров С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылова, доцента А.Н. Сорокина и студента А.О. Степнова, заведомом книгохранения Научной библиотеки Томского университета Л.Л. Берцун и др.).

О вкладе в Победу жителей различных регионов России рассказали студенты Н.А. Адуканова, Н.А. Яцушкевич (Петропавловск-Камчатский), аспирантка О.А. Черемных, профессор А.С. Шевляков (Томск), Н.В. Чернышева (Киров) и др.

Заочное участие в конференции приняли участники секции «Молдавия и Украина в годы Великой Отечественной войны» (в связи с невозможностью приехать в Томск). Их доклады представлены в настоящем номере журнала, как и некоторая часть докладов других секций. Остальные доклады будут опубликованы в специальном сборнике материалов конференции.

*В.П. Зиновьев,
член редколлегии журнала «Русин»,
сопредседатель оргкомитета конференции*

УДК 94(47)"20/21"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/1

РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТИЗМ СЕГОДНЯ

В.П. Зиновьев¹, С.Г. Суляк²

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: vpz@tsu.ru

Scopus Author ID: 56185946000

SPIN-код: 5599-0806

²E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Scopus Author ID: 55359315000

Researcher ID: D-6981-2014

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

В статье авторы размышляют над проблемой российского патриотизма в современных условиях противостояния России и стран Запада, в котором наша страна защищает свой суверенитет и национальные интересы. Они утверждают, что Великая Отечественная война для советского народа была лишь одним из эпизодов многовекового геополитического конфликта русской и западной цивилизаций. Цель последних действий геополитического противника – расколоть единство российского общества, подчинить его, уничтожить Русский мир, захватить природные ресурсы страны. В этих условиях исключительное значение имеет воспитание патриотизма и исторического самосознания россиян.

Ключевые слова: Россия, патриотизм, история, Великая Отечественная война, советский народ.

Russian patriotism today

V.P. Zinovyev¹, S.G. Sulyak²

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: vpz@tsu.ru²E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

In the framework of the present article the authors reflects on the issue of Russian patriotism in modern conditions of confrontation between Russia and the West, in which our country protects its sovereignty and national interests. They affirms that the Great Patriotic War was just one of the episodes of this centuries-old geopolitical conflict between Russian and Western civilizations. The purpose of the last actions of the enemy – to split the unity of Russian society and subdue it, to destroy the Russian world, grab the natural resources of the country. In these circumstances, the most important – to instill patriotism and historical consciousness of Russians.

Keywords: Russia, patriotism, history, The Great Patriotic War, Soviet people.

Слово *патриотизм* происходит от общеевропейского корня – *pater/пара*, означающего *отец*. По-латински *patria*, по-гречески *patris* буквально значит *Отечество*. Патриотизм – это моральный и политический принцип поведения человека, основой которого является любовь к своему Отечеству, гордость за него, готовность его защищать, не жалея собственной жизни. Источник патриотизма – национальное или имперское государство с его традициями и историей, общим языком. Наша страна – Россия, или Российская Федерация, с тысячелетней историей и общим русским языком. Россия – преемница Российской империи и СССР.

Россияне гордятся своей страной и более тысячи лет защищают свою территорию.

Сейчас возобновилась патриотическая работа, государство стало больше обращать внимания на историю и сохранение русского языка. Это не случайно. Страна вернулась к самостоятельной внешней политике, к защите национальных приоритетов и ценностей. В своей речи 10 февраля 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности президент РФ В.В. Путин открыто выступил против гегемонии США и НАТО в международных отношениях, за многополярное устройство мира (Выступление 2007). «Цветные» революции на постсоветском пространстве, особенно события 2008 г. в Грузии и 2013-2014 гг. на Украине, поставили Россию на грань конфронтации с Западом. Продвижение НАТО на восток привело войну на порог нашей страны. Мечты старого русофоба З. Бжезинского о разделении России на марионеточные республики включены в программу реальной политики (Бжезинский 1999: 240). Экономические

санкции, политическое давление, по мнению американских стратегов, должны привести к недовольству населения и экономической элиты и к смене власти в России. Немалые деньги вложены спецслужбами США в «борцов за демократию» в нашей стране. На пост посла США в РФ назначен специалист по революциям, устроивший смену власти в Грузии и на Украине, – Д. Теффт¹. Политическая элита России сейчас вынуждена вспомнить о приоритете национальных интересов, о необходимости укреплять единство страны, о патриотизме и об исторических традициях.

На первую декаду XXI ст. пришлось много юбилеев и памятных дат нашей истории: 200-летие войны с Наполеоном (в сентябре 2012 г. – юбилей Бородинского сражения), 1150-летие российской государственности (2012), 400-летие Дома Романовых (2013), 100-летие начала Первой мировой войны (2014), 70-летие Победы (2015).

Сегодня, как и в прошлом, перед страной стоит труднейшая геополитическая задача – сохранить суверенитет и территориальную целостность. Нам не дают забыть о том, что мы занимаем 1/6 часть суши, на которой находится 30-40 % мировых минеральных ресурсов. Население нашей страны составляет немногим более 2 % от всего населения планеты. У нас в 15-20 раз больше ресурсов на человека, чем у остального мира. Нас уже заботливо спрашивают: не много ли вам? Критикуют наши методы освоения Сибири. Англосаксы считают, что они лучше использовали бы ресурсы Сибири (Хилл, Гэдди 2007).

Обращение высшей государственной власти к истории свидетельствует о том, что она начинает понимать, что история России – не просто наука. Это наше историческое самосознание, без которого нет страны и нет народа. Без истории народ становится населением, а государство исчезает. Напомним, что в советские времена историю долго не преподавали. Только в 1930-е гг. стали открывать исторические факультеты, так как большевики поняли, что защищать надо прежде всего свои национальные интересы, а поэтому необходимо патриотическое воспитание². В 1990-е гг. новые, на этот раз либеральные «интернационалисты» вновь стали нас убеждать в приоритете общечеловеческих ценностей перед национальными интересами. На самом деле учителя наших либералов соблюдали прежде всего свои национальные интересы, разоружая нас идейно. Общечеловеческие интересы есть, но их мало, и они касаются сохранения окружающей среды. В остальном же действуют национальные интересы.

Немецкий мыслитель Вернер Зомбарт образно и точно определил, что на земле, помимо классовой борьбы, идет вечная борьба народов за место под солнцем. Борьба за кусок хлеба – это борьба социальная, классовая, борьба между людьми внутри стран и государств за

долю дохода от совместного труда. Борьба за место под солнцем – это борьба государств и народов за территорию (Зомбарт 1905: 4). Внешняя политика – это борьба за природные ресурсы. Она ведется не только оружием и деньгами, но и в сфере культуры, сфере идей. История показала, что идеи социальной солидарности в сознании людей чаще уступают идеям национальной принадлежности, нежели наоборот. Напрасно коммунисты надеялись на пролетарскую солидарность в мировых войнах, а наши либералы – на солидарность своих европейских собратьев в постсоветский период.

История продолжает выполнять важнейшую идеологическую и политическую функции, ведь идеологическая борьба не закончилась с распадом СССР и падением КПСС, как многие наивно думают. На место коммунистической пришли другие, так же импортированные нам, усилилось давление на умы молодежи. Наши зарубежные «партнеры» напористо стараются перекроить представление о мире сегодняшнем и о мире прошлом в молодых умах.

Эта кампания агрессивно идет со времен перестройки. Нас хотят лишить своей истории, фальсифицируя ее славные страницы, нам пытаются привить ложное чувство вины за деяния предков. Переписывались учебники истории, приносились «покаяния», смещались акценты.

Что не удивительно. Ведь историческая память, как и русская культура, русский язык и православие, – это то, что объединяет большинство населения бывшего СССР. Именно по этим направлениям и наносится основной удар. Одной из объединяющих все народы постсоветского пространства дат, безусловно, является Победа наших дедов и прадедов над фашистской чумой, освобождение от нее Европы.

Сегодня подвергаются переоценке даже такие неоспоримые факты, что в Великой Отечественной войне именно Советский Союз разгромил фашистскую Германию. Многие молодые люди в нашей стране не знают, кто с кем и за что воевал в самой страшной войне XX в. Модно стало подражать нацистской символике и жестам. Правнуки победителей нередко попадают под влияние фашистской идеологии. Модно стало принижать роль СССР в войне и преувеличивать победы союзников.

Попытки переоценки нашей Победы – отчасти реакция на то, что в советское время из Великой Отечественной войны делали только героическую страницу и много горького и тяжелого вычеркивали. Сейчас показали и другую ее сторону – тяжелую, с ошибками, глупостями, а то и преступлениями. Некоторые историки и журналисты стали говорить, что фашизм победили вопреки Сталину. Но это другая сторона исторического беспамятства, потому что монстра мог победить только монстр, а система Сталина была таким организую-

щим монстром. Диалектика в том, что люди, которые участвовали в репрессиях против своего народа, нередко становились и героями Великой Отечественной. Миф о Победе вопреки системе – самый популярный в СМИ и художественных фильмах о войне. Создается новая либеральная история, в которой всех диктаторов побеждает свободная героическая личность. Не надо историю рафинировать, как бы это ни было удобно для господствующей идеологии.

С 1918 по 1941 г. наши предки совершили грандиозное дело: в аграрной стране с огромными жертвами провели индустриализацию, культурную революцию, что позволило создать механизированную грамотную армию и выиграть тяжелейшую войну.

Сейчас также модно обвинять большевиков в сепаратном мире с Германией после Первой мировой. На самом деле ту германскую войну начало и проиграло царское правительство, не имевшее средств для вооружения армии (Россия 1; Россия 2; Россия 3). Большевикам оставалось только платить по счетам, но они сохранили большую часть территории страны. Из пяти империй, вступивших в Первую мировую войну – Российской, Британской, Германской, Австрийской и Османской, остались только две первые, а после Второй мировой распалась и Британская империя. Не нужно об этом забывать, как нельзя забывать о патриотизме и героизме советского народа. Были, конечно, люди, которые ради борьбы с большевиками согласились на сотрудничество с фашистами, но их было немного. Они считаются изменниками Родины при всех российских властях, которые хорошо различают борьбу белых и красных внутри России и борьбу с внешним врагом. Нет прощения атаману Краснову и генералу Власову (Краснов 1983: 300; Антисоветские 1985: 54-55). К сожалению, и сейчас есть в нашей стране люди, которые в антикоммунистическом раже переходят границу «свой – чужой» и оказываются на стороне противников России. Есть и такая скользкая тропа, которой прошли многие диссиденты, начиная антикоммунистами, продолжая антисоветчиками и заканчивая русофобами. Белые и красные в нашей стране рано или поздно перестанут воевать – это борьба за кусок хлеба. Но тот, кто перешел на сторону врага в борьбе за место под солнцем, тот изменил всей стране. И такому прощения нет.

Надо помнить, что противоречия, порождающие войны, – геополитические, а не идеологические. Того, что мы русские, нам многие в Европе и за Атлантическим океаном никогда не простят. Сидим мы больше тысячи лет в Северной Азии и Северной Европе, свесив ноги в Ледовитый океан, и столетиями не могут нас спихнуть в это холодное море викинги, рыцари, наполеоны, гитлеры, рейганы и обамаы с меркелями.

Надо помнить, что волна русофобии в Европе поднималась каждый раз, когда Россия шла своим путем. В Средние века на православную Русь ходили рыцари-католики крестовыми походами. Не отставал от них и исламский Восток. В XVI–XVIII вв. против России европейские державы организовывали войны в союзе с Османской империей. В XIX в. Российскую империю обвиняли в реакционности. Нам не простили того, что Европа во главе с Наполеоном оставила своих сынов на русских заснеженных полях в 1812 г. В 1918 г. Россию опять пошли наказывать, но в этот раз – за несвоевременную революционность. И снова интервенты убралась, несолоно хлебавши. Первая и Вторая мировые войны были двумя актами одной трагедии, но игроки оставались прежними. В 1941 г. фашистский европейский «интернационал» разорял советскую землю, и вновь объединенная Европа потерпела поражение.

После той страшной войны перед нами опустили «железный занавес», объявив войну всему советскому. Ее СССР после 45 лет борьбы проиграл и распался, но Россия уцелела. Россия – единственное государство, которое продолжает отстаивать традиционные ценности, что заставляет Запад его бояться. Было время – в 1990-е гг., когда нас презирали. Да и в нашей стране тогда старались про нашу историю писать только пакости. Теперь другая Россия и другие правители. Можно по-разному относиться к В.В. Путину, но во внешней политике он жестко отстаивает государственные интересы, чем раздражает Запад. В своем очередном послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. президент дал ясно понять странам Запада, что Россия будет отстаивать свой суверенитет и интересы всеми средствами: «Ни у кого не должно быть иллюзий относительно возможности добиться военного превосходства над Россией. Мы этого никогда не допустим. Россия ответит на все эти вызовы – и политические, и технологические. Весь необходимый потенциал у нас для этого есть» (Путин 2013).

То, что противостояние России и Запада – геополитическое, доказывают последние события на Украине. В связи с этим конфликтом против нашей страны применяют все способы гибридной войны – военные, информационные, дипломатические, экономические. Это событие не местного значения. Оно готовилось десятилетиями, националисты Западной Украины получают поддержку со стороны Америки и НАТО уже лет 70. Боевиков-бандеровцев натаскивали в Литве и Польше за большие американские деньги. На Украине опять собрался весь русофобский «интернационал»: наемники из Америки, Польши, Прибалтики, Швеции, европейские либералы и социалисты, нацисты, исламские экстремисты... Руководство США и стран Евросоюза открыто поддерживает украинских нацистов, показывая, что в

борьбе с Россией все средства хороши. Показательно, что политики и СМИ западных стран постарались «не заметить», что в своем интервью 8 января 2015 г. немецкому телеканалу «ARD» премьер Украины А. Яценюк обвинил СССР в агрессии против Украины и Германии во Второй мировой войне, хотя это абсолютная ложь. «Не замечают» они и тысячи убитых на Донбассе и в Одессе. Четверть века украинскую молодежь пытаются целенаправленно учить ненавидеть Россию, хотя именно ей и большевикам Украина обязана своим появлением.

В российских учебниках истории, не говоря уже об украинских, ничего не говорится о том, что до 1917 г. великороссы, малороссы (нынешние украинцы) и белорусы не только официально считались единым русским народом, но и большинство из них к таковому себя причисляли сами. Русскими считали себя и русины, коренные жители Карпато-Днестровских земель.

Ни в одном из учебников «История России» мы не найдем упоминания о том, что первые концлагеря в Европе были созданы в 1914 г. конституционной Австро-Венгерской империей против русского населения (русинов) Галичины и Буковины (печально известные Талергоф, Терезин и т. д.). Долгое время население этих земель сохраняло общерусское сознание, но после прихода советской власти русинское движение прекратило свое существование, сам этноним стал табу.

Пример Украины и других стран СНГ, где заново перекроили историю, показал, что у нас есть проблема с преподаванием истории и воспитанием патриотизма в школе. Сейчас принята единая концепция школьного учебника по истории. Эту идею недоброжелатели России всячески опошляют, говоря о наступлении единомыслия и нового тоталитаризма. На самом деле эти люди боятся возвращения страны к плановому патриотическому воспитанию молодежи. В этом нужном деле наиболее трудной задачей является совмещение исторической истины и патриотического воспитания. Освещение истории должно быть позитивным, при этом в учебниках нужно соблюдать равное отношение ко всем периодам истории России, так как это история наших предков. Все наши деды и прадеды заслужили доброго слова. Если взять историю прежних веков – Рюриковичей и Романовых, то для того времени есть весомый аргумент для уважения – гигантская территория, которая была захвачена и закреплена. И только сейчас мы начинаем осваивать территорию, которую дали нам предки. Они нам оставили гигантскую страну – холодную, но с большим количеством топлива и других богатств недр. Ценность наших пустынных пространств в индустриальном мире многократно возросла.

XX в. – героический период российской / советской истории: страна создала индустрию, победила в страшной войне. И это козырь

в любых спорах, аргумент, который невозможно отрицать. Таким образом, Рюриковичам и Романовым мы обязаны территорией, а большевикам – независимостью России и построением индустриального государства, багажом которого до сих пор пользуемся. Когда украинские националисты валят памятники В.И. Ленину, советским воинам, когда президент Украины П. Порошенко, с одной стороны, чествует «героев» ОУН-УПА, с другой – сразу же после Дня Победы подписывает указ об осуждении коммунистического и национал-социалистического тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики, ясно, что речь идет не о коммунизме: для него Ленин и советские воины – символы России. Не время сейчас ворошить старую вражду белых и красных в далекой Гражданской войне. Сейчас время определяться: ты за Россию или против нее, потому что геополитика теперь важнее идеологии.

Попытки принизить роль Советского Союза в победе над фашизмом, героизация нацистских преступников, их последователей и тех людей, которые разделяют их идеологию, поменять местами преступников и жертвы занимают в пропагандистских планах США и Европы одно из важнейших мест, усиленно помогают им в этом и местные либералы.

Как-то случайно на просторах Интернета нам на глаза попался «перл» одного либерального поэта – некого И. Зимина «Престарелый Почечуй»³, посвященный ветеранам. Более мерзкого произведения мы ранее не встречали. Это как же надо ненавидеть свою историю, свой народ, если сподобиться написать такое?

На большой пресс-конференции 18 декабря 2014 г. президент России провел четкую грань между оппозиционерами и «пятой колонной»: «Оппозиционер, даже очень жесткий, он в конечном итоге до конца борется за интересы своей Родины. А “пятая колонна” – это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей» (Путин 2014а).

Процесс переписывания нашей истории резко активизировался со времен перестройки. В 1989 г. Съезд народных депутатов осудил Пакт Молотова-Риббентропа (Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом) и признал его юридически несостоятельным.

Прибалтийские республики стали рассматривать события 1940 г. как оккупацию и считать себя правопреемниками государств, существовавших в 1918-1940 гг., а советские прибалтийские республики (Литовскую, Латвийскую и Эстонскую ССР) – незаконными оккупационными режимами. Кульминацией этого действия стал навязываемый культ ветеранов войск СС в Латвии и Эстонии. Хотя общеизвестно, что

большинство населения нынешних стран Балтии боролось против фашистских оккупантов.

Молдавский парламент после неудавшегося «путча» ГКЧП тоже осудил Пакт Молотова-Риббентропа в Декларации о независимости Республики Молдова. Причем это осуждение поставило под вопрос легитимность самой молдавской государственности: в результате присоединения Бессарабии к СССР из большей части ее уездов и районов МАССР была образована новая союзная республика – Молдавская ССР, в границах которой сегодня расположена Республика Молдова (Суляк 2012: 11, 13-14).

В апреле 2009 г. Европейский парламент провозгласил дату подписания договора о ненападении между Германией и Советским Союзом – 23 августа – Днем памяти жертв сталинизма и нацизма. А позже, в мае, Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию «Об объединении разрозненной Европы», где приравнивали нацизм и сталинизм, осудив и тот, и другой.

В последнее время западная пропаганда пытается обвинить СССР в развязывании Второй мировой войны. По их логике, заключив с Германией договор о ненападении и разделив Европу на сферы влияния, Советский Союз начал вместе с Германией агрессию против Польши. Таким образом, делаются попытки поставить на одну доску СССР и фашистскую Германию.

Однако почему-то забывается, что «демократические» Франция и Великобритания подписали ранее, в сентябре 1938 г., с Гитлером и Муссолини соглашение о передаче Чехословакией Судетской области Германии, тем самым предав своего союзника. В дальнейшем это привело к распаду и оккупации страны. Другое «демократическое» государство того времени, Польша, сначала отказалось пропустить через свою территорию части РККА, готовые прийти на помощь Чехословакии, а затем, в разгар судетского кризиса, как писал в своих мемуарах У. Черчилль, «с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства» (Черчилль 1991: 155), захватив тешинскую Силезию.

Почему-то «цивилизованный» мир сохраняет странное молчание по поводу тех событий, проигнорировав 75-летний «юбилей» Мюнхенского пакта в 2013 г. (Мюнхенское соглашение было подписано 30 сентября 1938 г.). Вероятно, не дождемся мы и упоминаний о нем в западных и либеральных СМИ и в нынешнем году.

Комментируя этот позорный для Великобритании сговор, Черчилль сказал, обращаясь к премьер-министру Великобритании: «У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье, и теперь вы получите войну» (100 человек 2008: 13).

Именно политика умиротворения агрессора, проводившаяся Францией и Великобританией, привела к новой мировой войне.

Развязанная широкая кампания по дискредитации нашей Победы в Великой Отечественной не принесла ощутимых результатов. Действительно, невозможно «переписать историю под чьи-то геополитические интересы» (Путин 2014b).

В 2015 г. общественная акция «Бессмертный полк», инициированная в 2012 г. в Томске, прошла в 15 странах. В том числе и впервые в Молдавии, а также в самопровозглашённых республиках ДНР и ЛНР на востоке Украины.

В одной только Москве в акции приняли участие более 500 тыс. чел. Как писалось в СМИ, «Бессмертный полк» превратился в бессмертную армию.

Опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенный в апреле 2015 г., показал, что 91 % россиян обычно наблюдает за парадами 9 мая и каждый второй (47 %) убежден, что они должны напоминать о подвиге народа в войне 1941-1945 гг. (ВЦИОМ).

Есть серьезные причины полагать, что западные санкции против России – это еще одна попытка дестабилизации ситуации в стране и смены режима. Вопреки этим тщетным ожиданиям, подавляющая часть населения РФ объединяется вокруг В.В. Путина и готова защищать свою страну, о чем свидетельствует высокий рейтинг президента в соцопросах. Согласно опросам ВЦИОМ, доверие россиян к Владимиру Путину по-прежнему остается высоким: по данным, полученным в марте 2015 г., 65 % россиян доверяет ему решение важных государственных вопросов. Эта цифра существенно превышает результаты опросов аналогичных периодов прошлых лет. Рейтинг одобрения работы президента с апреля 2014 г. не опускался ниже 80 %. По итогам первых недель весны (март 2015 г.) он составил 88 % – подавляющее большинство россиян положительно оценивают деятельность главы государства.

Что мы должны сделать, чтобы быть достойными памяти предков? Нужно провести модернизацию экономики, о которой экономисты заговорили ещё в 80-е гг. XX в. Это будет достойный ответ и предкам, и потомкам. Сейчас необходимо строить постиндустриальное информационное общество, что даст оружие для защиты территории и наших национальных интересов, повысит жизненный уровень народа. Тогда удастся построить и реальную демократию. Модернизация, о которой столько говорим, должна быть и экономической, и политической. Она должна проводиться с помощью средств информации и патриотического воспитания. Нужно давать больше позитива о нашей

стране и в истории, и в повседневной жизни. Надо чаще показывать героические страницы истории России, среди которых годы Великой Отечественной войны – самые яркие и значительные.

**Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

Примечания

1. Джон Фрэнсис Теффт был послом США в Грузии (2005-2009), на Украине (2009-2013), с августа 2014 г. – посол в Российской Федерации.

2. 15 мая 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) подписали Постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Изменившаяся внутрисполитическая и внешнеполитическая обстановка требовала отказа от прежних интернациональных лозунгов. Эта позиция советского руководства получила отражение в выступлении И.В. Сталина 7 ноября 1937 г. на торжественном обеде у К. Ворошилова. В ней был реабилитирован весь период русской истории: «Русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство – до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех великих народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да, и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»

Источник: Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997.

3. Мы посчитали необходимым обнародовать данный плод либерального «творения»:

Престарелый Почечуй

Илья Зимин

Престарелый воняет мочой,
Престарелый страдает бездельем,

Догорая коптящей свечой,
Портит всем остальным настроенье.

Крепкий западный евростарик
С нашим старым дедОм не товарищ.
Здесь гораздо приветливей вид,
С этим кашу, быть может, и сварить.

2009 г.

Источник: Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru/2009/11/12/5568> (дата обращения: 20 апреля 2015).

ЛИТЕРАТУРА

100 человек 2008 - 100 человек, которые изменили ход истории. Уинстон Черчилль / Гл. редактор А. Жаркова. Еженедельное издание. Де Агостини. Вып. 49. Киев: Юнивест Маркетинг, 2008. 30 с.

Выступление 2007 - Российская газета. Выступление президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля // Российская газета (Столичный выпуск) № 4292. 10 февраля 2007 г.

ВЦИОМ - ВЦИОМ. Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. Парад Победы: дань памяти или демонстрация военной мощи? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115233> (дата обращения: 10 мая 2015).

Бжезинский 1999 - *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.

Хилл, Гэдди 2007 - *Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.

Зомбарт 1905 - *Зомбарт В.* Социализм и социальное движение в XIX столетии // Пер. с нем. под ред. В. Богучарского. Ростов-на-Дону: Изд. Н.Е. Паранова «Донская речь», 1905. 124 с.

Россия 1 - Россия в Первой мировой войне. 1914-1918: Энциклопедия: в 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 1: А-Й. 822 с.

Россия 2 - Россия в Первой мировой войне. 1914-1918: Энциклопедия: в 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 2: К-П. 904 с.

Россия 3 - Россия в Первой мировой войне. 1914-1918: в 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 3: Р-Я. 717 с.

Суляк 2012 - *Суляк С.Г.* Молдавия и Русский мир: возможно ли возвращение? // Русин. 2012. № 3 (29). С. 5-32.

Краснов 1983 - *Краснов П.Н.* Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Антисоветские 1985 - Антисоветские формирования // Великая Отечественная война. 1941-1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985.

Путин 2013 - Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г. // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825> (дата обращения: 20 апреля 2015).

Путин 2014а - Большая пресс-конференция Владимира Путина 18 декабря 2014 г. // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47250> (дата обращения: 20 апреля 2015).

Путин 2014б - Путин В.В. Встреча с молодыми учёными и преподавателями истории 5 ноября 2014 г. // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20 апреля 2015).

Черчилль 1991 - Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. М.: Воениздат, 1991. Кн. 1, т. I-II. 592 с.

REFERENCES

Zharkova, A. (ed.) (2008) *100 chelovek, kotorye izmenili khod istorii. Uinston Churchill* [100 people who changed the history. Winston Churchill]. Kiev: Yuni-vest Marketing. Iss. 49 [In Russian].

Putin, V.V. (2007) Vystuplenie prezidenta Rossii na Myunkhenskoy konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti [Speech by the President of Russia at the Munich Conference on Security Policy]. *Rossiyskaya gazeta*. 4292. February 10th [In Russian].

Russian Public Opinion Research Center. (2015) *Parad Pobedy: dan' pamyati ili demonstratsiya voennoy moshchi?* [The Victory Parade: a tribute or a demonstration of military might?] [Online]. Available from: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115233> (Accessed: 10th May 2015) [In Russian].

Bzhezinskiy, Z. (1999) *Velikaya shakhmatnaya doska* [The Grand Chessboard]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya [In Russian].

Khill, F. & Gaddi, K. (2007) *Sibirskoe bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushchee Rossii* [The Siberian burden. The blunders of the Soviet planning and the future of Russia]. Moscow: Research and Educational Forum on International Relations [In Russian].

Sombart, V. (1905) *Sotsializm i sotsial'noe dvizhenie v XIX stoletii* [Socialism and the social movement in the 19th century]. Translated from German by V. Bogucharskiy. Rostov-na-Donu: Donskaya rech' [In Russian].

Sorokin, A.K. (ed.) (2014) *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne. 1914-1918* [Russia in the First World War]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. Vol. 1: A-Y [In Russian].

Sorokin, A.K. (ed.) (2014) *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne. 1914-1918* [Russia in the First World War]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. Vol. 2: K-P [In Russian].

Sorokin, A.K. (ed.) (2014) *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne. 1914-1918* [Russia in the First World War]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. Vol. 3: R-Ya [In Russian].

Sulyak, S.G. (2012) *Moldaviya i Russkiy mir: vozmozhno li vozvrashchenie?* [Moldavia and the Russian world: is a return possible?]. *Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal – Rusin. International Journal of History*. 3 (29) [Russian].

Krasnov, P.N. (1983) *Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR* [The Civil War and military intervention in the USSR]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya [In Russian].

Kozlov, M.M. (ed.) (1985) *Velikaya Otechestvennaya voyna. 1941-1945* [The Great Patriotic War. 1941-1945]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya [In Russian].

Putin, V.V. (2013) *Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu. 12 dekabrya 2013 g.* [Message from the President to the Federal Assembly. December 12, 2013] [Online]. Available from: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825> (Accessed: 20th April 2015) [In Russian].

Putin, V.V. (2014). *Bol'shaya press-konferentsiya Vladimira Putina 18 dekabrya 2014 g.* [Large press conference of Vladimir Putin. December 18, 2014] [Online]. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/47250> (Accessed: 20th April 2015) [In Russian].

Putin, V.V. (2014) *Vstrecha s molodymi uchenyimi i prepodavatel'nyimi istorii 5 noyabrya 2014 g.* [The meeting with young scientists and teachers of history. November 5, 2014] [Online]. Available from: <http://www.kremlin.ru> (Accessed: 20th April 2015) [In Russian].

Churchill, W. (1991) *Vtoraya mirovaya voyna: V 3 kn.* [The Second World War. In 3 books]. Moscow: Voenizdat. Book 1 [In Russian].

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

Zinovyev Vasilii – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History of National Research Tomsk State University.

E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

Sulyak Sergey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Laboratory for Interdisciplinary Research of National Research Tomsk State University, Editor-in-Chief of the International Historical Journal *Rusin*, President of the Association "Rus" (Republic of Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(470)“1941/1945”:378.11(571.16)

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/2

ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТОМСКОГО КОМИТЕТА УЧЕНЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.

С.Ф. Фоминых¹, А.О. Степнов², В.О. Афанасенков³

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Scopus Author ID: 56491025000

SPIN-код: 5503-6769² E-mail: ASAOM@yandex.ru

SPIN-код: 3791-5941

³ E-mail: erpaison@gmail.com

SPIN-код: 9120-6529

Авторское резюме

На примере деятельности организационной структуры Томского комитета ученых в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. исследуются принципы, механизмы, а также формы и методы организации науки в военное время. Формально подчиняясь органам городской партийной власти, что зафиксировано в проектной и установочной документации органа, на деле комитет пользовался привилегией независимости, самостоятельно принимая решения об изменении состава комитета, реорганизации его внутренней структуры, начале тех или иных исследований, привлечении сотрудников определенных вузов, членов комитета к реализации научных проектов. Данное обстоятельство, а также формы организации научной жизни Томска, в годы войны определяемой комитетом, способствовали эффективному функционированию научного аппарата г. Томска. Проведение заседаний пленумов и президиума, создание временных и постоянных вспомогательных структур типа бюро, комиссий, бригад, коллегиальность в принятии постановлений служили делу скорейшего приближения Победы.

Ключевые слова: Томский комитет ученых, Великая Отечественная война, организация науки, Сибирь.

Principles of functioning of the Tomsk committee of scientists during the Great Patriotic War of 1941-1945

s.F. Fominykh¹, A.O. Stepnov², V.O. Afanasenkov³

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

²E-mail: ASAOM@yandex.ru

³E-mail: erpaison@gmail.com

Abstract

There was investigated principles, mechanisms and forms and methods of science in wartime. On the example of the organizational structure and activity of the Tomsk committee of scientists during the Great Patriotic War of 1941-1945. Formally subordinate bodies city party rule, as recorded in the design and installation documentation body, in fact, the privilege committee independence, own decisions about changing the composition of the committee, the reorganization of its internal structure, the beginning of any research, involving employees of certain universities, members of the committee to research projects. This fact, as well as forms of academic life in Tomsk, during the war determined by the committee, contributed to the effective functioning of the scientific apparatus of Tomsk. Holding meetings and plenary sessions of the presidium, the creation of temporary and permanent support structures such as offices, commissions, brigades, collegiality in taking decisions served to the early approach of Victory.

Keywords: Tomsk committee of scientists, the Great Patriotic War, the organization of science, Siberia.

В свете 70-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне перед обществом встал целый комплекс вопросов, требующих тщательного рассмотрения и не утративших свою актуальность в XXI в.

Одним из ключевых факторов Победы в войне была эффективная организация тыла: масштабная эвакуация предприятий, вузов и НИИ, скорейшее налаживание их работы на новых местах - в Казахстане и Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Сибири.

Старейший университетский город Сибири Томск, крупный научно-образовательный центр на востоке страны, в первый год войны принял ряд вузов из европейской части СССР. Сюда были эвакуиро-

ваны Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), Московский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта им. Ф.Э. Дзержинского (МЭМИИТ), Московский станко-инструментальный институт им И.В. Сталина (Станкин). Вместе с этими учреждениями в Томск приехало свыше 200 ученых (ЦДНИ ТО: 153). Всего к концу 1941 г. и на протяжении 1942 г. в Томске находилось около 900 профессоров, доцентов, преподавателей, научных работников при 160 тыс. жителей (Фоминых 2015: 10).

В условиях войны приоритетной задачей государства являлось приведение данного потенциала в строгую систему, функционирование которой обеспечило бы фронт новейшими технологиями, стало бы опорой для промышленного производства, как военного, так и гражданского.

Томский комитет ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время (ТКУ) был образован 30 июня 1941 г. после того, как инициатива группы томских ученых получила одобрение от городского комитета ВКП(б). На организационном собрании в присутствии секретарей Томского горкома ВКП(б) В.И. Барахнина и Т.Г. Клепцова, заведующего агитационно-пропагандистским отделом горкома Г. Сысоева был избран руководящий и членский состав комитета ученых. В президиум ТКУ вошли бывший директор Томского государственного университета (ТГУ), заведующий кафедрой механики (динамики) развития животного организма профессор Б.П. Токин (председатель), директор Сибирского физико-технического института при ТГУ (СФТИ), профессор В.Д. Кузнецов, профессор Томского медицинского института (ТМИ), хирург А.Г. Савиных и директор Томского индустриального института (ТИИ), профессор К.Н. Шмаргунов (заместители председателя). Данный состав президиума ТКУ сохранялся на протяжении всех военных лет.

На организационном собрании также определилась магистральная задача нового органа: «Содействие развитию промышленности и транспорту, помощь им в условиях военного времени, в частности изыскание различных заменителей» (ЦДНИ ТО 2: 1 об.).

В начале июля было выработано Положение о Томском комитете ученых, где задача ТКУ была сформулирована следующим образом: «Мобилизация научных сил города по обслуживанию промышленных предприятий, транспорта, сельского хозяйства и нужд Красной Армии» (ЦДНИ ТО 4: 26). Один из организаторов комитета В.Д. Кузнецов в том же 1941 г. в докладе об организации ТКУ отмечал: «Задачи будут все расширяться и увеличиваться» (ЦДНИ ТО 3: 1 об.).

2 июля 1941 г. состоялось общегородское собрание научных работников, на котором с докладом «Отечественная война и задачи ученых» выступил Б.П. Токин. Его речь стала программной. Председа-

датель комитета не просто призывал ученых направить свою волю, энергию, инициативу на помощь фронту и обороне страны, но и наметил конкретные проблемы, разработкой которых должны были заняться ученые Томска. Б.П. Токин подчеркнул при этом: «Задача руководителей научно-исследовательской работы в вузах, задача руководителей исследовательских институтов, кафедр заключается сейчас в том, чтобы быстро, без суетни, особенно заседательской, без приказов, вовремя подхватить инициативу ученого в актуальной тематике... создать все условия для успешной деятельности ученого. Это лучше сотни заседаний, сотни планов» (Красное знамя: 1941. 2 июля).

Б.П. Токин определил два основных момента, на которых следовало сосредоточить внимание. Во-первых, это инициатива ученых, направленная на постановку актуальных задач и их скорейшую реализацию с дальнейшим практическим внедрением. Во-вторых, ответственность руководства вузов и НИИ, которым из общей массы изобретательских, рационализаторских, исследовательских предложений необходимо было выбрать те, которые были бы наиболее существенными и полезными для промышленности, армии, железнодорожного и речного транспорта, сельского.

ТКУ официально считался филиалом научного совета при Новосибирском облисполкоме и создавался только на время войны. За руководством комитета было закреплено право давать научно-технические и организационные поручения ученым и инженерам города (ЦДНИ ТО 4: 26).

Томский комитет ученых базировался на практике функционирования в Томске в предвоенные годы консультационного бюро ученых, а также на опыте зарубежных государств. В.Д. Кузнецов писал: «В капиталистических странах вся наука поставлена на службу войны. В США летом 1940 г. организован исследовательский комитет национальной обороны, во главе которого поставлен доктор Буш – председатель Института Карнеги в Вашингтоне... Такие же советы или комитеты созданы во Франции и Англии» (ЦДНИ ТО 3: 5-6).

Стоит остановиться на вопросе о членстве в ТКУ. Формально состав комитета определялся Томским горкомом и горисполкомом ВКП(б), фактически же руководство ТКУ представляло для подтверждения кандидатуры, выбранные самими учеными. За время функционирования комитета утвердился четкий критерий членства – участие в организационной работе комитета. Так, 11 декабря 1941 г. «в связи с очевидной перегруженностью и вследствие этого не принимавших участия в организационной работе» (ЦДНИ ТО 2: 68) были выведены из состава комитета профессор Ю.А. Кузнецов и доцент А.Т. Логвиненко. Однако ТКУ, как уже было отмечено, отличался широкой мобильностью: на место выбывших назначались новые члены.

После 30 июня 1941 г. в состав комитета вошли Н.А. Чинакал, директор ТГУ Я.Д. Горлачев. В 1944 г. в состав ТКУ были введены академик А.А. Заварзин (эвакуирован в Томск), профессора В.В. Ревердатто, В.М. Кудрявцева, Д.А. Жданов. Первоначальный состав комитета (на 30 июня 1941 г.) насчитывал 11 человек, всего за годы войны в разное время членами комитета был 31 человек.

Одной из главных функций Томского комитета ученых была координация действий научных сил города. В этой связи особенно важным представляется вопрос о формах и методах организации столь крупного научного сообщества. К осени 1941 г. выработалась устойчивая структура. Это, во-первых, президиум, на заседания которого приглашались представители городской партийной власти, инженеры и директора предприятий - томских и эвакуированных; во-вторых, пленумы ТКУ, которые на начальном этапе Великой Отечественной войны собирались практически ежемесячно.

Ученые принимали решения, направленные на ускорение разработок, диалог с партийной и городской властью, назначали ответственных за исполнение заданий и т. п.

На заседаниях комитета обсуждались вопросы, требовавшие безотлагательного рассмотрения. Так, уже на первых заседаниях ТКУ остро встал вопрос о поиске местных заменителей топливно-энергетических ресурсов, дефицит которых испытывала промышленность Новосибирской области. Ситуация осложнялась тем, что к началу войны в Томске была всего одна электростанция, и в связи с эвакуацией это могло обернуться сбоем в работе некоторых предприятий. Вопрос, следовательно, требовал экстренного решения. Коллектив ученых, выслушав 8 июля на заседании доклад профессора ТИИ геолога М.К. Коровина об использовании местного топлива, высказал ряд предложений. Проблему дефицита ресурсов рекомендовали преодолеть за счет разработки торфа и бурого угля в окрестностях Томска. Профессорам-химикам ТИИ И.В. Геблеру и И.Н. Бутакову было поручено провести исследования по брикетированию угля, т.е. его обработке. В то же время перед городской властью был поставлен вопрос о несоответствии «финансирования торфоразработок возможностям добычи и потребностям потребления города» (ЦДНИ ТО 2: 14).

На данном примере можно проследить механизм действия комитета как координирующего органа. ТКУ охватывал всё научно-исследовательское разнообразие Томска, направляя коллективные усилия ученых на решение острых вопросов (в данном случае – обеспечение города и области топливом), и в то же время являлся связующим звеном между властными структурами (Томский горком, Новосибирский обком и др.) и научным сообществом города.

В 1941-1942 гг. ученые-геологи исследовали, а затем развернули работы по открытой добыче на Итатском и Казанском месторождениях бурого угля вблизи Томска, приступили к разработке торфяных залежей Таганского месторождения, велись работы по поиску месторождений нефти. В решении топливной проблемы принимали участие профессора М.К. Коровин, Н.А. Чинакал, Г.И. Фукс, А.Д. Стрельников и др.

Другим примечательным аппаратом решения научно-исследовательских задач стала организация более узких структур - секций, бригад, бюро.

С началом войны и потерей некоторых западных районов СССР возникла проблема поиска заменителей ранее привозимых и импортируемых лекарственных дикорастущих растений. 4 июля 1941 г. член комитета профессор ТГУ В.В. Ревердатто на заседании ТКУ выступил с докладом «О замене импортных и дефицитных лекарственных растений дикорастущими в Сибири и снабжении ими гражданских и военных лечебных учреждений». Ученые пришли к выводу о возможности решения данной проблемы, которая главным образом исходила из запросов Томского фармацевтического завода. Для решения данного вопроса было принято решение для координации деятельности создать при ТКУ ботанико-фармакологическое бюро в составе В.В. Ревердатто, Н.В. Вершинина и А.Д. Бейкиной (Некрылов и др. 2014: 133).

При участии ТКУ к данной работе также привлекались Новосибирская контора лекарственного треста, научные сотрудники Ботанического сада (А.Г. Гончаров, С.Н. Рыбакова), заведующая Гербарием ТГУ Л.П. Сергиевская, представитель Томского горкома И.П. Федоринов, а также студенты и домашние хозяйства города.

Результаты иллюстрируют степень эффективности данных способов организации. Только за первые месяцы работы ботанико-фармакологического бюро удалось заготовить свыше 3 тыс. кг лекарственного сырья, а к началу 1943 г., после одобрения деятельности ТКУ Народным комиссариатом здравоохранения СССР, положительного решения вопросов использования дикорастущего лекарственного сырья, введения в промышленный оборот заменителей был не просто обеспечен Томский фармзавод, но и встал вопрос «об обслуживании Сибири всей фармпромышленности СССР» (ЦДНИ ТО 4: 8 об.).

Нужно отметить, что организационная структура Томского комитета ученых была мобильной, динамично трансформировавшейся в соответствии с задачами и потребностями каждого отдельного периода функционирования ТКУ. Выполнив изначально поставленную задачу бюро, бригады, секции в составе ТКУ упразднились или реоргани-

зовывались. Так, вместо ботанико-фармако-логического бюро на заседании пленума 11 декабря 1941 г. было создано медико-биологическое, председателем которого назначили профессора ВИЭМ Б.И. Лаврентьева. Это было связано, во-первых, с выполнением тех целей, которые изначально ставились перед ботанико-фармакологическим бюро, а во-вторых, с развитием самого комитета, его внутренней эволюцией. Компетенции и задачи бюро стали выбиваться из ранее заданной модели.

При ТКУ также функционировали химическое (председатель – И.В. Геблер), горно-геологическое (профессор ТГУ И.К. Баженов) и транспортное (профессор МЭМИИТ С.П. Сыромятников) бюро.

Для реализации другой важной функции – обеспечения связи науки и производства – комитет ученых «организовал из лучших специалистов томских вузов» (ЦДНИ ТО: 1-2) консультационное бюро, где любой представитель производства, инженер или рабочий в любой момент мог получить консультацию по интересующему его вопросу. Крупные ученые, в основном томских вузов, консультировали по вопросам энергетики (И.Н. Бутаков), металлообработки (В.Д. Кузнецов, А.А. Розенберг), химии (И.В. Геблер, Г.В. Хонин, Б.В. Тронов), геологии и эксплуатации полезных ископаемых (Д.А. Стрельников, Г.Е. Баканов, В.А. Хахлов, М.И. Кучин) и т. д.

Для динамичного реагирования на нужды предприятий, в том числе эвакуированных, ТКУ назначал уполномоченных на заводах и закреплял за ними определенные кафедры вузов Томска. На заводе № 838 (Манометр), например уполномоченным от комитета был профессор И.Е. Городецкий. Кафедры Станкина, оптики, металлофизики и дефектоскопии СФТИ обязывались оказывать всемерное содействие предприятию. На Томском электромеханическом заводе уполномоченным был К.Н. Шмаргунов, на фармзаводе – Б.И. Лаврентьев, заводах № 355 (Оптико-механический завод г. Загорска) и № 353 (Оптико-механический завод г. Изюм, УССР) – В.Д. Кузнецов (ЦДНИ ТО 2: 98 об.99).

Летом 1941 г. ТКУ апробировал новый метод работы с предприятиями – формирование ученых бригад «для оперативной помощи предприятиям г. Томска». 29 августа были сформированы химико-технологическая бригада во главе с И.В. Геблером, транспортная (начальник ТЭМИИТ А.Д. Белоусов), металлотехническая (В.Д. Кузнецов), коммунальная (Е.М. Пухов), электротехническая (В.К. Щербаков), топливная (М.К. Коровин), энергетическая (И.Н. Бутаков).

К 17 декабря того же года топливная и энергетическая бригады были ликвидированы, а их бывшим членам рекомендовали присоединиться к работе энергетической секции горисполкома (ЦДНИ ТО 5: 94).

Тот же бригадный метод был использован и при подготовке к осенне-зимнему максимуму использования электроэнергии в 1942 г. 29 августа для «проверки ТЭЦ и энергохозяйства некоторых промпредприятий г. Томска» были созданы следующие бригады: по техпомощи ТЭЦ; по обследованию энергохозяйства предприятий; для оказания научно-технической помощи по монтажу ВЭС; по рациональному использованию паровозов ФД на ТЭЦ. В бригады, кроме ученых, в основном сотрудников МЭМИИТ, входил инженерный состав различных предприятий (ЦДНИ ТО 6: 9).

Вместе с временными структурами для решения актуальных оборонных задач руководство ТКУ создавало также постоянно действующие комиссии. Импульсом послужила тяжелая ситуация на фронте, а непосредственным руководством к действию – речи И.В. Сталина, сказанные в ноябре 1941 г. во время торжественного заседания по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и во время парада на Красной площади 7 ноября.

На заседании пленума ТКУ, состоявшемся 11 декабря 1941 г., прозвучали следующие слова: «Комитет ученых предлагает президиуму сосредоточить преимущественное внимание в своей работе на вопросах непосредственного обслуживания Красной армии, на открытиях и изобретениях, уничтожающих технику врага, на вопросах помощи предприятиям, работающим для фронта» (ЦДНИ ТО 2: 65). Были созданы постоянно действующие научные комиссии по противотанковой бутылке под председательством В.Д. Кузнецова, по изысканию новых противотанковых средств во главе с Т.А. Туклиным, по маскировке и демаскировке военных объектов, а также по взрывчатым веществам.

16 декабря 1942 г. при ТКУ также была создана постоянно действующая сельскохозяйственная комиссия.

Работе ТКУ были свойственны открытость и демократичность. Гражданской активностью, инициативой снизу был создан сам комитет. Именно поэтому «деятельность комитета ученых, помимо чисто научных результатов, интересна и тем, что она возрождала принципы автономии культуры, которые заявили о себе в период нэпа» (Зиновьев 1994: 450).

Деятельность ТКУ стала образцом для разных регионов СССР. По опыту Томского комитета создались комитеты ученых в других городах страны, а в Сибири – в Новосибирске, Кемерове, Новокузнецке (Петрова 1968: 82).

Несмотря на непременную связь ТКУ с городскими структурами власти, руководство и члены комитета действовали во многом независимо, самостоятельно. Многие постановления пленумов и

президиума ТКУ, хотя и согласовывались с властью, но принимались автономно в кругу ученых.

Об этом косвенно свидетельствует и частота рассмотрения вопросов, связанных с ТКУ, на заседаниях органов городской партийной власти. Так, всего за годы войны Томский комитет ученых упоминался на 16 заседаниях бюро Томского горкома ВКП(б), из них на 6 - в 1941 г., 4 - в 1942 г., по 2 заседания приходились на 1943, 1944 и 1945 гг.

Нельзя не отметить, что председатель комитета Б.П. Токин ранее, в ноябре 1937 г. был снят с поста директора ТГУ, исключен из партии, в 1938-1939 гг., находился под арестом за «связь с врагами народа», а заместитель председателя В.Д. Кузнецов был беспартийным вплоть до 1945 г., когда он решил вступить в ВКП(б).

Характерно и символическое начало деятельности комитета ученых. В первые дни войны лауреат Сталинской премии, выдающийся ученый г. Томска профессор ТЭМИИТ Н.И. Карташов дал клятву от имени ученых города «служить фронту, народу, армии и всей стране» (ЦДНИ ТО 7: 135).

Потомки, как в свое время и современники, не могут не оценить по достоинству тот вклад, который внесла интеллигенция в Победу в Великой Отечественной войне.

** Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ, гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» № 14.В25.31.0009.*

ЛИТЕРАТУРА

Зиновьев 1994 - Томская область: исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 684 с.

Красное знамя - Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся.

Некрылов и др. - Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Наука и практическая медицина г. Томска в годы Великой Отечественной войны // Сибирский медицинский журнал. 2014. № 3. С. 131-138.

Петрова 1968 - Петрова Т.Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1951-1945 гг.). Томск: изд-во Том. ун-та, 1968. 390 с.

Фоминых 2015 - Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Издательский дом ТГУ, 2015. 480 с.

ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Томский комитет ученых. Оп. 1. Д. 9. Общие вопросы по организации комитета и его работы. Материалы по вопросу организации Сибирского филиала Академии наук. 5.06.1941-24.06.1945. 253 л.

ЦДНИ ТО 2 - ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Томский комитет ученых. Оп. 1. Д. 2. Протоколы заседаний президиума, пленумов, бюро Томского комитета ученых. 30.06.1941-30.10.1944. 127 л.

ЦДНИ ТО 3 - ЦДНИ ТО. Ф. 1562. Кузнецов В.Д. Оп. 1. Д. 489. Доклады о работе ученых города Томска по помощи промышленности. 1941-5.12.1944. 78 л.

ЦДНИ ТО 4 - ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Томский комитет ученых. Оп. 2. Д. 1. Информация комитета ученых о работе и переписка с Всесоюзным комитетом по делам высшей школы, с Р.С. Землячкой и др. 16.08.1941-1945. 36 л.

ЦДНИ ТО 5 - ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Томский комитет ученых. Оп. 1. Д. 4. Переписка по вопросам: о местных природных ресурсах, научной консультации, об установлении связи комитета с предприятиями области и др. 9.09.1941-12.10.1943. 283 л.

ЦДНИ ТО 6 - ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Томский комитет ученых. Оп. 1. Д. 7. Протоколы комиссий, совещаний, пленумов комитета ученых. 5.07.1941-5.01.1945. 131 л.

ЦДНИ ТО 7 - ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Томский комитет ученых. Оп. 1. Д. 10. Темы, планы, задания, программы, отчеты по работе комитета. 30.07.1941-18.01.1945. 159 л.

REFERENCES

Zinov'ev, V.P. (1994) *Tomskaya oblast': Istoricheskiy ocherk* [Tomsk region: A Historical Review]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

Krasnoe znamya. Tomsk city committee of the CPSU authority (c), and the City Council of People's Deputies [In Russian].

Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., & Stepnov, A.O. (2014) *Nauka i prakticheskaya meditsina g. Tomsk v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The science and medical practice in Tomsk during the Great Patriotic War]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – Siberian Journal of Medicine*. 3 [In Russian].

Petrova, T.N. (1968) *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Zapadnoy Sibiri po usileniyu tvorcheskogo sodruzhestva nauki s proizvodstvom v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1951-1945 gg.)* [Activities of the party organizations in West Siberia to enhance creative cooperation between science and industry during the Great Patriotic War]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

Fominykh, S.F. (ed.) (2015) *Tomskiy komitet uchenykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk Committee of Researchers in the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1945) Fund 1078. The Tomsk Committee of Researchers. List 1. File 9. General questions on the organization of the Committee and its work. Materials on the organization of the Siberian Branch of the Academy of

Sciences. June 5, 1941 – June 24, 1945 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1945) Fund 1078. The Tomsk Committee of Researchers. List 1. File 2. Minutes of meetings of the Bureau, plenary, Bureau of the Tomsk Committee of Researchers. June 30, 1941 – October 30, 1944 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1944). Fund 1562. Kuznetsov V.D. List 1. File. 489. Reports of the scholars of the city of Tomsk to help industry. 1941–1944 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1945) Fund 1078. The Tomsk Committee of Researchers. List 2. File 1. Information about the work of the Committee of Researchers and correspondence with the All-Union Committee for Higher Education, with R.S. Zemlyachkoi, etc. August 16, 1941–1945 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1945) Fund 1078. The Tomsk Committee of Researchers. List 1. File 4. Correspondence on the issues: local natural resources, scientific advice on the establishment of communication with the Committee and other enterprises of the region, etc. September 9, 1941 – October 12, 1943 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1945) Fund 1078. The Tomsk Committee of Researchers. List 1. File 7. Minutes of the Commission, meetings and plenary meetings of the Committee of Researchers. July 5, 1941 – January 5, 1945 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1945) Fund 1078. The Tomsk Committee of Researchers. List 1. File 10. Themes, plans, tasks, programs, reports on the work of the Committee. July 30, 1941 – January 18, 1943 [In Russian].

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Fominykh Sergey – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the department of Contemporary Russian History of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Степнов Алексей Олегович – студент исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Stepnov Alexey – Student of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: ASAOM@yandex.ru

Афанасенков Владислав Олегович – студент исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Afanasenkov Vladislav – Student of Historic Faculty of National Research Tomsk State University.

E-mail: erpaison@gmail.com

УДК 061.62(571.16)

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/3

ВУЗЫ ТОМСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945)

**С.Ф. Фоминых¹, А.Н. Сорокин²,
С.А. Некрылов³, А.В. Литвинов⁴**

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Scopus Author ID: 56491025000

SPIN-код: 5503-6769

²E-mail: soranhist@yandex.ru

Scopus Author ID: 55882207400

SPIN-код: 3044-1111

³E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Scopus Author ID: 6504398728

SPIN-код: 4770-8484

⁴E-mail: litvinov1977@tambo.ru

SPIN-код: 2782-8706

Авторское резюме

В статье на основе неопубликованных и опубликованных источников и материалов периодической печати реконструирована деятельность одного из крупных научно-образовательных центров СССР – г. Томска – в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Рассмотрена динамика численности студентов и научно-педагогических кадров томских вузов и научно-исследовательских учреждений на протяжении войны, организации учебного процесса и научно-исследовательской работы. Особое внимание уделяется вкладу исследований томских ученых в дело победы над врагом, помощи промышленности, здравоохранению, сельскому хозяйству, транспорту, изучению месторождений полезных ископаемых. Статья предназначена для всех интересующихся историей Великой Отечественной войны, историей высшей школы и науки, а также советским периодом отечественной истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, наука, образование, вузы, Томск.

Tomsk Universities during the Great Patriotic War (1941-1945)

S.F. Fominykh¹, A.N. Sorokin²,
S.A. Nekrylov³, A.V. Litvinov⁴

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

²E-mail: soranhist@yandex.ru

³E-mail: medicinahistory@yandex.ru

⁴E-mail: litvinov1977@tambo.ru

Abstract

There was reconstructed the activity of one of the largest scientific and educational centers of the Soviet Union the city of Tomsk in the Great Patriotic War of 1941-1945 on the basis of unpublished and published sources, periodical materials. The problems of the dynamics of the number of students and of the teaching staff of Tomsk universities and research institutions throughout the war, the organization of educational process and scientific research were regarded. Particular attention was paid to the contribution of Tomsk scientists to the victory over the enemy, aid to industry, health, agriculture, transport, study of mineral deposits. This article is intended for those interested in the history of the Great Patriotic War, the history of higher education and science, as well as the Soviet period of Russian history.

Keywords: Great Patriotic War, science, education, universities, Tomsk.

Динамика концентрации вузов и научных учреждений в г. Томске в годы Великой Отечественной войны. Накануне войны в Томске насчитывалось 6 вузов, 19 техникумов и несколько научно-исследовательских учреждений. Наиболее крупными вузами были Томский государственный университет (ТГУ), Томский индустриальный институт (ТИИ, ныне Томский политехнический университет), Томский медицинский институт (ТМИ, ныне Сибирский государственный медицинский университет), Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта (ТЭМИИТ, ныне Омский государственный университет путей сообщения) (Fominykh, Sorokin 2013: 32-33).

Уже к декабрю 1941 г. в этот сибирский город, наряду с промышленными предприятиями и учреждениями, было эвакуировано из европейской части страны несколько вузов и научно-исследова-

тельских институтов, в том числе Московский станкостроительный институт (СТАНКИН), Московский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта (МЭМИИТ), Ленинградский театральный институт, Всесоюзный институт экспериментальной медицины. В том же году в Томск перебазировалось Ленинградское артиллерийское техническое училище зенитной артиллерии имени П.И. Баранова. До 1942 г. в Томске размещался и Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР. В том же году в Томске оказалась часть студентов и преподавателей Новочеркасского индустриального института. Однако уже с конца 1942 г. началась реэвакуация вузов и научно-исследовательских институтов. Так, к началу 1942/1943 учебного года были реэвакуированы МЭМИИТ и СТАНКИН, а Ленинградский театральный институт был переведен в Новосибирск (ЦДНИ ТО: 36 об.). К июню 1943 г. реэвакуация закончилась. В результате вузовский и научный Томск по своему составу приблизительно сравнялся с довоенным временем (ГАО: 1).

Динамика численности ППС и научных работников, контингента студентов. В динамике численности научно-педагогических кадров томских вузов и студентов можно выделить два ключевых момента. Во-первых, в связи призывом в РККА студентов первых трех курсов, преподавателей и научных работников наблюдается сокращение численности контингента студентов и профессорско-преподавательского состава (ПСС). Во-вторых, источником пополнения студентов и ППС стали эвакуированные из европейской России в Томск вузы.

Так, в ТГУ занятия вели 26 эвакуированных преподавателей, в том числе 14 профессоров и 6 доцентов. Значительное пополнение за счет эвакуированных получил историко-филологический факультет (5 профессоров) (ГАО: 49 об.). В числе тех, кто стал работать в ТГУ, были академик А.А. Заварзин (Ленинград), профессора К.Л. Баев, В.А. Измаильский (Москва), П.С. Купалов (Ленинград).

В годы войны профессорами ТГУ также были эвакуированные из Украины академик АН УССР, филолог А.И. Белецкий, профессор Харьковского университета И.Н. Буланкин, И.М. Поляков и др. И.Н. Буланкин с декабря 1941 г. заведовал кафедрой биологической химии Томского университета, избирался деканом химического факультета, а с ноября 1942 г. и до отъезда в Харьков в начале января 1944 г. занимал должность проректора по научно-исследовательской работе. И.М. Поляков и доцент Харьковского зоотехнического института Е.И. Лукин защитили в Совете ТГУ докторские диссертации. В томских вузах обучались эвакуированные в Сибирь студенты Киевского, Одесского, Харьковского и Днепрпетровского университетов.

На 1 января 1942 г. в Томске вместе с эвакуированными насчитывалось 138 профессоров (в том числе 110 докторов наук) и 196 доцентов (в том числе 4 доктора и 155 кандидатов наук). Преподавательский состав вузов насчитывал 805 человек. Из них в вузах работали 106 докторов наук и 236 кандидатов наук (ЦДНИ ТО 2: 14-15, 18).

По словам председателя Томского комитета ученых Б.П. Токина, «не так уж много найдется городов, где бы концентрировалось такое количество ученых» (ЦДНИ ТО 3: 135 об.). В 1943 г. из-за отъезда из Томска эвакуированных в первый год войны преподавателей общее число научно-педагогических кадров снизилось до 495, в том числе профессоров - до 97 и доцентов - до 155 (ЦДНИ ТО: 38). К середине января 1944 г. общее число преподавателей и научных работников увеличилось до 719 человек. Из-за продолжавшегося отъезда число профессоров сократилось до 86 при росте числа доцентов до 190 (ЦДНИ ТО 4: 14). В годы войны резко уменьшилось число аспирантов. Во всех вузах Томска в 1943 г. их было всего 34, а в 1944 г. - 60 (ЦДНИ ТО: 38).

Томск занимал одно из лидирующих положений среди других городов Сибири и СССР не только по концентрации научно-педагогических кадров, но и студентов, тем самым подтверждая статус студенческого города, сибирского «Кембриджа» (Правда: 1937. 22 августа). Так, на 1 января 1942 г. в томских вузах обучались 6 149 студентов, в то время как в вузах Новосибирска - 4 708, в 1943/1944 учебном году соответственно 5 072 и 4 329 (ГАНО 2: 2-3). На рис. 1 показана динамика набора студентов по томским вузам на начальном и завершающем этапе войны.

В 1941/1942 учебном году контингент студентов томских вузов вместе с эвакуированными вузами составил 4 750 человек, в 1944/1945 - 4 554 (ЦДНИ ТО: 36 об.). Снижение общего числа студентов даже при увеличении набора в томские вузы объясняется реэвакуацией вузов. С 1944 г. наблюдался рост контингента студентов.

Следует отметить, что при формальном выполнении набора в годы войны фактически к началу учебного года на первый курс являлось обычно до 70-80 % из числа принятых. Кроме того, в период с 1941 по 1944 г. в вузах Томска сохранялся высокий отсев студентов (например, только за 1942/1943 учебный год - 1 750 чел.). В качестве ключевых причин отсева студентов городскими и областными партийными организациями выделялись плохая подготовка вузов к учебному году, неблагоприятные материально-бытовые условия проживания и обслуживания студентов, неудовлетворительная постановка политико-воспитательной работы среди них, а также недостаточное внимание городских и районных организаций на удовлетворение

материально-бытовых и культурных запросов студентов (ЦДНИ ТО: 37-38).

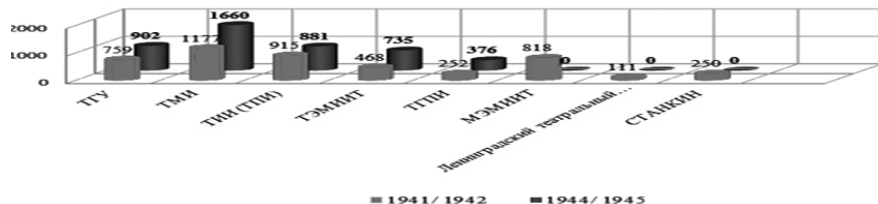

Рис. 1. Динамика численности студентов в вузах г. Томска на начальном и завершающем этапе войны (ЦДНИ ТО: 36 об.)

Организация учебного процесса в вузах г. Томска. С началом Великой Отечественной войны перед вузами страны встала большая и ответственная задача: ни на минуту не прекращать подготовку новых специалистов для фронта, промышленности, транспорта, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства и культуры (Ульянов 2007: 81).

Для решения задачи подготовки специалистов в сложнейшей обстановке военного времени потребовалось внести существенные изменения в организацию самого учебного процесса (Круглянский 1970: 64).

Процесс перестройки работы вуза представлял собой целый комплекс сложных мероприятий. Это изменение учебных планов и графиков, сокращение сроков обучения и досрочный выпуск студентов старших курсов, отмена или уменьшение продолжительности каникул и много другое (Крадинова 1985: 8).

Согласно указанию НКП РСФСР и ВКВШ от 25 июня 1941 г. «О перестройке учебной работы университетов и ускоренной подготовке специалистов в военное время», пятилетний срок обучения был сокращен до трех лет (4-5-летний срок восстановят в 1944 г.). При организации учебной работы было предложено исходить из продолжительности учебных занятий в 42 часа в неделю (7 часов в день) и сокращения зимних и летних каникул. В период учебной практики для студентов устанавливался 8-часовой рабочий день. 16 октября 1942 г. ВКВШ приказом № 251 отменил зимние двухнедельные каникулы. Их было предложено использовать для учебных занятий, а также отсрочить на один месяц окончание первого семестра и зимнюю экзаменационную сессию 1942/1943 учебного года (Бюллетень). В соответствии с приказом ВКВШ в Томском университете зимние двухнедельные каникулы были отменены и использованы для учебных целей (ГАТО: 86). В результате в вузах Томска осенью 1941 г. был произведен досрочный выпуск студентов пятого курса

(ЦДНИ ТО: 14). Основной формой проведения занятий в военные годы являлись лекции. Проведение практических и семинарских занятий затруднялось из-за отсутствия необходимых учебных пособий и литературы (Ульянов 2007: 98).

На организацию учебного процесса негативное влияние оказывало и то, что уже в первые месяцы войны главные учебные корпуса ТГУ, ТЭМИИТ, Томского государственного педагогического института (ТГПИ) и большинство студенческих общежитий было отдано для размещения воинских частей, эвакуированных заводов, госпиталей и вузов. В главном корпусе ТИИ разместились эвакуированное из Ленинграда зенитно-артиллерийское училище. В результате большинство учебных лабораторий, кабинетов, музеев было свернуто.

Неблагоприятные условия военного времени отразились и на методической работе вузов, которая, как отмечалось в отчетных документах, была поставлена слабо: мало внимания уделялось вопросам организации производственной практики, самостоятельной работы студентов (ЦДНИ ТО: 38). Общим недостатком вузов Томска было слабое вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу (ЦДНИ ТО: 41).

Перестройка учебного процесса осложнялась также регулярными отвлечениями студентов и ППС на различного рода работы (заготовка дров, помощь колхозам, субботники, воскресники). Так, в 1941/1942 учебном году студенты в морозы и вьюги перевозили на себе прибывшее из временно оккупированной зоны оборудование, а затем занимались его монтажом на заводах. Главным образом силами студентов и научных работников были построены три железнодорожные ветки в г. Томске (ЦДНИ ТО: 14).

Около 1 500 студентов сочетало академические занятия с помощью фронту, работая на оборонных предприятиях, участвуя в выпуске вооружения и другой продукции для армии.

Тем не менее на протяжении военного периода студенты томских вузов демонстрировали достаточно высокую успеваемость. Так, процент повышенных оценок в среднем составил в 1942 г. 67,9 %, в 1943 г. – 71,3 %, лишь в 1944 г. он снизился до 54,8 %. Процент неудовлетворительных оценок составил в 1942 г. 2,3 %, в 1943 г. – 3,6 %, в 1944 г. – 6,1 %. Неаттестованных в 1944 г. было 4,9 % (ЦДНИ ТО: 37).

Вполне объяснимо, что выпуск специалистов, за исключением врачей, в годы войны заметно сократился. Так, в 1942 г. всеми вузами Томска было выпущено 2 177 специалистов, в 1943 г. – 818, в 1944 г. – 641. В ТГПИ в 1943 г. было выпущено всего 3 специалиста. В 1944 г. невыполнение плана в педагогическом институте составило 35 %, в ТЭМИИТ – 24 % (ЦДНИ ТО: 36 об.). Больше всего за

1942-1944 гг. специалистов подготовил ТМИ – 1 486 чел., ТГУ – 436, ТИИ (ТПИ) – 584, ТЭМИИТ – 703, ТГПИ – 265 чел. Всего с 1941 по 1944 г. все вузы Томска выпустили 3 636 специалистов (ЦДНИ ТО: 36 об.).

В целом вузам Томска удалось реорганизовать учебный процесс, адаптируя его под требования и трудности военного времени. Профессорско-преподавательский состав вузов справился с поставленной задачей – готовить новые высококвалифицированные кадры (ЦДНИ ТО: 14).

Реорганизация научных исследований, помощь томских ученых армии, промышленными предприятиями, госпиталям, сельскому хозяйству. Война потребовала совершенно новых форм организации научных исследований, чтобы максимально сократить сроки выполнения и реализации на практике полученных результатов, а саму тематику нацелить на выполнение заказов в интересах обороны и народного хозяйства (Fominykh, Sorokin 2013: 33).

Перед учеными была поставлена задача использовать достижения науки для укрепления обороны страны, подготовить кадры специалистов, в которых нуждались армия, оборонные предприятия и транспорт, военные госпитали. Ценой невероятных усилий удалось организовать масштабные работы и получить необходимые результаты.

Для организации эффективной работы ученых в интересах обороны и тыла по инициативе томских ученых и городской партийной организации спустя несколько дней после начала войны, 27 июня 1941 г., был создан Томский комитет ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время (Комитет ученых). Это была первая подобного рода общественная организация ученых в стране. «Мы, томские ученые, – говорил на городском митинге инициатор создания Комитета ученых профессор ТГУ В.Д. Кузнецов, – должны немедленно организовать единый коллектив, объединенный страстной мыслью – разгромить и уничтожить врага... должны все то, что есть лучшее у нас, отдать Родине» (Петрова 1968: 68).

Первоочередной задачей для Томского комитета ученых стало укрепление связи между наукой и промышленностью. Нужно было перестраивать работу в вузах, осуществлять научные исследования и разработки по укреплению обороноспособности страны. Благодаря тесному взаимодействию Комитета ученых с городскими и областными партийными организациями обеспечивалась высокая оперативность работы. После изучения той или иной проблемы Комитетом ученых составлялся проект постановления облисполкома или горисполкома, который после их утверждения становился директивным

документом (Fominykh, Sorokin 2013: 34).

О научно-исследовательской работе томских вузов в годы войны дает представление следующая диаграмма, в которой отражено количество научных тем, выполненных разными вузами.

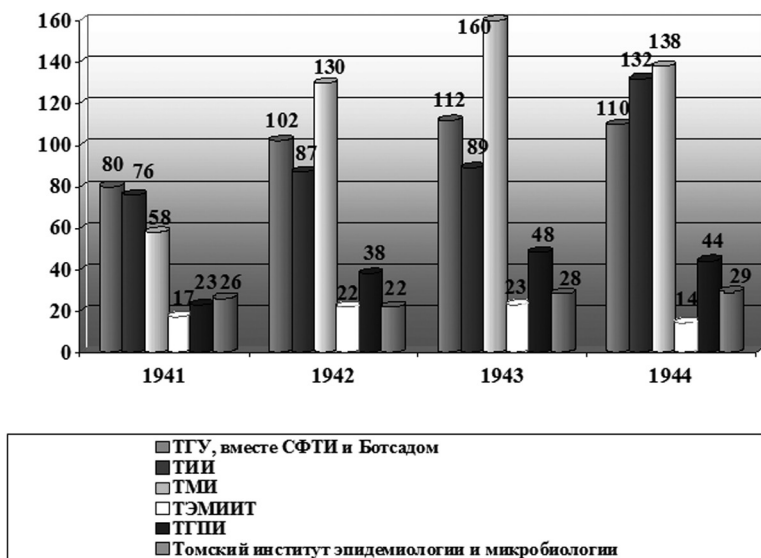

Рис. 2. Научно-исследовательские темы, выполненные томскими вузами в годы Великой Отечественной войны

Всего в 1941 г. было выполнено 279 темы, в 1942 г. – 401, в 1943 г. – 460, в 1944 г. – 467.

Таким образом, в годы войны наглядно прослеживается тенденция роста объема выполненных вузами Томска научно-исследовательских тем, общее число которых составило 1 607.

Можно выделить несколько основных направлений научных исследований томских ученых: работа по обслуживанию нужд Красной армии, помощь промышленности, сельскому хозяйству и транспорту, изучение месторождений полезных ископаемых, поиск и комплексное изучение местных лекарственных растений, получение из них лечебных препаратов и внедрение их в практику здравоохранения (Fominykh, Sorokin 2013: 35-36).

Учеными выполнялись самые различные задания промышленных предприятий и организаций не только Томска, но и других городов Сибири, Урала и Казахстана. В числе заказчиков были Управление пути Народного комиссариата путей сообщения, Московский метро-

политен, Кузнецкий металлургический комбинат, Беловский цинковый завод, геологические учреждения Красноярского края и Западной Сибири, Новосибирское управление гидрометеослужбы и др.

Вот наиболее существенные достижения ученых томских вузов в годы Великой Отечественной войны: внедрение дефектоскопов СФТИ на транспорте и в промышленности страны; радиошуп Одиноца-Кашкина, получивший широкое применение в госпиталях для обнаружения нахождения металлических включений в теле раненого; внедрение проходческого щита Чинакала в практику угледобычи на шахтах Кузбасса; исследования профессора В.Д. Кузнецова, позволившие установить зависимость бронестойкости от механических свойств материала; внедрение в медицинскую практику новых лекарственных препаратов, изготовленных на основе местного сырья; открытие мощных новых бактерицидов растительного происхождения и внедрение их в практику; поиск импортозаменителей для изготовления изоляционных материалов; открытие месторождений вольфрама, марганца, олова, золота, молибдена и других редкоземельных элементов геологами ТИИ и ТГУ.

К этому надо добавить существенные достижения томских ученых в области использования ресурсов местного топлива, заменителей жидкого горючего на основе богатого сибирского материала, регенерации смазочных масел и многое другое. Неоценимый вклад в излечение раненых воинов внесли ученые ТМИ, успешно разрабатывавшие проблемы военного травматизма, борьбы с эпидемическими заболеваниями и др. Особое внимание ими уделялось разработке и внедрению эффективных методов лечения раненых, профилактике и лечению острых инфекционных заболеваний и т. п. На базе институтских клиник осуществлялось лечение раненых воинов.

За 1941-1944 гг. преподавателями и научными сотрудниками вузов Томска были защищены 34 докторских и 103 кандидатских диссертации, в том числе в ТГУ соответственно 14 и 34 (ЦДНИ ТО 4: 15).

Государство высоко оценило труд томских ученых, направленный на помощь фронту и тылу. За период Великой Отечественной войны 9 томских профессоров (В.Д. Кузнецов, М.А. Большанина, А.А. Заварзин, Н.А. Чинакал, К.В. Радугин, Л.П. Кулев, А.Г. Савиных, С.П. Сыромятников, Б.И. Баяндуров) были удостоены Сталинских премий. По результатам научных достижений в годы войны уже после ее окончания лауреатами Сталинских премий стали В.В. Ревердатто, Н.В. Вершинин, Д.Д. Яблоков и Д.А. Жданов. Большая группа ученых была награждена орденами и медалями.

Еще не окончилась война, а ученые Томска стали заботиться о будущем научно-образовательного комплекса. В течение всей войны

они неоднократно обращались в высшие и местные советские и партийные органы с настоятельными просьбами принять необходимые меры, направленные на укрепление вузов и научно-исследовательских институтов и научных школ. Так, докладные записки от группы томских ученых направлялись на имя заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова, председателя СНК РСФСР А.Н. Косыгина и др. (ЦДНИ ТО 4: 106).

В одном из обращений томские ученые отмечали: «Лицо нашего города все же, как и прежде, определяют не столько его промышленность, сколько его высшие учебные заведения, выпустившие из стен своих большое количество специалистов. <...> Позволительно утверждать, что ни один вузовский периферийный город СССР не имеет такого количества ученых, выросших в основном из питомцев местных вузов. Это свидетельствует о прочных научных традициях, заложенных в вузах города» (ЦДНИ ТО 5: 7). Томские ученые предлагали придать вузовскому Томску статус города республиканского подчинения.

Накануне окончания войны СНК СССР принял ряд постановлений, направленных на оказание материальной и финансовой помощи вузам г. Томска. Так, распоряжением № 2147-р СНК СССР от 8 февраля 1945 г. в целях оказания помощи студентам было выделено 3 тыс. матрацев и столько же подушек, за счет фондов Наркомздрава и Наркомпроса РСФСР - 65 тыс. метров хлопчатобумажных тканей, 5 тонн шерсти для изготовления валенок, трикотажных изделий на 23 тыс. руб. и др. Помимо этого Наркомторг СССР должен был выделить для продажи студентам 500 пар кожаной обуви и 2 тыс. пар резиновых галош (ЦДНИ ТО 4: 13).

На капитальный ремонт зданий ТГУ Наркомфин СССР Постановлением СНК СССР в апреле 1945 г. обязан был выделить 1,3 млн руб., на приобретение хозинвентаря и оборудования - 780 тыс. руб., на приобретение учебного и научного оборудования - 300 тыс. руб., на проведение научных исследований и т. д. - 500 тыс. руб. (ЦДНИ ТО 4: 28-30).

Оценивая в целом деятельность томских вузов и научных учреждений в годы Великой Отечественной войны, профессор ТГУ В.Д. Кузнецов, выступая на I Томской областной конференции ВКП(б) в феврале 1945 г., от имени ученых заявил: «Когда вспыхнула война, когда коварный и сильный враг напал на священные границы нашей горячо любимой Родины, мы, научные работники, не растерялись, мы быстро перестроили нашу мирную работу и подчинили ее фронту. Горячо любя Родину, труд и науку, мы подчинили труд науке, а науку Родине. У нас появилась единая мысль, и эта мысль была обращена к фронту, на разгром врага» (ЦДНИ ТО 6: 210).

* Статья выполнена при поддержке «Программы повышения конкурентоспособности ТГУ» / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program, гранта РГНФ № 15-33-01331 «Общественные формы организации науки в Сибири в 1941-1991 гг.: значение и роль в социокультурной и экономической модернизации советского общества» и гранта Паравительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» № 14.B25.31.0009.

ЛИТЕРАТУРА

Fominykh, Sorokin 2013 - Fominykh S.F., Sorokin A.N. Tomsk committee of scientists during Great Patriotic War (1941-1945) // Bylye Gody / gl. red. A.A. Cherkasov [Sochi]. 2013. № 29 (3). Pp. 32-33.

Бюллетень - Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1942. № 8-9.

ГАНО - Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. П-4. Новосибирский областной комитет КПСС. Оп. 8. Д. 270. Справки о деятельности ученых городов Новосибирска и Томска, состав комитета ученых при Новосибирском горисполкоме и отделении АН СССР и постановления СНК СССР «Об организации Западно-Сибирского отделения АН СССР», др. переписка по организации филиала. 7.06.1944-3.12.1944. 58 л.

ГАНО 2 - ГАНО. Ф. П-4. Новосибирский областной комитет КПСС. Оп. 8. Д. 268. Справка инструктора обкома ВКП (б) о сравнительных данных вузов области за годы Отечественной войны. 12.1943-1944. 23 л.

ГАТО - Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 19. Д. 34. Отчеты факультетов ТГУ за 1941-1943 гг. 170 л.

ГАТО 2 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 19. Д. 1. Приказы студенческие и научных сотрудников. 1942 г. 505 л.

Крадинова 1985 - Крадинова Г.А. Вузы Сибири в годы войны // Сибирь в Великой Отечественной войне: Тезисы Всесоюзной научной конференции (Новосибирск, 5-6 марта 1985 г.). Новосибирск, 1985.

Круглянский 1970 - Круглянский М.Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Высш. шк., 1970. 314 с.

Петрова 1968 - Петрова Т.Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1951-1945 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. 390 с.

Правда - Правда. Орган ЦК и МК ВКП (б).

Ульянов 2007 - Ульянов А.С. Томский государственный университет в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007.

ЦДНИ ТО - Центр документации новейшей истории Томской области (далее - ЦДНИ ТО). Ф. 80. Томский городской комитет КПСС. Оп. 3. Д. 350. Доклады, отчеты по учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе вузов. 13.09.1944-26.12.1945. 153 л.

ЦДНИ ТО 2 - ЦДНИ ТО. Ф. 80. Томский городской комитет КПСС. Оп. 3. Д. 115. Протоколы совещаний научных работников и другие сведения о работе ученых по вопросу помощи фронту. 3.09.1941-1.11.1943. 18 л.

ЦДНИ ТО 3 - ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Томский комитет ученых. Оп. 1. Д. 10. Темы, планы, задания, программы, отчеты по работе комитета. 30.07.1941-18.01.1943. 159 л.

ЦДНИ ТО 4 - ЦДНИ ТО. Ф. 607. Томский областной комитет КПСС (1944-1991). Оп. 1. Д. 328. Справки, сведения, переписка о состоянии учебной, политико-воспитательной работы, санитарно-бытового состояния томских вузов. 13.01.1945-21.06.1945.

ЦДНИ ТО 5 - ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Томский комитет ученых. Оп. 1. Д. 14. Учебные заведения, подготовка кадров. 16.12.1941-16.04.1945. 43 л.

ЦДНИ ТО 6 - ЦДНИ ТО. Ф. 607. Томский областной комитет КПСС (1944-1991). Оп. 1. Д. 138. Стенограмма Первой Томской областной конференции ВКП (б). 15-18 февраля 1945. 260 л.

REFERENCES

Fominykh, S.F. & Sorokin, A.N. (2003) Tomsk committee of scientists during Great Patriotic War (1941-1945). *Bylye Gody – Foretimes. Russian Historical Magazine*. 29 (3) [In Russian].

Byulleten' Vsesoyuznogo komiteta po delam vysshey shkoly pri SNK SSSR [Bulletin of the All-Union Committee for Higher Education] (1942). 8-9 [In Russian].

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [The State Archive of Novosibirsk Region] (GANO). (1944) Fund P-4. Novosibirsk Regional Committee of the CPSU. List 8. File 270. Documents on the activities of the researchers in Novosibirsk and Tomsk. The committee of researchers at the Novosibirsk Branch of the Executive Committee and the USSR AS and resolutions "On the organization of the West Siberian Branch of the AS USSR". Correspondence concerning the organization of the branch. June 7, 1944 – December 3, 1944 [In Russian].

The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). (1943–1944). Fund P-4. Novosibirsk Regional Committee of the CPSU. List 8. File 268. Report of the instructor of the Regional Committee of the CPSU (b) concerning the comparative data for universities of the region during The Great Patriotic War. 1943–1944 [In Russian].

The State Archives of Tomsk Region (GATO). (1941–1943) Fund R-815. Tomsk State University. List 19. File 34. Reports of the TSU faculties of 1941–1943 [In Russian].

The State Archives of Tomsk Region (GATO). (1942) Fund R-815. Tomsk State University. List 19. File 1. The orders on students and researchers in 1942 [In Russian].

Kradinova, G.A. (1985) [Siberian universities during the Great Patriotic War]. *Sibir' v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Siberia in the Great Patriotic War]. Proc. of the All-Russian Research Conference. Novosibirsk. 5th to 6th March 2008. Novosibirsk [In Russian].

Kruglyanskiy, M.R. (1970) *Vysshaya shkola SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The USSR Higher School in the Great Patriotic War]. Moscow: Vysshaya shkola [In Russian].

Petrova, T.N. (1968) *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Zapadnoy Sibiri po usileniyu tvorcheskogo sodruzhestva nauki s proizvodstvom v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1951-1945 gg.)* [Activities of the party organizations in West Siberia to enhance creative cooperation between science and industry during the Great Patriotic War]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

Pravda. Central and Moscow Committee of the All-Union Communist Party [In Russian].

Ul'yanov, A.S. (2007) *Tomskiy gosudarstvennyy universitet v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg.* [Tomsk State University during the Great Patriotic War 1941–1945]. History Cand. Diss. Tomsk [In Russian].

Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti [The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region] (TsDNI TO). (1944–1945) Fund 80. Tomsk City Committee of the CPSU. List 3. File 350. Reports on educational and research work of universities. September 13, 1944 – December 26, 1945 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1943) Fund 80. Tomsk City Committee of the CPSU. List 3. File 115. Minutes of meetings of researchers and other information on the work of researchers on the issue of assistance to the front. September 3, 1941 – November 1, 1943 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1943b) Fund 1078. The Tomsk Committee of Researchers. List 1. File 10. Themes, plans, tasks, programs, reports on the work of the Committee. July 30, 1941 – January 18, 1943 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1945). Fund 607. Tomsk Region Committee of the CPSU (1944–1991). List 1. File 328. Certificates, information, correspondence concerning the academic and political education, sanitary and domestic conditions in Tomsk universities. January 13 – June 21, 1945 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1941–1945) Fund 1078. The Tomsk Committee of Researchers. List 1. File 14. Educational institutions, personnel training. December 16, 1941–April 16, 1945 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1945) Fund 607. Tomsk Region Committee of the CPSU (1944–1991). List 1. File 138. Transcript of the First Regional Conference of the Tomsk CPSU (b). 15-18 February, 1945 [In Russian].

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Fominykh Sergey – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief of the Department of Modern Russian History of Historic Faculty of National Research Tomsk State University.

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Сорокин Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Sorokin Alexander – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern Russian History of Historic Faculty of National Research Tomsk State University.

E-mail: soranhist@yandex.ru

Некрылов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

Nekrylov Sergey – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief of the Department of Modern Russian History of Historic Faculty of National Research Tomsk State University.

E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Литвинов Александр Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Litvinov Alexander – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern Russian History of Historic Faculty of National Research Tomsk State University.

E-mail: litvinov1977@tambo.ru

УДК 378.4-057.4(571.16)"1941/45"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/4

СТУДЕНТЫ, ПРЕПОДАВАТЕЛИ, НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ, РАБОЧИЕ И СЛУЖАЩИЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.Н. Кузьмин¹, А.Н. Сорокин², Д.Е. Шандала³

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: kyzmin2008andrey@mail.ru

SPIN-код: 6801-5181

²E-mail: soranhist@yandex.ru

Scopus Author ID: 55882207400

SPIN-код: 3044-1111

³E-mail: daniil.shandala.94@mail.ru

SPIN-код: 5305-2210

Авторское резюме

Великая Отечественная война 1941-1945 гг., семидесятилетие Победы в которой Россия отмечает в 2015 г., в полной мере отразилась и на жизни Томского государственного университета. Среди преподавателей и сотрудников, студентов, рабочих и служащих университета наблюдались большой патриотический подъем и горячее стремление своим личным участием дать отпор фашистам. Приказами ректора от 23 июня 1941 г. в связи с призывом в РККА были отчислены 90 преподавателей и студентов. В числе тех, кто в первые дни войны отправился на фронт, были доценты С.М. Петров, А.А. Сивков, ассистенты Ю.В. Чистяков, П.Н. Коханенко, И.В. Новик, С.Г. Маковский, А.И. Портнягин, Н.С. Тяпкин и др. В боях за освобождение Правобережной и Левобережной Украины, Молдавии, Венгрии, Румынии, Болгарии от немецко-фашистских захватчиков отдали свои жизни: К.Д. Безденежных (рабочий экспериментальных мастерских Сибирского физико-технического института), Д.А. Вильнин (преподаватель кафедры марксизма-ленинизма), А.И. Деметьев (выпускник геолого-почвенного факультета, 1942), Н.Ф. Егорин (доцент кафедры позвоночных животных), В.И. Калинин (студент историко-филологического факультета), В.Д. Горохов

(выпускник химического факультета), В.М. Лейкин (ассистент кафедры астрономии) и др. Всего на фронт из ТГУ за годы войны ушло около 600 человек. С полей сражений не вернулось около 200. Их имена увековечены на стеле у памятника погибшим студентам, преподавателям, научным сотрудникам, рабочим и служащим Томского государственного университета в Университетской роше.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Томский государственный университет, научные сотрудники, преподаватели, студенты, рабочие.

Students, teachers, research associates, workers and employees of Tomsk State University on fronts of the Great Patriotic War

A.N. Kuzmin¹, A.H. Sorokin², D.E. Shandala³

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: kyzmin2008andrey@mail.ru

²E-mail: soranhist@yandex.ru

³E-mail: daniil.shandala.94@mail.ru

Abstract

In 2015 in Russian Federation is celebrating the seventieth anniversary of the Victory in The Great Patriotic War of 1941-1945 are celebrated. This War was fully reflected and in life of Tomsk state university (TSU). Lecturers, researchers, employees, students of TSU by the personal participation psych demonstrated the patriotic upsurge and hot fervent aspiration by the personal participation to fight back fascists. By the orders of the rector of June 23, 1941 in connection with due to drafting the conscription in the RKKA (The Workers' and Peasants' Red Army) Red Army it was expelled 90 lectures and students. Among those who in the first days of war went to the front in the first days of war, there were associate professors S.M. Petrov, A.A. Sivkov, assistants Yu.V. Chistyakov, P.N. Kokhanenko, I.V. Novick, S.G. Makovsky, A.I. Portnyagin, N.S. Tyapkin, etc. In the fights struggle for freeing liberation of Right-bank and Left-bank Ukraine, Moldova, Hungary, Romania, Bulgaria from fascist aggressors died heroically K.D. Bezdenezhnykh (worker of experimental workshops of the Siberian physical and technological institute), D.A. Vilnin (lecturer of department of Marxism-Leninism), A.I. Dementiev (graduate of geological and soil faculty, 1942), N.F. Egorin (associate professor of vertebrate animals), V.I. Kalinin (student of faculty of history and philology), V.D. Gorokhov (graduate of chemical faculty),

V.M. Leykin (assistant professor of the department of astronomy), etc. During the wartime about 600 staff and students of TSU went to the front. In total during wartime about 600 people are off at the front from TSU. About 200 people men were killed in battles. Their names are immortalized on a stele at an ear of the monument to the lost students, lecturers, researchers, workers and employees of Tomsk state university in the University grove. This article is intended for those interested in the history of the Great Patriotic War, the history of higher education and science, as well as the Soviet period of Russian history.

Keywords: Great Patriotic War, Tomsk state university, research associates, teachers, students, workers.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в полной мере отразилась и на жизни Томского государственного университета.

В мае 1941 г. вуз отметил 54-летие со дня подписания Александром II указа об учреждении Сибирского университета в Томске, а 22 июня 1941 г. многоплановая учебная и научная деятельность Томского университета была нарушена в связи с вероломным нападением фашистов на СССР.

За полувековую историю университет стал одним из крупнейших университетов Сибири. В его составе накануне войны было 7 факультетов, 3 научно-исследовательских института (Сибирский физико-технический институт с ионосферной станцией, Научно-исследовательский институт механики и математики и Научно-исследовательский институт биологии), Научная библиотека, Сибирский ботанический сад, Гербарий и пять музеев (Фоминых 2005: 8).

Накануне войны в университете обучались 2 031 студент и 44 аспиранта. Профессорско-преподавательский корпус насчитывал 206 человек (22 профессора, 54 доцента, 100 ассистентов, 19 старших преподавателей).

23 июня 1941 г. за подписью и.о. ректора профессора В.Н. Кесениха вышел приказ № 187-с. В нем на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. заведующему отделом кадров предписывалось ежедневно проверять явку на призывной пункт лиц, подлежащих мобилизации, докладывая лично о результатах (ГАТО 1: 154).

Среди преподавателей и сотрудников, студентов, рабочих и служащих университета наблюдался большой патриотический подъем и отмечалось горячее стремление своим личным участием дать отпор фашистам.

Приказами ректора от 23 июня в связи с призывом в РККА были отчислены 90 преподавателей и студентов. В числе тех, кто в первые дни войны отправился на фронт, были доценты С.М. Петров,

А.А. Сивков, ассистенты Ю.В. Чистяков, П.Н. Коханенко, И.В. Новик, С.Г. Маковский, А.И. Портнягин, Н.С. Тяпкин и др.

Из преподавателей первыми добровольцами были профессор В.Н. Кессених (проректор университета), доценты А.Б. Сапожников, В.В. Поттосин, В.П. Поддубный (зам. декана), Н.М. Скробов, ассистенты А.Е. Алексеенко, Б.Я. Зубков и др.

Письма с фронта сотрудников ТГУ. До наших дней сохранились письма и иные источники личного происхождения сотрудников ТГУ – участников Великой Отечественной войны. Рассмотрим подробнее биографии некоторых участников и их письма. С.М. Петров после окончания физико-математического факультета Томского университета (1930) поступил в аспирантуру. После защиты кандидатской диссертации он работал старшим научным сотрудником лаборатории физической химии Сибирского физико-технического института, был ученым секретарем института. В 1938 г. ему присвоили ученое звание доцента и избрали заведующим кафедрой физической химии химического факультета. С началом войны С.М. Петров был призван в РККА. Последнее место службы – начальник штаба 191-го отдельного разведывательного батальона 166-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Томске. В октябре 1941 г. С.М. Петров пропал без вести в район с. Ярцево Смоленской области. Его имя увековечено на памятной стеле в Университетской роще ТГУ.

В фондах Музея истории ТГУ хранятся военные письма С.М. Петрова жене, доценту, а затем профессору ТГУ Л.Г. Майдановской. Вот строки из его письма от 29 августа 1941 г.: «Наконец-то письма от тебя. Два дня – четыре письма. Бесконечно рад! Узнал, что все здоровы. Жаль только, не пишешь, каковы условия жизни в Томске. Видела бы ты картину в батальоне, когда принесли письма. Сколько радости у тех, кто получил, и грусти у не получивших. Не получившие просили почитать наши письма. Хотя чужие для них, но и то из родных мест».

В письмах жене и сыну Артуру он сообщал о ситуации на фронте, встречах со своими коллегами и студентами по университету на полях сражений, о том, как воюют его боевые друзья (Фоминых 2010: 136-138; Петров).

А вот что писал с фронта преподаватель кафедры зоологии позвоночных М.С. Вдовкин проректору по научной работе доценту В.А. Пегелю: «За осень к концу 42 г. я своим грозным оружием с подразделением уничтожил еще 5 средних танков, 14 артбатарей, 7 минометных батарей, 12 пулеметов, 8 дзотов, противотанковые орудия и до 1 000 немецких гадов, гитлеровских солдат и офицеров». Студенты и преподаватели интересовались жизнью университета. Например, все тот же М.С. Вдовкин писал с фронта: «Напишите про

университетскую жизнь. Очень интересно. Кто чем занимается и как?». Весной 1943 г. в одном из боев М.С. Вдовкин был тяжело ранен и умер от ран в эвакогоспитале № 1893 29 мая 1943 г. (Фоминых 2010: 62, 246-247).

Судьбы ушедших на фронт складывались по-разному. Так, Ю.В. Чистяков, ассистент кафедры математического анализа физмата, заместитель декана по заочному сектору, вскоре после призыва оказался на Западном фронте в составе той же 166-й стрелковой дивизии 19-й армии в должности командира измерительно-пристрелочного взвода штабной батареи командующего дивизией. При выходе из окружения, в которое он попал в октябре 1941 г., был ранен в ногу.

Вот что писал Ю.В. Чистяков жене Галине, находясь в окружении: «Дорогая Галя! Я уже полмесяца нахожусь в окружении. Скитаюсь по лесам и деревням. Сильно болели глаза, чуть не ослеп. Сильно болят ноги (я поморозил их). Еле иду. Сегодня уже 10 ноября. Эту записку тебе передадут хорошие люди. Береги ребят. Буду дальше пробиваться к своим. Целую тебя крепко-крепко. Юрий» (ГАНО 1: 19).

В мае 1942 г. после госпиталя Ю.В. Чистяков был снова отправлен на фронт командиром взвода линейной батареи. Принимал участие в Сталинградской битве, в боях за Мозырь, Дубно, Броды, Перемышль, Сандомир, Котбус, Берлин, Прагу. Награжден орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями.

После войны Ю.В. Чистяков продолжил работу в ТГУ, защитил кандидатскую диссертацию, много лет, вплоть до конца жизни, являлся проректором по учебной работе, был награжден орденом «Знак Почета» (Фоминых 2003: 170-172; 2008: 247-251).

Г.И. Карпов, работавший до войны в СФТИ, а после ранения вернувшийся с фронта в Томск, о своем боевом пути писал: «Полк воевал на Западном фронте, а в августе 1942 г. я был переброшен в Ленинград. Окончательно немцы были отброшены от Ленинграда ровно через год после прорыва блокады, когда началось наступление Ленинградского и Волховского фронтов. В этой операции я уже не участвовал, так как в августе 1943 г. был демобилизован после тяжелого ранения и до конца войны работал в Томске» (Фоминых, 2008: 143-145). После войны Г.И. Карпов защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента.

Б.Я. Зубков, ассистент кафедры баллистики спецотделения физико-математического факультета, несколько раз подавал заявление о своем желании вступить добровольцем в ряды Красной армии. В ноябре 1941 г. он наконец оказался на фронте в артиллерии. Принимал активное участие в героической обороне Сталинграда.

В письме семье от 7 декабря 1942 г. Б.Я. Зубков писал: «У нас большое счастье: мы наступаем! Горжусь, что иду в бой среди героических защитников Сталинграда. Мы идем вперед, мы гоним врага, освобождая нашу священную землю от поганой нечисти. Наступательный порыв наших частей велик».

Его письма к семье полны любви, заботы о детях, матери, жене. В то же время он подчеркивает, что любовь к Родине, забота о ее процветании – для него первая и основная задача. В письме жене от 23 декабря 1941 г. Б.Я. Зубков пишет: «При всей моей любви к семье в этот тяжелый момент для Родины я не хотел бы сидеть в тылу и гулять с женой, ходить в театр. Ради вашего счастья иду в бой. Коли погибну, то за любовь к Родине, за любовь к вам, мои родные» (ГАО 1: 16).

За боевые заслуги и доблесть Б.Я. Зубков был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда».

Заявления с просьбой направить на фронт подавали не только профессора, доценты, ассистенты, аспиранты, рабочие и служащие, но и студенты. Среди студентов, одними из первых ушедших на фронт, были В. Видменко (исторический факультет, пропал без вести в 1943 г.), член партбюро того же факультета Б. Аргудяев (пропал без вести в 1941 г.), Д. Балувев (погиб в бою в 1943 г.), Ю.В. Дуплев (погиб в окружении осенью 1941 г.), В. Зуев (пропал без вести в 1943 г.) и др.

Всего на фронт из ТГУ за годы войны ушли около 600 человек. С полей сражений не вернулись около 200. Среди тех, отдал жизнь за Родину, были А.Е. Алексеенко, Г.Д. Вдовенко, Ф.А. Гутов, Е.А. Дурандин, Г.В. Завадовский, Г.П. Звонарев и др. (Зайченко 1960: 381-400). Их имена увековечены на стеле у памятника погибшим студентам, научным работникам, рабочим и служащим Томского государственного университета в Университетской роще.

Студенты и сотрудники ТГУ на полях сражений Украины, Молдавии, Приднестровья и Венгрии. Многие из ушедших на фронт из стен Томского университета оказались на фронтах, которые вели сражения на территории Украины, Молдавии, Приднестровья и Венгрии. А те, кто погиб здесь, навсегда остались на этой земле.

Так, А.И. Алейников, выпускник географического факультета (1942), участвовал в боях за освобождение Правобережной Украины на территории Волынской области. Освобождая Ковель, крупный железнодорожный узел Западной Украины, А.И. Алейников погиб 8 июля 1944 г. и был похоронен в братской могиле на поселковом кладбище у дороги при въезде в пос. Луков Турийского района Волынской области, Украина (ГАТО 2; Фоминых 2010: 47-48; Алейников).

Многие студенты, преподаватели, научные сотрудники, рабочие и служащие Томского университета, воевавшие на фронтах Великой

Отечественной войны, были награждены боевыми орденами и медалями. За время боев с немецкими захватчиками с 15 по 26 июля 1943 г. огнем взвода минометной роты 271-го стрелкового полка 13-й армии (1-й Украинский), которой командовал выпускник химического факультета ТГУ В.Д. Горохов, было уничтожено 2 миномета, 3 ручных пулемета, 2 станковых пулемета и до 100 солдат и офицеров противника. За боевой подвиг В.Д. Горохов был награжден орденом Отечественной войны II степени (1943) и орденом Красной Звезды. В сентябре 1943 г. он участвовал в форсировании Днепра, а затем освобождал Правобережную Украину. 10 декабря 1943 г. В.Д. Горохов погиб (ГАТО 3; Фоминых 2010: 70, Горохов).

Ассистент кафедры астрономии В.М. Лейкин, командовав батареей 171-го гвардейского Кишиневского артиллерийского полка 80-й гвардейской Уманской ордена Суворова стрелковой дивизией, уничтожил 8 огненных точек, 3 орудия, до 100 солдат и подавил огонь одной минометной батареи. В боях за д. Ольховец Звенигородского района Киевской области 5 марта 1944 г. огнем своей батареи, поддерживая действия 230-го гвардейского стрелкового полка, обеспечивая продвижение вперед, уничтожил два пулемета и до 20 солдат и офицеров противника. В составе 3-го Украинского фронта он участвовал в наступательных боях на территории Венгрии. В 1943 г. был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда». В составе 3-го Украинского фронта участвовал в наступательных боях на территории Венгрии, где был ранен. 13 декабря 1944 г. В.М. Лейкин умер от ран в 578-м полевом передвижном госпитале. Был похоронен на городском кладбище в г. Сексард (Венгрия) (ГАТО 4; Фоминых 2010: 112-113; Лейкин).

В боях 1 мая 1944 г. в районе д. Кустычи показал себя смелым, решительным офицером Ф.А. Гутов (выпускник географического факультета, 1940). Он уничтожил 25 немецких солдат и офицеров, подавил 7 огневых точек противника. В этих боях Ф.А. Гутов погиб смертью храбрых и был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени (1944). Похоронен в д. Соловиче Турийского района Волинской области (ГАТО 5; Фоминых 2010: 76).

А.Ф. Козлов до войны учился на физико-математическом факультете, который досрочно окончил в 1942 г. В 1943 г. был призван Кировским РВК г. Новосибирска в ряды РККА. После тяжелого ранения осенью 1943 г. А.Ф. Козлов полгода находился на излечении в госпитале. В марте 1944 г., после шести месяцев вынужденного бездействия в госпитале, А. Козлов вернулся в строй. Позади были Охатырка, Полтава, Кременчуг, Кировоград – вся Украина. Участвовал в сражениях на территории Венгрии. Анатолий в своих письмах жене

писал: «Надя! Как долго мы с тобой в разлуке. Но ничего, я надеюсь, что останусь жив, что немца прижмем к ногтю и, вернувшись, начнем строить свою обновленную, светлую жизнь». До победы А. Козлов не дожил только 3 месяца. Погиб в бою 4 февраля 1945 г. под венгерским селом Патка. Он был награжден двумя орденами Отечественной войны I степени (1945), орденом Славы III степени (1944), медалью «За отвагу» (1943) и посмертно представлен к званию Героя Советского Союза (ГАТО 6; Фоминых 2010: 100-101; Поздняков 1985; Козлов).

Гвардии майор Б.В. Матвеев (студент геолого-почвенно-географического факультета), занимая должность начальника разведки дивизии с апреля 1944 г., участвовал в боях под Белгородом, в форсировании р. Днепр, в наступательных боях от города Кривого Рога до Днестра. В составе 333-й стрелковой дивизии он участвовал в боях на территории Румынии и Болгарии. 23 августа 1944 под руководством Б.В. Матвеева взвод конных разведчиков ворвался во фланг к противнику, разгромил его и захватил в плен 80 солдат и офицеров, несмотря на превосходство врага. Умер Б.В. Матвеев от ран в 1945 г. Похоронен на центральном городском кладбище в Софии (Болгарии). Был награжден медалью «За отвагу» (1942), орденом Красной Звезды (1943), орденом Отечественной войны I степени (1944) (ГАТО 7; Фоминых 2010: 126).

Последнее место службы К.И. Огнева (ассистент кафедры минералогии и полезных ископаемых ТГУ) - 237-й отдел контрразведки СМЕРШ (4-й Украинский фронт). За период зимних и летних наступательных операций дивизии К.И. Огнев провел большую работу по ликвидации вражеского элемента на освобожденной территории от немецких оккупантов. Только за период подготовки к летней наступательной операции дивизии было обезврежено 82 шпиона, изменника Родине и дезертира. Был награжден медалью «За боевые заслуги» (1942) и орденом Красного Знамени (1943). Погиб 8 декабря 1944 г. в боях на территории Чехословакии (ГАТО 8; Фоминых 2010: 13).

21 июля 1941 г. И. Чечулин после окончания 3-го курса химического факультета ТГУ был призван в РККА. Погиб в бою 8 мая 1944 г. Похоронен в г. Тешкурень Молдавской ССР (ныне Республика Молдова) (ГАТО 9; Фоминых 2010: 181).

В боях за освобождение Правобережной и Левобережной Украины, Молдавии, Венгрии, Румынии, Болгарии от немецко-фашистских захватчиков отдали свои жизни К.Д. Безденежных (рабочий экспериментальных мастерских Сибирского физико-технического института), Д.А. Вильнин (преподаватель кафедры марксизма-ленинизма), А.И. Дементьев (выпускник геолого-почвенного факультета, 1942), Н.Ф. Егорин (доцент кафедры позвоночных животных), В.И. Калинин (студент историко-филологического факультета).

Студенты и сотрудники ТГУ, вернувшиеся с фронта в Томский университет. После ранения или демобилизации многие из оставшихся в живых вернулись к студенческой скамье. После возвращения продолжили учебу А.К. Исаченко, П.В. Кристалев, М.В. Дубровский, А.В. Козлов, А.И. Танкель и др.

Так, студент С.К. Филимонов с 1938 г. обучался на географическом факультете Томского государственного университета, а с начала войны находился в действующей Красной армии. В 1944 г. во время боя был сильно контужен и потерял слух. Филимонов награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». После демобилизации в звании старшего лейтенанта (1946 г.) продолжил учебу на том же факультете. Окончил университет в 1949 г. по специальности «гидробиология» (ГАТО 10: 18-19).

В 1938 г. на геолого-почвенный факультет Томского государственного университета поступил М.В. Дубровский, который в 1941 г. был призван с 4-го курса в ряды РККА. После ранения на поле боя в 1943 г. был демобилизован и с октября 1944 г. продолжил учебу в Томском университете на все том же геолого-почвенном факультете, который окончил в 1946 г. по специальности «геология». Был инвалидом Отечественной войны II группы (ГАТО 11: 3).

А вот судьба студентки, ушедшей на фронт. А.И. Танкель в 1941 г. поступила на историко-филологический факультет Томского университета. В апреле 1942 г. добровольно ушла сандружинницей на фронт, где пробыла до октября 1945 г. После демобилизации вернулась в ТГУ для продолжения учебы (на этот раз на географическом факультете). Окончив университет в 1951 г. и получив специальность «гидробиология», она работала на авиационной метеорологической станции в Кемерово (АМСГ), созданной в 1933 г. С 1959 по 1969 г. А.И. Танкель возглавила группу синоптиков АМСГ. За годы ее работы начальником АМСГ изменились не только условия, но и объем работы, увеличилось число обслуживаемых авиатрасс и авиаполетов. Из аэропорта г. Кемерово стали летать самолеты до Москвы, Ленинграда, Владивостока и других городов Советского Союза. В 1971 г. А.И. Танкель возглавила Кемеровскую гидрометслужбу.

«Анна Иосифовна была очень ответственным человеком и требовала этого от своих подчиненных. Во всем у нее был четкий порядок», – вспоминала Р.И. Бузунова, начальник Кемеровского ЦГМС филиала ФГБУ «Западно-Сибирское УГМС». В 1982 г. после выхода на пенсию Анна Иосифовна переехала в Симферополь, где прожила до конца жизни.

Преподаватели и научные сотрудники-фронтовики, работавшие после окончания Великой Отечественной войны в ТГУ, внесли дос-

тойный вклад в развитие университета, подготовку высококвалифицированных кадров, становление и развитие научных направлений и школ. Помимо упомянутых выше, это профессора В.Н. Кессених, И.П. Лаптев, В.Е. Зуев, доценты Л.Н. Ивановский, В.В. Поттосин, Н.Г. Туганов, С.М. Чанышев, старший научный сотрудник П.Е. Рамазанов и др.

Доцент В.В. Поттосин после окончания физико-математического факультета Московского педагогического института работал в Московском научно-исследовательском институте физики, затем до 1941 г. – в Научно-исследовательском институте математики и механики Томского университета, ведя научно-исследовательскую работу в области баллистики. Поттосин упорно стремился попасть в Красную армию: с первых дней войны подал заявление о добровольном вступлении в ряды РККА. 24 ноября 1941 г. военкомат направил его в Самарканд для обучения в Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского.

С сентября 1942 по июнь 1944 г. В.В. Поттосин состоял в должности заместителя командира дивизиона по политической части 312-го пушечного артиллерийского полка Резерва Главного командования (РГК) на Юго-Западном, 4-м и 1-м Украинском фронтах. Он принимал участие в Сталинградской операции, в боях с фашистами в районе Среднего Дона, сражался с врагом на Южном направлении. В.В. Поттосин был награжден орденом Красной Звезды (1944), орденом Отечественной войны II степени (1945), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1946), «За освобождение Праги» (Фоминых 2008: 172; Поттосин).

В марте 1947 г. В.В. Поттосин вернулся на работу в Томский университет в должности доцента. В разные годы, вплоть до выхода на пенсию в 1982 г., он состоял в должностях декана спецфака, зав. кафедрой, замдекана, декана физико-технического факультета, доцента кафедры гидродинамики физико-технического факультета.

В 1943 г. М.П. Евсеев, учась на 3-м курсе историко-филологического факультета, был призван в армию. После учебы в Белоцерковском военно-пехотном училище (Томск–Юрга) был отправлен на фронт. В составе 4-й гвардейской армии принимал участие в боях за освобождение Полтавы. В 1944 г. после тяжелого ранения был демобилизован и продолжил учебу на том же факультете, который окончил с отличием в 1946 г. Впоследствии защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Избирался деканом экономического факультета, заведовал кафедрой политэкономики (Фоминых 2001: 145-149).

Таким образом, Томский университет внес достойный вклад в общее дело Победы участием своих студентов, аспирантов, пре-

подавателей, научных сотрудников, рабочих и служащих в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны.

* *Статья выполнена при поддержке программы повышения конкурентоспособности ТГУ/ Tomsk State University Competitiveness Improvement Program, гранта РГНФ № 15-33-01331 «Общественные формы организации науки в Сибири в 1941-1991 гг.: значение и роль в социокультурной и экономической модернизации советского общества», гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности».*

ЛИТЕРАТУРА

Алейников - *Алейников Александр Иванович* // Мемориал: обобщенный банк данных, содержащий информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период / Центральный архив Министерства обороны. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56050408> (дата обращения: 21.04.2015).

Горохов - *Горохов Виктор Данилович* // Мемориал: обобщенный банк данных, содержащий информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период / Центральный архив Министерства обороны. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=55782692> (дата обращения: 20.04.2015).

Козлов - *Козлов Анатолий Федорович* // Мемориал: обобщенный банк данных, содержащий информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период / Центральный архив Министерства обороны. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56513406> (дата обращения: 13.04.2015).

Лейкин - *Лейкин Виктор Михайлович* // Мемориал: обобщенный банк данных, содержащий информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период / Центральный архив Министерства обороны. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56723107>, <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=60318139> (дата обращения: 04.04.2015).

Петров - *Петров Сергей Михайлович* // Мемориал: обобщенный банк данных, содержащий информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период / Центральный архив Министерства обороны. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=59631330>, <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73385783> (дата обращения: 18.03.2015).

Поздняков - *Е. Поздняков*. Свою жизнь он считал обыкновенной // За советскую науку. 1985. 21 февр.

Поттосин - *Поттосин Василий Вениаминович* // Электронный банк доку-

ментов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». URL: <http://www.podvignaroda.mil.ru/?#id=42704639&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 14.04.2015).

Зайченко 1960 - Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого Сибирского университета за 75 лет (1880-1955). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 477 с.

Фоминых 2001 - Профессора Томского университета: биографический словарь (1945-1980) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 3. 532 с.

Фоминых 2003 - Профессора Томского университета: биографический словарь (1980-2003) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, К.В. Петров и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 4, ч. 3.

Фоминых 2005 - С верой в Победу! Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), Л.Л. Берцун, И.Б. Делич и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 232 с.

Фоминых 2008 - От пушек к науке: воспоминания, дневники и письма участников Великой Отечественной войны – ветеранов Томского государственного университета / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), Л.Л. Берцун, И.Б. Делич и др. Томск: Изд-во НТЛ, 2008. 344 с.

Фоминых 2010 - Подвиг их бессмертен: судьбы студентов, аспирантов и сотрудников Томского государственного университета в годы Великой Отечественной войны / Под ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Том. гос. ун-т, 2010. 368 с.

ГАНО 1 - ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. П-4. Новосибирский обком ВКП(б). Отдел вузов и школ. Оп. 7. Д. 282. Материалы ученых Томского университета, вузов и других научных учреждений о работе их в период Великой Отечественной войны. 163 л.

ГАТО 1 - Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 17. Д. 274. Приказы по Томскому государственному университету 1941-1945 гг.

ГАТО 2 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 19. Д. 953. Алейников Александр Иванович. 1943. 5 л.

ГАТО 3 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 17. Д. 461. Горохов Виктор Данилович. 1937-1941. 41 л.

ГАТО 4 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 15. Д. 1395. Лейкин Виктор Михайлович. 34 л.

ГАТО 5 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 17. Д. 450. Гутов Федор Алексеевич. 1935-1940. 60 л.

ГАТО 6 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 19. Д. 359. Козлов Анатолий Федорович. 1938-1942. 39 л.

ГАТО 7 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 15. Д. 1487. Матвеев Борис Васильевич. 50 л.

ГАТО 8 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 13. Д. 392. Огнев Константин Ильич. 1931-1937. 16 л.

ГАТО 9 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 17. Д. 1671. Чечулин Иван Алексеевич. 1938-1941. 12 л.

- ГАТО 10 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 74.
Д. 20. Филимонов Степан Корнилович.
ГАТО 11 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет. Оп. 59.
Д. 2. Дубровский Михаил Васильевич.

REFERENCES

Memorial: obobshchennyy bank dannykh [Memorial: generalized data-bank]. *Aleynikov Aleksandr Ivanovich*. The Central Archives of the Ministry of Defence [Online]. Available from: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56050408> (Accessed: 21st April 2015) [In Russian].

Memorial: obobshchennyy bank dannykh [Memorial: generalized databank]. *Gorokhov Viktor Danilovich*. The Central Archives of the Ministry of Defence [Online]. Available from: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=55782692> (Accessed: 20th April 2015) [In Russian].

Memorial: obobshchennyy bank dannykh [Memorial: generalized databank]. *Kozlov Anatoliy Fedorovich*. The Central Archives of the Ministry of Defence [Online]. Available from: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56513406> (Accessed: 13th April 2015) [In Russian].

Memorial: obobshchennyy bank dannykh [Memorial: generalized databank]. *Leykin Viktor Mikhaylovich*. The Central Archives of the Ministry of Defence [Online]. Available from: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56723107>, <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=60318139> (Accessed : 4th April 2015) [In Russian].

Memorial: obobshchennyy bank dannykh [Memorial: generalized databank]. *Petrov Sergey Mikhaylovich*. The Central Archives of the Ministry of Defence [Online]. Available from: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=59631330>, <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73385783> (Accessed: 18th March 2015) [In Russian].

Pozdnyakov, E. (1985) *Svoyu zhizn' on schital obyknovennoy* [He considered the life ordinary]. *Za sovetскую nauku*. February 21st. [In Russian].

Electronic bank of documents "A feat of the people in the Great Patriotic War of 1941-1945". *Pottosin Vasilii Veniaminovich* [Online]. Available from: <http://www.podvignaroda.mil.ru/?#id=42704639&tab=navDetailManAward> (Accessed: 14th April 2015) [In Russian].

Zaychenko, P.A. (1960) *Tomskiy gosudarstvennyy universitet imeni V.V. Kuybysheva. Ocherki po istorii pervogo Sibirskogo universiteta za 75 let (1880-1955)* [Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian university for 75 years (1880-1955)]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. et al. (2001) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' (1945-1980)* [Professors of Tomsk university: A Biographic Dictionary (1945-1980)]. Tomsk: Tomsk State University. Vol. 3 [In Russian].

Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. et al. (2003) *Professora Tomskogo*

universiteta: Biograficheskiy slovar' (1980-2003) [Professors of Tomsk university: A Biographic Dictionary (1980-2003)]. Tomsk: Tomsk State University. Vol. 4. Pt. 3 [In Russian].

Fominykh, S.F. (ed.) (2005) *S veroy v Pobedu!: Tomskiy universitet v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [With belief in the Victory!: Tomsk university in days of the Great Patriotic War]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

Fominykh, S.F. (ed.) (2008) *Ot pushek k nauke: Vospominaniya, dnevniki i pis'ma uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny – veteranov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [From guns to science: Memoirs, diaries and letters of participants to the Great Patriotic War – veterans of Tomsk state university]. Tomsk: NTL [In Russian].

Fominykh, S.F. (ed.) (2010) *Podvig ikh bessmertn: Sud'by studentov, aspirantov i sotrudnikov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Their deeds are immortal: Destinies of students, graduates and the staff of Tomsk state university in the days of Great Patriotic war]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-4. Novosibirsk Regional Committee of All-Union Communist Party (Bolsheviks). Department of Higher Education Institutions and Schools. List 7. File 282. Proc. of scientists of Tomsk university, higher education institutions and other research institutions about their work in the period of the Great Patriotic War [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund R-815. Tomsk State University. List 17. File 274. Orders on Tomsk State University of 1941–1945 [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. List 19. File 953. Aleynikov Aleksandr Ivanovich. 1943 [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. List 17. File 461. Gorokhov Viktor Danilovich. 1937–1941 [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. File 1395. Leykin Viktor Mikhaylovich [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. List 17. File 450. Gutov Fedor Alekseevich. 1935–1940 [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. List 19. File 359. Kozlov Anatoliy Fedorovich. 1938–1942 [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. List 15. File 1487. Matveev Boris Vasil'evich [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. List 13. File 392. Ognev Konstantin Il'ich. 1931–1937 [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. List 17. File 1671. Chechulin Ivan Alekseevich. 1938–1941 [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. List 74. File 20. Filimonov Stepan Kornilovich [In Russian].

The State Archives of Tomsk region (GATO). Fund F. R.-815. Tomsk State University. List 59. File 2. Dubrovskiy Mikhail Vasil'evich [In Russian].

Кузьмин Андрей Николаевич – магистрант кафедры современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

Kuzmin Andrei – Student of the Department of Modern Russian, Faculty of History, National Research Tomsk State University.

E-mail: kyzmin2008andrey@mail.ru

Сорокин Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Sorokin Alexander – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern Russian, Faculty of History, National Research Tomsk State University.

E-mail: soranhist@yandex.ru

Шандала Даниил Евгеньевич – студент II курса кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Shandala Daniil – Student of the Department of Modern Russian, Faculty of History, National Research Tomsk State University.

E-mail: daniil.shandala.94@mail.ru

УДК 271.222(477.87)"1939/1945"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/5

ТРАНСФОРМАЦИИ В ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ЗАКАРПАТЬЕ В 1939-1945 гг.

Ю.В. Данилец

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3

E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Scopus Author ID: 55089984900

<http://orcid.org/0000-0003-0592-3907>

SPIN-код: 7540-4030

Авторское резюме

В статье рассматривается процесс развития православной церкви на Закарпатье в годы Второй мировой войны. Обращается внимание на деятельность епископа Владимира, борьбу между двумя направлениями среди православных, стремление венгерских властей создать автокефальную церковь в своих границах. Со стороны власти совершалось целенаправленное давление на представителей сербского патриархата, вплоть до депортации архиерея. После освобождения Закарпатья начался процесс вхождения епархии в состав Русской православной церкви.

Ключевые слова: епископ, православная церковь, патриарх, православные, Синод.

Transformation in the life of Orthodox Church in the Carpathian region in the years 1939-1945

Ju.V. Danilets

Uzhgorod National University
3 Folk square, Uzhgorod, 88000, Ukraine
E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Abstract

The article discusses the development of the Orthodox Church in the Carpathian region during the Second World War. Draws attention to the activities of the bishop of Vladimir, the fight between the two directions among the Orthodox, the desire of the Hungarian authorities to create an autocephalous church within its borders. On the part of the authority to perform purposeful pressure on the representatives of the Serbian Patriarchate, until the deportation of Bishop. After the liberation of Transcarpathia began the process of joining the Diocese of the Russian Orthodox Church.

Keywords: Bishop, Orthodox Church, Patriarch, Orthodox synod.

Население Закарпаття в первой половине XX в. пережило смену восьми политических режимов. До 1918 г. Угорская Русь находилась в составе Австро-Венгрии, а после ее распада – в составе буржуазной Венгрии (1918). В то же время восточную часть края захватили войска боярской Румынии. Вскоре венгерское правительство графа Кароли было повержено коммунистами во главе с Белой Куном. Новый режим продержался недолго, в сентябре 1919 г. земли русинов за Карпатами вошли в состав Чехословакии (далее ЧСР) под названием Подкарпатская Русь. Согласно Сен-Жерменскому договору чехи обещали создать в крае парламент и автономное правительство. Однако эти обещания были исполнены только в 1938 г., когда ЧСР подверглась агрессии со стороны Германии. В соответствии с Венским арбитражем западная часть Закарпаття с городами Ужгород, Мукачево, Берегово и частью округов вошли в состав Венгрии. В начале марта 1939 г. в г. Хуст было провозглашено независимое государство Карпатская Украина. После кровопролитных боев, продолжавшихся несколько дней, всю территорию края захватили венгры. С освобождением Закарпаття в октябре 1944 г. было создано квазисамостоятельное государство Закарпатская Украина. В 1946 г. Закарпатье было воссоединено с УССР и превратилось в Закарпатскую область.

В условиях постоянной смены политических режимов православная церковь переживала тяжелое время. Историография православной церкви на Закарпатье в первой половине XX в. небогатая. В 1999 г. игумен Гавриил (Кризина) издал небольшую книгу по истории православия, которая являлась его кандидатской диссертацией на соискание степени кандидата богословия (Гавриил 1999). На основании документов чешских, украинских и французских архивов написана монография Павела Марека и Владимира Буреги (Marek, Bureha 2008). Они воссоздали целостную картину развития православия в Закарпатье в 1918-1953 гг., показали государственно-церковную политику Венгрии и Чехословакии по отношению к православной церкви.

Материалы закарпатских и львовских архивов легли в основание книги автора этих строк (Данилец 2009). Своим научным походом привлекают внимание работы Осипа Данка (Данко 1994), Ивана Коломийца (Коломиец 1962), Валентины Марьиной (Марьина 2003), Николая Палинчака (Палінчак 1996), Вадима Якунина (Якунин 1-3).

После возрождения православия среди русинов в Австро-Венгрии пастырскую работу с 1921 г. начала вести Сербская православная церковь (далее СПЦ). Под предводительством сербских епископов-делегатов была создана Карпаторусская автономная православная церковь, которая в 1931 г. легла в основание Мукачевско-Пряшевской православной епархии. Первым постоянным епископом новой епархии был Дамаскин (Грданичка). До 1938 г., когда владыку перевели на пастырское служение в Канаду, он создал прочную епархиальную структуру, в составе которой находились около 150 тыс. верующих.

23 июня 1938 г. на вакантную должность мукачевско-пряшевского епископа был избран Владимир (Раич) (Шестаков 2004: 658). 30 октября 1938 г. состоялась хиротония в Белграде. Информацию о посвящении находим на страницах газеты «Православная Русь»: «В воскресенье 30 октября в Белграде в чрезвычайно праздничной обстановке в Патриаршем Соборе состоялась хиротония в епископы архимандрита Владимира. Литургию и хиротонию отправлял Его Святейшество Патриарх Сербский Гавриил, в сослужении митрополитов Анастасия и Досифея и Епископов Ириней Бачского и Симеона Шабачского, при русском протодьяконе о. Алексее Годяеве. В алтаре находились митрополит Иосиф и Епископы Серафим, Емилиан, Нектарий и Дионисий. Присутствовали также представители чехословацкого посольства» (Хиротония 1938: 1). Присутствие представителей правительства ЧСР свидетельствует о принципиальной согласии Праги на назначение епископа Владимира.

Епископ Владимир (Любомир Раич) родился 11 января 1882 г. в г. Ужицу (Сербия). В родном городе Любомир окончил основную школу и два класса реальной гимназии. После чего уехал в Россию, где в 1903 г. закончил Вифанскую духовную семинарию. В 1907 г. получил диплом кандидата богословия Московской духовной академии (Данилец 2010: 22). Затем вернулся в Сербию, где работал преподавателем в разных научных учреждениях в Ужицу, Скопье, Шапцу, Кругевице, Раковице. С 1922 по 1938 г. – профессор гимназии в Белграде. После смерти супруги 7 мая 1937 г. в монастыре Раваница принял монашество. Постриг совершил Патриарх Сербский Варнава. В сан иеродиакона рукоположен 10 мая, а в сан иеромонаха – 13 мая 1937 г. (Наш Преосвященный 1939: 4). В 1938-1945 гг. – епископ Мукачевско-Пряшевский, в 1945-1947 гг. – администратор Рашко-Призренской епархии,

а с 1946 по 1947 г. также администратор Черногорско-Приморской епархии. 20 мая 1947 г. назначен епископом Рашко-Призренским. Умер 14 февраля 1956 г. (Сава 1996: 91).

16 ноября 1938 г. епископ Владимир приехал в Мукачево, где 20 ноября состоялась его интронизация. В торжествах принял участие представитель Священного архиерейского Синода СПЦ епископ Серафим (ГАЗО: 41).

Под руководством епископа Владимира оказались 130 приходов, в том числе 12 на Пряшевщине, расположенных в 6 благочиниях, 5 монастырей и 13 скитов с 417 насельниками. В связи с тем, что 2 ноября 1938 г., согласно упомянутому выше Венским арбитражем, венгры захватили Мукачево, епископ Владимир 26 ноября переехал в г. Хуст. Автономное правительство Подкарпатской Руси / Карпатской Украины именно этот город избрало своей столицей. В Мукачеве епископ Владимир оставил своего администратора – игумена Аверкия (Таушева), под руководством которого оказались архиерейская резиденция и епархиальное имущество, а также номинально все приходы и монастыри на территории, которые отошли к Венгрии (Свято-Троицкий монастырь 2005: 50).

Для эффективного управления епархией в новых условиях епископ Владимир реорганизовал Духовную консисторию. Этот орган состоял из духовного суда, школьного, монастырского и епархиального управления. Во главе этих подразделений епископ поставил близких к себе лиц из местного духовенства. 29 ноября 1938 г. епархиальное управление просило Земское правительство в Хусте выплатить епископу дотацию, начиная с сентября 1938 г. (ГАЗО: 39). 22 декабря 1938 г. епископ Владимир обратился с письмом к Министерству школ и народного просвещения в Праге, в котором просил выделить субвенцию в размере 800 тыс. крон для постройки архиерейской резиденции, епархиального управления и духовной семинарии в Хусте. Министерство оставило письмо епископа без внимания.

В связи с тем, что главой автономного правительства был униатский священник Августин Волошин, в церковных кругах было опасение, что новая власть будет враждебно относиться к правам православных. Но это опасение не оправдалось. 28 ноября 1938 г. епископ Владимир лично посетил главу правительства А. Волошина. По сообщению газеты «Новая Свобода», православный епископ «сложил премьеру заявление о лояльности к Карпатоукраинскому государству и его правительству» (Нова Свобода 1).

Через месяц, 21 декабря 1938 г., А. Волошина посетила православная делегация в составе сербского митрополита Иосифа (Цвиевича), епископа Владимира (Раича), архимандрита Алексия (Кабалюка).

Глава делегации митрополит Иосиф передал премьеру поздравления от Патриарха Сербского Гавриила (Дожича). От имени Священного Синода СПЦ он заверил премьера в том, что православная церковь будет лояльна к правительству Карпатской Украины и не будет вмешиваться во внутренние национальные дела автономного правительства (Нова Свобода 2). В интервью белградской газете «Политика» митрополит Иосиф заявил, что православные имеют в Карпатской Украине равноправие с греко-католиками, а «премьер Волошин относится с политической толерантностью к православной церкви» (Politika 1939: 4).

После захвата Карпатской Украины венгерской армией ситуация в православной церкви начала стремительно изменяться. Еще в начале 1939 г. в Будапеште возникла идея создать в Венгрии автокефальную православную церковь. Поэтому на Закарпатье начинается скрытая поддержка небольшой группы духовенства, которая с 1923 г. подчинялась пражскому архиепископу Савватию (Врабцу). Последний получил хиротонию в Константинополе, но не был признан правительством ЧСР. Его сторонники даже работали в епархиальном управлении в Хусте, где проводили антисербскую агитацию. В начале 1939 г. из Хуста за подписью Евгения Якуба, члена епархиального управления, было отправлено письмо декану Мигалю Дорослаи в Сигот, а через его посредничество – в Министерство внутренних дел в Будапеште. Автор обращения просит, «чтобы они сделали нужные шаги для того, чтобы освободить нас от сербских бандитов». Имея в виду, в первую очередь, епископа Владимира. «Сербская юрисдикция нужна только Гомичкову, Кабальюку, монахам Матфею и Амфилохию» (Данко 1994: 358).

Подпольная деятельность против сербской юрисдикции со стороны некоторых священников во главе с Михаилом Поповым, которого венгерское правительство рассматривало как кандидата на епископскую должность новой церкви, была известна епископу Владимиру.

В первом номере журнала «Православный вестник» за 1939 г. была помещена информация, в которой указывалось, что в селах епархии распространяются слухи о том, что венгерская власть против православия и будто бы хочет уничтожить православную церковь. Далее указывалось, что руководство епархии по этому поводу обратилось к местным административным властям и отправило делегацию в Будапешт. «Венгерская власть резко выступила против таких слухов и заявила о равноправности православия со всеми конфессиями в государстве» (Церковная хроника 1939: 14).

В начале 1940 г. епархиальное управление начало получать донесения священников, в которых указывалось на незаконные действия

венгерских чиновников и некоторых греко-католических священников. Например, 1 января 1940 г. иеромонах Макарий (Вадюн) писал: «В нашем селе Данилово учителя заставляют православных детей посещать униатскую церковь под угрозой физической расправы» (АМПЕ 1: 1). В связи с тем, что подобных писем епископ получал довольно много, 4 января 1940 г. он обратился с письмом к регентскому комиссару Подкарпатского края Сигизмунду Перени. В своем обращении владыка писал: «Имею честь просить от Вас защиты православного населения» (АМПЕ 2: 1).

15 марта 1940 г. епископ Владимир пишет жалобу на имя министерского советника в Ужгороде каноника Юлия Марины по вопросу неправомочных действий венгерских учителей в Данилово (АМПЕ 5: 1). 25 января 1940 г. С. Перени отсылается вторая жалоба, в которой епископ сообщал, что, несмотря на решение правительства о повышении заработной платы священникам, оно не воплощено в жизнь (АМПЕ 6: 1). Эти документы показывают, что венгерская власть нарушала права православных.

10 июня 1940 г. венгерские жандармы и солдаты закрыли православный монастырь в Теребле, а монахов арестовали. В письме в епархиальное управление игумен Вениамин (Керечанин) – настоятель монастыря, писал: «Нас согнали в село в церковный дом. Я был три раза у начальника жандармерии, он пугает тюрьмой. Прошу Вас обратиться с жалобой к правительству в Ужгороде и Хусте или сразу же в Будапешт» (АМПЕ 4: 1). Епископ Владимир (Раич) писал С. Перени: «Считаю, что этот проступок является неправильным, просим взять под свою защиту монастырь и принять меры, чтобы монахи вернулись в обитель» (АМПЕ 3: 1). Через некоторое время деятельность монастыря была возобновлена.

Епископ Владимир был хорошо осведомлен о том, что против него ведется подпольная работа со стороны «савватиевцев». 7 октября 1940 г. он издал пастырское послание «всем о.о. благочинным и настоятелям приходов». В документе он четко характеризует персоны агитаторов и ситуацию в церковном вопросе вообще. «До нашего сведения дошло, что нашу епархию часто посещают какой-то Дорослай и какой-то Михаил Попов, именующие себя православными священниками. Как мне известно, они устраивают с нашими священниками встречи и собрания и ведут между ними агитацию против законной юрисдикции Сербской Церкви и против нас как законного архиерея. К сожалению, некоторые соблазнились и отошли от нас» (АУСБУ: 358).

Далее епископ дает оценку Дорослаю и Попову. «Дорослай постановлениями Священного Синода Сербской Церкви лишен сана,

г. Попов решением Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия, управляющего Русской Церковью в Западной Европе, лишен прихода; позднее он примкнул к юрисдикции Высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия, управляющего Русской Церковью за границей, но вскоре же был запрещен в богослужении, которое до сих пор с него не снято. Поэтому каноны Церкви запрещают им и с ними какое бы то ни было общение, не только молитвенное, но даже и всякое другое, во избежание соблазнов. Оба они, выражаясь словами священного Писания, насильники, которые не радят об своих овцах, ибо их оставили и ходят к чужим – к вам, не дверью, а через ограду. Своей пагубной агитацией они смущают и сеют смуту опасную для Православной Церкви и для нашей епархии, своими ложными обещаниями они соблазняют малодушных и слабых в вере, прельщая их материальными благами и земными почестями и высокими званиями... В интересах порядка и дисциплины в епархии я запрещаю сообщаться с ними и принимать их в свои дома и устраивать с ними свидания и собрания, какие, к сожалению, имели место в Хусте в церковном доме» (АУСБУ: 358).

В послании епископ также обратил внимание на свой возможный отъезд из Закарпатья. «Ввиду известных вам обстоятельств, я буду принужден просить перемещения или освобождения от Мукачевской епархии, но сам, своевольно, я вас не покину и не оставлю и буду делить с вами и дальше ваше горе и вашу печаль» (АУСБУ: 358). В документе также находим заверения епископа в том, что венгерская власть не выступает против православия. «При сем хочу сообщить вам, что я посетил нового регентского комиссара, его Высокопревосходительство г. Николая Козму, который заявил, что в религиозных вопросах он будет вполне объективным и что можем рассчитывать на его поддержку в наших законных требованиях. Между прочим, он сам подчеркнул, что на Карпатской территории не приведены в порядок метрики, и он постарается в первой очереди решить этот вопрос, по поводу которого предпринял меры уже и в министерстве» (АУСБУ: 358).

Несмотря на тяжелое положение епархии с связи с венгерской оккупацией, епископ активно выполнял свои функции. Он посещал приходы, рукополагал и возводил в сан духовенство, освещал храмы. По его указанию в 1939 г. вновь стал действовать интернат для православных учеников гимназии в Хусте, основанный еще в середине 1920-х гг. архимандритом Алексием (Кабалюк) (Православный вестник 1939: 14).

Много пастырских посещений было совершено в августе 1939 г. Например, 2 августа 1939 г. епископ Владимир возглавил литургию в

честь пророка Илии в женском монастыре в с. Липча Хустского округа. Во время литургии он возвел в сан игумена духовника обители иеромонаха Пантелеймона (Кундря) (Церковная хроника 1939: 15). 14 августа 1939 г. епископ возглавил богослужение на монастырском празднике в Преображенской обители в с. Теребля. Во время службы он рукоположил в сан дьякона выпускника Битольской духовной семинарии Иосифа Илюка (Церковная хроника 1939: 15). На следующий день владыка Владимир посетил православный приход в Сваляве (Церковная хроника 1939: 15). 20 августа 1939 г. его пригласили прибыть с архипастырским визитом в с. Калины Тячевского округа. Во время литургии он рукоположил в сан священника дьякона Иосифа Илюка и возвел в сан протоиерея сельского священника Георгия Плиску (Церковная хроника 1939: 15). На праздник Успения Богородицы 1939 г. епископ возглавил торжественную литургию при архиерейской резиденции в Мукачеве (Отпуст в Мукачеве 1939: 13-14).

Очень сложной оставалась ситуация в Пряшевской части епархии. После провозглашения независимого Словацкого государства (14 марта 1939 г.) и полной оккупации Подкарпатской Руси епископ Владимир не мог в полной мере окормлять приходы в Восточной Словакии. На территории Словакии действовало в то время 12 приходов епархии, монастырь прп. Иова во Владимировой (24 февраля 1939 г. епископ официально признал типографское братство прп. Иова Почаевского обителью в юрисдикции Архиерейского Синода РПЦЗ) и две церковные общины в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского) (Шкаровский).

В июле 1939 г. епископ Владимир посетил монастырь во Владимировой, откуда вместе с благочинным приходов прот. Василием Соловьевым провел пастырские визиты в православные села Пряшевщины (Церковная хроника 1939: 14).

25 июля 1939 г. настоятель монастыря прп. Иова игумен Серафим (Иванов) подал Архиерейскому Синоду РПЦЗ донесение, в котором указывал на необходимость передачи православных приходов в Словакии из юрисдикции СПЦ под управление епископа Берлинского и Германского Серафима (Ляде). К донесению была также приложена копия докладной записки протоиерея Василия Соловьева епископу Владимиру с аналогичными предложениями (Шкаровский). Записка была подана епископу, наверное, во время его пребывания в Словакии. Руководители РПЦЗ поддержали полученное донесение, но указали, что эта передача должна быть осуществлена только с согласия СПЦ.

Сербы были не готовы к такому ходу действий. 14 июля 1940 г. епископ Владимир прибыл в монастырь во Владимировой. В обите-

ли владыка прожил четыре дня, занимаясь срочными церковными делами. Он почтил память русских воинов Первой мировой войны, отслужив на их могилах панихиду. За эти дни было совершено несколько рукоположений. В сан игумена был возведен иеромонах Игнатий, в сан иеромонаха рукоположен иеродьякон Григорий, в сан иеродьякона – монах Виталий, в сан иподиякона – монах Сергей, в сан протоиерея – настоятель прихода с. Бехерево Алексей Омелянович. В монастыре епископ также отправил заупокойный молебен в память о русском государе Николае II и его семье (Церковное торжество 1940: 5).

14 июля 1940 г. епископ Владимир освятил также иконостас в храме с. Вилаги. Во время литургии он наградил камилавками священника из Межилаборцев Иоанна Иванова и местного настоятеля Василия Птащука (Богослужение 1940: 5).

Епископ Владимир понимал, что ему трудно руководить приходами в другом государстве, и этот факт будет использован представителями РПЦЗ для перевода парафий под свою юрисдикцию. Об этом свидетельствует донесение от 25 июня 1939 г., упоминаемое нами ранее. 15 июля 1940 г. «Православная Русь» разместила на своих страницах небольшую заметку под названием «Перемены в каноническом устройстве Православной Церкви на Пряшевщине». В статье неизвестный автор указывал, что в связи с политическим отделением Пряшевской Руси от Подкарпатской Руси Священный Синод СПЦ решил передать православные приходы Пряшевщины из ведения епископа Владимира (Раича) в непосредственное подчинение Сербскому Патриарху Гавриилу (Дожичу). В новых условиях патриаршим наместником-администратором был назначен протоиерей Василий Соловьев с правом ношения палицы (Перемены 1940: 5). Таким образом, юрисдикция СПЦ над православными приходами Восточной Словакии была сохранена.

После нападения Германии на Югославию ситуация в корне изменилась. Епископу Владимиру было предложено принять венгерское гражданство вместе со всеми священниками епархии. Но архиерей категорически отказался (Данилець 2009: 177). После этого 8 апреля 1941 г. на железнодорожном вокзале Мукачева епископ был арестован. Газета «Православная Русь» 1 мая 1941 г. поместила две небольшие заметки. В первой указывалось, что «правлящий епископ Мукачевский в настоящее время отстранен от управления епархией мадьярскими властями и временно поселился на покой вблизи Будапешта» (Отстранение 1941: 8). А во второй читателям сообщалось, что в Острожском монастыре, возле Цетинье, германскими властями арестован сербский патриарх Гавриил (Арест Патриарха 1941: 8). Па-

триарх был отправлен в концлагерь, а епископа Владимира венгры интернировали в загородном доме римо-католического епископа в г. Вац.

Весьма возможно, что епископ Владимир, находясь в заточении, считал возможным наладить связь с архиепископом Серафимом (Ляде) и попросить его о принятии в свое управление приходов Восточной Словакии. Кроме того, патриарх Гавриил, которому непосредственно подчинялись эти приходы, находился в концлагере Дахау. Эти предположения основываются на архивных документах, которые будут проанализированы позже. Архиепископ Серафим (Ляде) 16 сентября 1941 г. известил настоятеля монастыря во Владимировой игумена Серафима (Иванова), что он берет под свое окормление монастырь и все православные приходы в Словакии (Шкаровский).

В середине октября 1941 г. епископ Владимир (Раич) был выслан в Югославию. В то же время 22 октября 1941 г. архиепископ Серафим (Ляде) посетил столицу Словакии Братиславу. Во время визита он встретился с представителем монастыря прп. Иова архимандритом Нафанаилом и протоиереем В. Соловьевым. На совещании владыка принял от протоиерея В. Соловьева православные приходы Восточной Словакии и назначил его же на должность администратора этих приходов (Архиепископ Серафим 1941: 8).

26 мая 1942 г. Архиерейский Синод РПЦЗ принял решение о преобразовании Германской епархии в Средне-Европейский митрополичий округ во главе с возведенным в сан митрополита Серафимом (Ляде). В состав этого округа вошли и все православные общины в Австрии, Словакии, Протектората Чехии и Моравии, значительная часть которых формально оставалась в сербской юрисдикции (Шкаровский).

Несмотря на то что епископ Владимир (Раич) был выслан в Сербию и не мог управлять приходами Мукачевско-Пряшевской епархии, сербы упорно продолжали отстаивать свое право на каноническую территорию и духовенство. По словам М. Шкаровского, 3 июля 1941 г. председатель Синода СПЦ митрополит Иосиф (Цвиевич) обратился к председателю Архиерейского Синода РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому) с просьбой иметь в виду права сербской церкви на ее приходы в связи с образованием округа. В ответе владыки Анастасия от 11 июля говорилось, что сербские общины не рассматривались как составные части Средне-Европейского округа (в юрисдикционном плане) (Шкаровский). В своих письмах к митрополиту Серафиму (Ляде) глава РПЦЗ напоминал, что сербы обеспокоены ситуацией с православными приходами в Словакии и боятся, что они будут присоединены окончательно к РПЦЗ.

Ответ митрополита Серафима митрополиту Анастасию интересен. Считаем, что он частично поставил точку в напряженных отношениях между СПЦ и РПЦЗ. По словам М. Шкаровского, митрополит Серафим (Ляде) в своем письме выразил недоумение тем, что Синод СПЦ выражает недовольство его действиями. «Я прекрасно понимаю, что захват мною сербских приходов только еще более осложнил бы положение нашего Архиерейского Синода». В то же время он указал, что принятие православных приходов Восточной Словакии в его юрисдикцию состоялось по просьбе епископа Владимира: «Преосвященный Владимир, епископ Мукачевский, настоятельно просил меня взять эти приходы в свое управление, так как он лишен возможности управлять этими приходами». Подытоживая письмо, митрополит Серафим писал: «Мне кажется, что Сербский Синод должен был бы благодарить меня, а не протестовать против этой моей помощи, совершенно бескорыстной. Неужели интересы Сербской Православной Церкви пострадают вследствие того, что я временно принимаю на себя заботы о приходах, находящихся в настоящее время вне сферы влияния Сербского Архиерейского Синода и Преосвященного епископа Владимира? Ведь моя помощь только временная мера в пользу Сербской Православной Церкви... Я полагал, да и ныне полагаю, что мой долг – делать все от меня зависящее ради спасения Православия. Неужели это преступление?» (Шкаровский).

На заседании Синода СПЦ от 26 сентября 1942 г. была заслушана информация о положении православных приходов в Словакии. Было подчеркнуто, что епископ Владимир (Раич) просил митрополита Серафима взять словацкие общины под свою защиту и оказать им духовную поддержку. Синод постановил, что в настоящее время такая ситуация допустима, поскольку митрополит Серафим действовал не самовольно, а по просьбе епархиального архиерея. Было также решено просить епископа Владимира попытаться найти возможность возвратиться в епархию. В случае невозможности осуществления этого пожелания, Синод решил просить главу правительства Сербии Недича дипломатическим путем добиться передачи управления словацкими приходами служившему в Венгрии сербскому епископу Будимскому Георгию (Шкаровский).

После ареста епископа Владимира на Закарпатье православными приходами начал управлять администратор игумен Феофан (Сабов). Однако 12 апреля 1941 г. регент Венгрии Миклош Хорти назначил «администратором греко-восточных венгерских и греко-восточных русинских церковных частей» упоминаемого нами выше Михаила Попова (Budapesti Közlöny 1941: 1). Все эти действия Попов согла-

совывал с архиепископом Савватием, который еще 26 сентября 1940 г. издал указ о назначении его своим администратором в Венгрии (АУСБУ: 370).

Когда попытка создания автокефальной церкви в Венгрии провалилась, и этому помешала в первую очередь Германия, Попов начал думать о смене юрисдикции. Кроме того, 30 мая 1942 г. гестапо арестовало архиепископа Савватия (Врабеца), и Попов остался без церковного патрона. Известно, что 11 и 20 января 1943 г. он встречался с митрополитом Серафимом (Ляде), с которым обговаривал положение православной церкви в Венгрии (АУСБУ: 34).

В июне 1943 г. М. Попов был отправлен в отставку. На должности администратора был восстановлен игумен Феофан (Сабов), сторонник сербской юрисдикции (Данилець 2009: 188). Он начал готовить почву для возвращения епископа Владимира из Сербии. В октябре 1944 г. Закарпатье было освобождено Советской армией.

1944 г. стал переломным в истории Закарпатья. Изменения коснулись почти всех сфер общественно-политической, социально-экономической, культурной и религиозной жизни. Новый этап наступил и в жизни православной церкви. И хотя православное духовенство, в отличие от греко-католического, выражало свое лояльное отношение к новой власти, принимало активное участие в воссоединительном движении и работе народных комитетов, ему не удалось избежать давления.

Сразу же после освобождения края от венгерских войск, еще до формирования органов государственной власти Закарпатской Украины (26 ноября 1944 г.), начался процесс вхождения православной церкви под юрисдикцию РПЦ. 18 ноября 1944 г. в Хусте состоялось собрание православного духовенства, на котором решили обратиться к СПЦ с просьбой дать согласие на переход Мукачево-Пряшевской епархии в состав РПЦ (Данилець 2009: 191). Приняли также решение направить в Москву делегацию для решения этих вопросов.

С 7 по 13 декабря 1944 г. представители закарпатского духовенства находились в Москве. Переговоры велись в двух направлениях. С одной стороны, надо было добиться благосклонности митрополита Алексия I (Симанского). Суть просьбы закарпатцев сводилась к следующим пунктам: «1. Поддержать перед Синодом СПЦ их ходатайство о передаче Мукачево-Пряшевской епархии в каноническое ведение Московской Патриархии; 2) Способствовать через гражданские и военные власти в перераспределении церковного имущества между православными и униатскими приходами; 3) Предоставить возможность подготовки в Московских духовных заведениях своих кандидатов в священники и наладить поставки со стороны Московской Патриархии богословских

книг; 4) Чтобы Московская Патриархия оказала материальную поддержку Мукачево-Пряшевской епархии» (Данилец 2009: 193-194). 11 декабря 1944 г. делегация была принята председателем Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР Георгием Карповым.

17 марта 1945 г. И. Сталин подписал «Инструкцию № 54», в которой, в частности, предполагалось «оформить присоединение к Московской патриархии Мукачево-Пряшевской православной епархии (Закарпатская Украина), согласно выявленным с их стороны желанием и согласием Синода СПЦ (в юрисдикции которой до сих пор находится Мукачево-Пряшевская епархия)» (Данилец 2009: 195).

В апреле 1945 г. Московская патриархия направила церковную делегацию во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным) в Югославию. Делегацию принял митрополит Скопльский Иосиф (Цвиевич), потому что Патриарх Гавриил находился тогда еще в концлагере. В то время во всей Югославии находились девять епископов, а заседание Священного Синода составляли пять архиереев. Между ними был и епископ Владимир (Раич), который согласился на передачу ведомой им епархии в юрисдикцию РПЦ.

Особенно активизировались отношения между СПЦ и РПЦ по вопросу передачи Мукачево-Пряшевской епархии после 29 июня 1945 г., когда между правительствами ЧСР и СССР был подписан договор о Закарпатской Украине, который предусматривал включение Закарпатья в состав УССР. 6-8 сентября 1945 г. на заседании Священного Синода СПЦ было принято решение о каноническом переходе Мукачевско-Пряшевской епархии в состав РПЦ.

20 октября 1945 г. Священный Синод СПЦ отправил епископа Владимира (Раича) в Москву для официальной передачи Мукачевско-Пряшевской епархии в состав РПЦ. Епископа сопровождал в этой поездке иеродьякон Прохор Якшич. В Москве они встретились с Патриархом Алексием I, а 22 октября 1945 г. состоялось заседание Священного Синода РПЦ (Скурат 1994: 234). На этом заседании епископ Владимир (Раич) зачитал письмо главы Священного Синода СПЦ митрополита Иосифа (Цвиевича), в котором последний сообщал решение Синода о передаче Мукачевско-Пряшевской епархии в ведение РПЦ. После оглашения письма епископ Владимир (Раич) согласно 67-му правилу Карфагенского собора выразил от себя согласие на передачу епархии в состав Русской церкви (Пребывание в Москве 1945: 20).

24 ноября 1945 г. патриарх Московский хиротонизировал Георгия Сидорука в епископа Уманского, викария Киевской митрополии, под именем Нестора, одновременно назначив его администратором православной Мукачевско-Пряшевской епархии (Боцюрків 2005: 191).

6 ноября 1945 г. епископ Владимир вместе с епископом Нестором прибыли в Мукачево. 9 ноября новый епископ принял от предшественника епархиальный архив, а 11 ноября в кафедральном храме Мукачева состоялась его интронизация (Одинцов 2003).

Главной причиной ухудшения положения православной церкви накануне и в годы Второй мировой войны стала политика венгерских властей. Венгры желали видеть в стране независимую православную церковь. Поэтому главным заданием для них были устранение из Закарпатья епископа Владимира (Раича) и сербской юрисдикции и замена его М. Поповым и константинопольской юрисдикцией. Арест епископа и его депортация в Сербию ослабили позиции СПЦ на Закарпатье. Как архиерей епископ Владимир (Раич) много делал для укрепления епархии. Он реорганизовал управленческие органы, наладил прочные связи с местным руководством, последовательно отстаивал права православного духовенства. Епископ постоянно посещал приходы епархии, противостоял конкурентам-савватиевцам, пастырскими методами распространял православие среди населения Закарпатья.

ЛИТЕРАТУРА

АМПЕ 1 - Архив Мукачевской православной епархии. Макарий (Вадюн), иеромонах. Донесение епархиальному управлению в Мукачево за № 1/40 от 2.01.1940. Данилово. Л. 1.

АМПЕ 2 - Владимир (Раич), епископ. Жалоба регентскому комиссару С. Перени в Ужгород за № 20/40 от 4.01.1940. Л. 1.

АМПЕ 3 - Владимир (Раич), епископ. Жалоба регентскому комиссару С. Перени в Ужгород за № 741/40 от 10.06.1940. Л. 1.

АМПЕ 4 - Вениамин (Керечанин), игумен. Письмо в Лист епархиальное управление в Мукачево от 10.06.1940. Л. 1.

АМПЕ 5 - Владимир (Раич), епископ. Жалоба министерскому советнику при регентском комиссаре в Ужгороде Ю. Марине за № 58/40 от 15.01.1940. Л. 1.

АМПЕ 6 - Владимир (Раич), епископ. Жалоба регентскому комиссару С. Перени в Ужгород за № 25/40 от 24.01.1940. Л. 1.

Арест Патріарха 1941 - Арест Патріарха Гавріила // Православная Русь. 1941. 1 мая. С. 8.

АУСБУ - Архив Управления СБУ в Закарпатской области. Арх. крим. дело 1411-С. (Попов М.М.) (7.04.1947-16.08.1947 pp.). На 474 л.

Архієпископ Серафим 1941 - Архієпископ Серафим в Словакиї // Православная Русь. 1941. 30 октября. С. 8.

Богослуженіе 1940 - Богослуженіе в с. Вилаги // Православная Русь. 1940. 15 июля. С. 5.

Боцюрків 2005 - Боцюрків Б. Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава (1939-1950) / переклад з англійської Наталії Кочан,

за редакцією Олега Турія. Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2005. 268 с.

Budapesti Közlöny 1941 - Budapesti Közlöny. 1941. 13 aprills. S. 1.

Гавриил 1999 - *Гавриил (Кризина), игумен*. Православная Церковь на Закарпатье (век XX). Киев, 1999. 200 с.

ГАЗО - Государственный архив Закарпатской области. Ф. 109. Оп. 1. Д. 461. На 46 л.

Данилець 2009 - *Данилець Ю.* Православна церква на Закарпатті у першій половині XX ст. / Передмова В. Фенича. Ужгород: Карпати, 2009. 376 с.

Данилець 2010 - *Данилець Ю.* Пастырская деятельность епископа Владимира (Раича) в Закарпатье накануне и в годы Второй мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 1 (13). Война и российское общество. С. 21-29.

Данко 1994 - *Данко О.* Угорська політика відносно православної церкви в 1939-1944 рр. // Культура Українських Карпат: традиції і сучасність: Матеріали міжн. наук. конф. Ужгород, 1994. С. 349-364.

Коломиец 1962 - *Коломиец И.* Социально-экономические отношения и общественное движение а Закарпатье во второй половине XIX столетия. Томск, 1962. 678 с.

Marek, Bureha 2008 - *Marek P., Bureha V.* Pravoslavní v Československu v letech 1918-1953: Příspěvek k dějinám Pravoslavné církve v českých zemích, na Slovensku a na Podkarpatské Rusi. Brno, Centrum pro studium demokracie a kultury, 2008. 532 s.

Марына 2003 - *Марына В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939-1945 гг. Документальный очерк. М.: Новый хронограф, 2003. 303 с.

Наш Преосвященный 1939 - Наш Преосвященный владыка // Православный вестник. 1939. № 1. С. 4.

Нова Свобода 1 - Нова Свобода. 1938. 30 листопада.

Нова Свобода 2 - Нова Свобода. 1938. 23 грудня.

Одинцов 2003 - *Одинцов М.* Вероисповедная политика советского государства в 1939-1958 гг. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939-1958 (Дискуссионные аспекты). М., 2003. URL: <http://www.rusoir.ru/print/02/108/index.html> (дата обращения: 17 апреля 2015).

Отпуст в Мукачеве 1939 - Отпуст в Мукачеве // Православный вестник. 1939. С. 13-14.

Отстранение 1941 - Отстранение Преосвященного Епископа Владимира // Православная Русь. 1941. 1 мая. С. 8.

Палінчак 1996 - *Палінчак М.* Державно-церковні відносини на Закарпатті та в Східній Словаччині в 20-середині 30-х років XX століття. Ужгород, 1996. 92 с.

Перемены 1940 - Перемены в каноническом устройстве Православной Церкви на Пряшевщине // Православная Русь. 1940. 15 июля. С. 5.

Politika 1939 - Politika. 1939. 8 februara.

Пребывание в Москве 1945 - Пребывание в Москве делегации Православной Церкви Закарпатской Украины // ЖМП. 1945. № 11. С. 20.

Сава 1996 - *Сава, епископ Шумадијски*. Српски јерарси. Белград, 1996. 538 с.
 Свято-Троицкий монастырь 2005 - Свято-Троицкий монастырь. Памятка к 75-летию. Джорданвилль, 2005. 208 с.

Скурат 1994 - *Скурат К.* История Православных Поместных Церквей: Учебное пособие: В 2 т. М., 1994. Т. 2. 320 с.

Хиротония 1938 - Хиротония епископа Владимира // Православная Русь. 1938. С. 1.

Церковная хроника 1939 - Церковная хроника // Православный вестник. 1939. С. 14.

Церковное торжество 1940 - Церковное торжество в обители преп. Иова // Православная Русь. 1940. 15 июля. С. 5.

Шестаков 2004 - *Шестаков А.* Владимир (Раич) // Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. Т. 8. С. 658-659.

Шкаровский - *Шкаровский М.* Монастырь преподобного Иова Почаевского в Словакии. URL: <http://www.krotov.info/history/20/1930/slovakia.htm> (дата обращения: 18 апреля 2015).

Якунин 1 - *Якунин В.* Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. 400 с.

Якунин 2 - *Якунин В.* Внешние связи Московской Патриархии и расширение её юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Самара, 2002. 200 с.

Якунин 3 - *Якунин В.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: историография и источниковедение проблемы. Самара, 2002. 167 с.

REFERENCES

Macarius (Vadyun). (1940) *Donesenie eparkhial'nomu upravleniyu v Mukacheve za Nr 1/40 ot 2.01.1940* [Report Nr 1/40 to Diocesan Office in Mukachevo of Januray 2, 1940]. The Archives of Mukachevo Orthodox Diocese. Danilovo [In Russian].

Vladimir (Raich). (1940) *Zhaloba regentskomu komissaru S. Pereni v Uzhgorod za Nr 20/40 ot 4.01.1940* [Complaint Nr 20/40 to Commissioner S. Pereni in Uzhgorod of January 4, 1940]. The Archives of Mukachevo Orthodox Diocese [In Russian].

Vladimir (Raich). (1940) *Zhaloba regentskomu komissaru S. Pereni v Uzhgorod za Nr 741/40 ot 10.06.1940* [Complaint Nr 741/40 to Commissioner S. Pereni in Uzhgorod of June 10, 1940]. The Archives of Mukachevo Orthodox Diocese [In Russian].

Veniamin (Kerechanin). (1940) *Pis'mo v List eparkhial'noe upravlenie v Mukacheve ot 10.06.1940* [Letter to List Diocesan administration in Mukachevo of June 10, 1940]. The Archives of Mukachevo Orthodox Diocese [In Russian].

Vladimir (Raich). (1940) *Zhaloba ministerskomu sovetniku pri regentskom ko-*

missare v Uzhgorode Yu. Marine za Nr 58/40 ot 15.01.1940 [Complain Nr 58/40 to the Precentorial Commissioner in Uzhgorod Yu Marina of January 15, 1940]. The Archives of Mukachevo Orthodox Diocese [In Russian].

Vladimir (Raich). (1940) *Zhaloba regentskomu komissaru S. Pereni v Uzhgorod za Nr 25/40 ot 24.01.1940* [Complaint Nr 25/40 to Precentorial Commissioner S. Pereni in Uzhgorod of January 24, 1940] [In Russian].

Pravoslavnyaya Rus'. (1941) Arest Patriarkha Gavriila [Arrest of Patriarch Gavriil]. May 1st [In Russian].

Anon. (1947) *Arkh. krim. delo 1411-S. (Popov M.M.) (7.04.1947-16.08.1947 rr.)* [Arch. crim. case 1411-C. Popov M.M. (7.04.1947-16.08.1947)]. The Archives of the State Security Service of Ukraine in the Transcarpathian region [In Russian].

Pravoslavnyaya Rus'. (1941b) Arkhiepiskop Serafim v Slovakii [Archbishop Serafim of Slovakia]. October 30th [In Russian].

Pravoslavnyaya Rus'. (1940) Bogosluzhenie v s. Vilagi [Liturgy in Vilagi village]. July 15th. p. 5 [In Russian].

Botsyurkiv, B. (2005) *Ukrains'ka Greko-Katolits'ka Tserkva i Radyans'ka derzhava (1939-1950)* [Ukrainian Greek Catholic Church and the Soviet State (1939–1950)]. Translated from English by N. Kochan. Lviv: Ukrainian Catholic University Press [In Ukrainian].

Budapesti Közlöny. (1941) April 13th [In Hungarian].

Gavriil (Krizina). (1999) *Pravoslavnyaya Tserkov' na Zakarpatt'e (vek XX)* [The Orthodox Church in Transcarpathia (the 20th century)]. Kiev: Information Centre of Ukrainian Orthodox Church [In Russian].

Gosudarstvennyy arkhiv Zakarpatskoy oblasti [The State Archives of Transcarpathian region]. Fund 109. List 1. File 461 [In Russian].

Danilets, Yu. (2009) *Pravoslavna tserkva na Zakarpatti u pershiy polovini XX st.* [Orthodox Church in Transcarpathia in the first half of the twentieth century]. Uzhgorod: Karpati [In Ukrainian].

Danilets, Yu. (2010) Vicarial activity of Bishop Vladimir (Raich) in Transcarpathia during the Second World war. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*, 1 (13) [In Russian].

Danko, O. (1994) [Hungarian policy towards the Orthodox Church in 1939-1944]. *Kul'tura Ukrains'kikh Karpat: traditsii i suchasnist'* [The Culture of Ukrainian Carpathians. Tradition and Modernity]. Proc. Of the International Research Conference [In Ukrainian].

Kolomiets, I. (1962) *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i obshchestvennoe dvizhenie a Zakarpatt'e vo vtoroy polovine XIX stoletiya* [Socio-economic relations and social movement in Transcarpathia in the late 19th century]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

Marek, P. & Bureha, V. (2008) *Pravoslavni v Československu v letech 1918-1953: Příspěvek k dějinám Pravoslavné církve v českých zemích, na Slovensku a na Podkarpatské Rusi* [Orthodox Church in Czechoslovakia in 1918–1953. Contribution to the history of the Orthodox Church in the Czech Republic, the Slovak Republic and Sub-Carpathian Rus']. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury [In Czech].

Mar'ina, V (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Ben-*

esha i Stalina. 1939-1945 gg. Dokumental'nyy ocherk [Transcarpathian Ukraine (Sub-Carpathian Rus') in the politics of Beneš and Stalin. 1939–1945]. Moscow: Novyy khronograf [In Czech].

Pravoslavnyy vestnik. (1939) Nash Preosvyashchennyy vладыka [Our Right Reverend]. 1 [In Russian].

Nova Svoboda. (1938) November 30th [In Ukrainian].

Nova Svoboda. (1938) December 23th [In Ukrainian].

Odintsov, M. (2003) *Veroispovednaya politika soetskogo gosudarstva v 1939–1958 gg.* [Religious denominations of a Soviet politician in 1939–1958]. In: Murashko, G.P. (ed.) *Vlast' i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoy Evropy. 1939–1958* [The Power and the Church in the USSR and countries of Eastern Europe. 1939–1958]. Moscow: Institute for Slavic Studies, RAS [Online]. Available from: <http://www.rusoir.ru/print/02/108/index.html> (Accessed: 17th April 2015) [In Russian].

Pravoslavnyy vestnik. (1939) Otpust v Mukacheve [Dismissal in Mukachevo] [In Russian].

Pravoslavnaya Rus'. (1941) Otstranenie Preosvyashchennago Episkopa Vladimira [Deprivation of His Right Reverend Vladimir]. May 1st. [In Russian].

Palinchak, M. (1996) *Derzhavno-tserkovni vidnosini na Zakarpatti ta v Skhidniy Slovaichini v 20-seredini 30-kh rokiv XX stolittya* [The church-state relations in the Carpathian region and in Eastern Slovakia in the 20-mid 30-ies of the 20th century]. Uzhgorod: Uzhgorod State University [In Ukrainian].

Pravoslavnaya Rus'. (1940) Peremeny v kanonicheskom ustroystve Pravoslavnoy Tserkvi na Pryashevshchine [The changes in the canonical order of the Orthodox Church in Pryashevshchina]. July 15th [In Russian].

Politika. (1939) February 8th [In Russian].

Anon. (1945) Prebyvanie v Moskve delegatsii Pravoslavnoy Tserkvi Zakarpatskoy Ukrainy [The delegation of the Orthodox Church of the Transcarpathian Ukraine visits Moscow]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii.* 11 [In Russian].

Sava, Bishop of Sumadia. (1996) *Srpski jepapci.* Belgrad [In Serbian]

Gan, S. & Zeide, G (2005) *Svyato-Troitskiy monastyr'. Pamyatka k 75-letiyu* [Holy Trinity Monastery. Memo to the 75th anniversary]. Jordanville, NY: Holy Trinity Monastery [In Russian].

Skurat, K. (1994) *Istoriya Pravoslavnykh Pomestnykh Tserkvey* [The History of local Orthodox Churches]. Moscow: Russkie ogni. Vol. 2 [In Russian].

Pravoslavnaya Rus'. (1938) Khirotoniya episkopa Vladimira [The consecration of Bishop Vladimir]. 1938 [In Russian].

Pravoslavnyy vestnik. (1939) *Tserkovnaya khronika* [The church chronicle]. p. 14.

Pravoslavnaya Rus'. (1940) Tserkovnoe torzhestvo v obiteli prep. Iova [The Church festivity at the monastery of St. Iov]. July 15th [In Russian].

Shestakov, A. (2004) *Vladimir (Raich)* [Vladimir (Raich)]. In: Alexy II, Patriarch of Moscow and All Russia (ed.). *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 8 [In Russian].

Shkarovskiy, M. (1930) *Monastyr' prepodobnogo Iova Pochaevskogo v Slovaichii* [Monastery of St. Job of Pochaev in Slovakia] [Online]. Available from: <http://>

www.krotov.info/history/20/1930/slovakia.htm (Accessed: 18th April 2015) [In Russian].

Yakunin, V. (2001) *Polozhenie i deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The status and activities of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Samara: Samara State University [In Russian].

Yakunin, V. (2002a) *Vneshnie svyazi Moskovskoy Patriarkhii i rasshirenie ee yurisdiktsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Foreign contacts of the Moscow Patriarchate and the expansion of its jurisdiction in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Samara: Nauchno-tehnicheskiiy tsentr [In Russian].

Yakunin, V. (2002b) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: istoriografiya i istochnikovedenie problem* [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945: historiography and source study]. Samara: Sovremennik [In Russian].

Данилец Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Государственного высшего учебного заведения «Ужгородский национальный университет».

Danilets Yuriy – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Ukraine of State Higher Education Establishment “Uzhhorod National University”.

E-mail: jurijdanilec@rambler

УДК 94(47)"1941/45"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/6

БЕССАРАБИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С.Г. Суляк

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Scopus Author ID: 55359315000

Researcher ID: D-6981-2014

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

28 июня 1940 г. Бессарабия была присоединена к СССР. 2 августа из большинства ее уездов и районов Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики была образована Молдавская Советская Социалистическая Республика. 22 июня 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, на территории республики начались военные действия. Несмотря на ожесточенные бои, в которых принимали участие и уроженцы Бессарабии, к концу июля 1941 г. край был оккупирован немецко-румынскими войсками. В результате мобилизации в Красную армию и эвакуации население Молдавии сократилось на 500 тыс. чел. и составило 2 млн 220 тыс. чел. Население Кишинёва, Тирасполя и уездных центров сократилось почти вдвое. Оккупанты создали губернаторство Бессарабия. Многочисленные приказы органов «новой власти» с различными ограничениями, запретами, запрещениями, как правило, заканчивались словами: «за нарушение – смертная казнь», «тюремное заключение сроком на...», «каторжными работами от... до...». Румынские власти проводили политику террора и грабежа. Планировалось переселить местное русское, гагаузское, болгарское, русинское и малорусское население, а их земли заселить румынскими колонистами. В Румынию вывозились продовольствие, фураж, промышленные товары, дефицитное сырье. Были разрушены экономика края, системы образования и здравоохранения. Все это пришлось восстанавливать после освобождения Молдавии в августе 1944 г.

Ключевые слова: Бессарабия, Молдавия, МССР, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Румыния, СССР.

Bessarabia During the Years of the Great Patriotic War

S.G. Sulyak

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

On June 28 Bessarabia entered into the structure of the USSR. On August 2, 1940 the Moldavian Soviet Socialist Republic was formed from the majority of districts of Bessarabia and the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic. With the beginning of the Great Patriotic War on June 22, 1941 military operations began on the territory of the republic. Despite the fierce battles, in which the Bessarabians took part, by the end of July 1941 Bessarabia was occupied by the German-Rumanian forces. As a result of mobilization into the Red Army and evacuation, the Moldavian population decreased by 500 000 and was at 2 220 000. The population of Kishinev, Tiraspol and district centers decreased approximately by half. An administrative region of Bessarabia was created by the occupying forces. The numerous commands of the "new authorities" with various restrictions, bans, prohibitions as a rule ended with: "Death penalty for violation of", "prison sentence for a term of...", "hard labor from... to..." The occupying forces conducted a policy of terror and plunder. The resettling of local Russian, Gagauz, Bulgarian, Rusin and the Little Russian population was planned and the lands of the former were colonized by Rumanian colonists. Provisions, fodder, manufactured goods, raw material of short supply were exported to Rumania. The economy, education and health systems were destroyed. In August 1944 after the liberation of Bessarabia everything had to be restored.

Keywords: Bessarabia, Moldavia, MSSR, Great Patriotic War, WWII, Rumania, USSR.

Бессарабия была отторгнута от России в 1918 г. бывшим ее союзником – королевством Румыния. Советская Россия, а затем СССР не признавали законность аннексии и настаивали на возвращении этой территории в состав России / СССР. 28 июня 1940 г. бессарабский вопрос был мирно решен. Бессарабия и Северная Буковина вошли в состав СССР. 2 августа 1940 г. был принят Закон об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики (МССР). В состав МССР вошли г. Кишинев, Бельцкий, Бендерский, Кагульский, Кишиневский, Оргеевский и Сорокский уезды Бессарабии, г. Тирасполь, Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский и Тираспольский районы МАССР. Остальные районы

автономной республики, а также Аккерманский, значительная часть Измаильского и Хотинского уездов (*где преобладало украинское, т.е. русинское и малоросское население.* – С.С.). Бессарабии отошли к Украинской ССР. Северная Буковина и часть Хотинского уезда вошли в состав Черновицкой области УССР.

Численность населения МССР на 1 января 1941 г. составила 2 млн 719,3 тыс. чел. (Кустрябова 1986: 33).

В созданной республике начались формирование новых органов управления, восстановление промышленности и сельского хозяйства, принимались меры по улучшению благосостояния населения. 10 февраля 1941 г. была принята Конституция МССР.

Однако мирному строительству помешала война.

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на СССР. Союзником Германии выступила Румыния¹. На советско-румынской границе были сосредоточены три армии (11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские) общей численностью свыше 600 тыс. чел. Им противостояли войска Одесского военного округа (переименованного в первый день войны в 9-ю армию) и отдельные части 18-й армии (История 1968: 421-422; Репида 2008: 173). 18-я армия была дислоцирована на Буковине. Большая часть уроженцев Молдавии была призвана в состав 9-й армии, особенно много бессарабцев было в частях 35-го и 48-го стрелковых корпусов (Молдавская ССР 1975: 9). Кишинев прикрывала 95-я стрелковая дивизия² 35-го стрелкового корпуса (называвшаяся с 16.01.1934 г. Молдавской), состоявшая в основном из уроженцев Бессарабии (Шорников 2014: 90).

На юго-западном направлении был создан Южный фронт³ в составе 9-й и 18-й армий, 2, 16 и 18-го механизированных корпусов (Тюленев 1972: 129). Бои развернулись на всей территории республики. Первый удар врага приняли пограничники. Местные жители помогали рыть окопы. Нередко жители соседних молдавских сел непризывного возраста (многие – участники Первой мировой войны) сражались с оружием в руках вместе с пограничниками (Молдавская ССР 1975: 126-127). Снабжали жители окрестных сел бойцов и продовольствием (Репида 2008: 174).

С первых дней войны в городах и районах Молдавии было создано 63 истребительных батальона численностью до 100-200 чел. в каждом. Десятки тысяч бессарабцев работали в фортификационных батальонах (Молдавская ССР 1975: 150-154). К 5 июля 1941 г. в ряды РККА в ряды вступило 47,6 тыс. призывников (Репида 2008: 176). В рядах Красной армии воевало 38 тыс. солдат-бессарабцев, дезертировавших из румынской армии в июне 1940 г., 18 тыс. рабочих и служащих (Шорников 2007: 268).

Почти на всем протяжении границы враг был отброшен на исходные позиции. Красная армия и пограничники не только отражали атаки противника, но и переходили в контрнаступление. 25-26 июня подразделения 51-й стрелковой дивизии и 79-го морпогранотряда на бронекатерах Дунайской флотилии переправились через Килийское гирло и овладели городом Килия-Веке и рядом населенных пунктов Румынии (История 1968: 422-423; Шорников 2014: 90). Это единственный случай в начале войны, когда было выполнено положение советской военной доктрины: «Бить врага на его территории и малой кровью»⁴.

Из донесения командующего Южным фронтом И.В. Сталину, С.К. Тимошенко и Г.К. Жукову об итогах двухнедельных боёв фронта от 8 июля 1941 г.: «В результате двухнедельных боев армии Южного фронта продолжают удерживать рубеж р. Прут и р. Дунай, за исключением участка Снятын, Штакешты, где правофланговые части 18-й армии отходят на новый оборонительный рубеж в связи с отходом левого крыла ЮЗФ» (ЦАМО 1: 10).

Несмотря на то что десятки тысяч людей ушли на фронт, промышленные и торговые предприятия, почта, телеграф продолжали бесперебойную работу. На 120-140 % выполняли свои дневные нормы рабочие кишиневских моторемонтного, чугунолитейного и механического заводов и других предприятий. Ушедших в армию заменили подростки, женщины, девушки, старики (История 1968: 427; Молдавская ССР 1975: 41-46, 681-696).

4 июля 1941 г. СНК МССР и ЦК КП(б) Молдавии приняли постановление о порядке эвакуации населения и промышленных предприятий (Шорников 2014: 100). В восточные районы СССР были эвакуированы основные предприятия, весь общественный скот колхозов, продовольственные запасы, ценное оборудование и материалы, а также педагогические вузы, селхозинституты, опытные научные сельскохозяйственные учреждения, работники науки и культуры. По данным конца 1942 г., было эвакуировано до 300 тыс. чел. По неполным данным, на конец 1942 г. в 16 областях и республиках ССР было учтено до 100 тыс. чел. Остальное население, видимо, было вынуждено остаться на оккупированной врагом территории Украины (Молдавская ССР 1975: 274-275).

В результате мобилизации в Красную армию и эвакуации население Молдавии сократилось на 500 тыс. чел. и составило 2 млн 220 тыс. чел. Население Кишинёва, Тирасполя и уездных центров сократилось почти вдвое (на 230 тыс. чел.) (Шорников 1994: 25).

Эвакуировалось большинство горожан: 65 % жителей Кишинева, 67 % жителей Бельц, 58 % жителей Тирасполя, 53 % жителей Бендер,

45 % жителей Оргеева. Среди них много было евреев, которые понимали, что принесет им «новый порядок»: 90 % евреев – жителей Тирасполя, Бендер, Калараша, около 80 % евреев Кишинева, Бельц, Скулян и т. д. Всего было эвакуировано или ушло в Красную армию свыше 60 % евреев Бессарабии (более 170 тыс. чел.) (Шорников 2014: 103-104).

На восток отправили 4 076 вагонов с промышленным оборудованием, сельскохозяйственными машинами, зерном, продовольствием и около 180 тыс. голов скота (История 1968: 430; Молдавская ССР 1975: 276).

Уроженцы Молдавии работали в тылу на фабриках и заводах Москвы, Саратова и Урала, в шахтах Караганды и Кузбасса, на нефтепромыслах Азербайджана и Туркмении, на железнодорожном транспорте, в колхозах и совхозах Казахстана, республик Средней Азии, Кавказа, внося свой вклад в победу над врагом (Молдавская ССР 1975: 11, 282-285, 287, 290, 296, 297, 301-304, 307-309, 316-318).

В тылу были восстановлены учебные заведения, учреждения науки и культуры. Эвакуированное население за счет добровольных взносов собрало к концу 1942 г. свыше 200 тыс. руб. на танковую колонну «За Советскую Молдавию» (Молдавская ССР 1975: 275), 600 тыс. руб. (до начала марта 1943 г.) – на эскадрилью «За освобождение Молдавии от немецко-румынских захватчиков». К 8 марта 1943 г. 100 тыс. руб. на строительство самолета им. Героя Советского Союза Марии Расковой собрала группа женщин из Молдавии. Собирались деньги на строительство катеров «Морской охотник», активно велась подписка на военный заем (История 1968: 456-457; Молдавская ССР 1975: 277-282).

Бои на территории Молдавии продолжались почти полтора месяца – до конца июля. Однако из-за прорыва немецко-фашистских войск на левом фланге Юго-Западного фронта советские войска вынуждены были с боями отступить.

5 июля части 3-й румынской армии вошли в г. Черновцы, а к 9 июля полностью заняли Северную Буковину. Северный фланг 9-й армии, оборонявшей Бессарабию, оказался под угрозой.

16 июля 1941 г. был занят Кишинев. 26 июля Красная армия была вынуждена полностью оставить территорию Бессарабии (История 1968: 433; Тарас 2004: 37-38).

Для подпольной работы в тылу врага партийными органами республики был утвержден состав 13 партийных организаций и 8 партизанских отрядов в левобережных районах Молдавии и 139 партизанских отрядов в правобережных (История 1968: 429). К марту 1944 г. в Молдавии насчитывалось 28 подпольных организаций и групп, объединявших более 500 чел., 8 партизанских отрядов и 23

группы численностью 900 чел. (История 2002: 237-238). Несмотря на тяжелые условия борьбы (открытая местность, небольшое количество лесов, скопления вражеских войск в городах и селах), действовавшие партизанские отряды летом 1944 г. пустили под откос 14 вражеских эшелонов, взорвали 9 мостов, уничтожили 25 танков и бронемашин, около 400 автомашин и 700 повозок с боеприпасами и снаряжением (Молдавская ССР 1976: 24).

Маршал Советского Союза Н.И. Крылов, в то время бывший начальником штаба Дунайского укрепрайона, вспоминал: «То, что войска, действовавшие тут, смогли удержать границу в первый день войны и долго удерживали потом, имело, мне кажется, значение не только для того времени и не только для данного участка фронта. Без стойкой обороны у Дуная и Прута, а затем на Днестре вряд ли удалось бы остановить врага под Одессой» (Крылов 1984: 17; Репида 2008: 177).

За время оборонительной операции в Молдавии (1.07. - 26.07.1941 г., по Г.В. Кривошееву. – С.С.) потери Южного фронта (имевшего 364 700 чел. полного состава) составили: безвозвратные – 8 519 (2,3 %), санитарные – 9 374 чел. (Россия и СССР 2001: 310).

Румынская армия в ходе боев в Бессарабии потеряла убитыми 31 638 солдат и офицеров (Шорников 2014: 108). К сожалению, данные о потерях немецкой армии на этом направлении не известны. Всего же в боях между Прутом и Бугом румынская армия потеряла 130 тыс. чел. убитыми, ранеными, пропавшими без вести. Немецкий историк А. Хильгрубер на основании данных, предоставленных немецкому командованию, считает, что румынская армия с начала войны до 6 октября 1941 г. потеряла 70 тыс. убитыми и 100 тыс. ранеными (Левит 1981: 181).

К Румынии были присоединены захваченные Бессарабия и Северная Буковина. Одновременно Гитлер предложил И. Антонеску занять зону между Днестром и Днепром для «обеспечения ее безопасности» взамен участия в военных действиях к востоку от Днепра. Территория между Днестром и Бугом была названа Транснистрией. По декрету об образовании Транснистрии ее северная граница проходила по линии Хотин – Могилев-Подольский – Ямполь – Рудника – р. Савранка (История Румынии 1971: 344).

Для руководства и координации действий оккупационной администрации при кабинете министров был создан специальный орган – Военно-гражданский кабинет для администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии (КББТ) (Левит 1981: 238).

Как вели себя румынские «освободители»⁵ на территории созданных ими губернаторств, видно по приведенным ниже фактам.

Для управления захваченной территорией были созданы три губернаторства: Бессарабия (центр – г. Кишинёв), Буковина (г. Черновцы)

и Транснистрия (с 19 августа до 17 октября 1941 г. – г. Тирасполь, а затем – г. Одесса). В Бессарабии было размещено 9 жандармских легионов. Число жандармов и полицейских в октябре 1941 г. составило 4 282 чел. (Шорников 2007: 270).

На все руководящие посты назначались выходцы из Румынии. Они возглавляли префектуры (уездные администрации), претуры (волостные (plasa) администрации), примэрии (городские управы). В городах действовали военно-полевые суды. Помимо армии, карательные функции выполняли жандармерия, полиция, сугуранца (тайная полиция), органы Специальной службы информации (Serviciul special de informație (SSI)) – секретной полиции, подчинявшейся непосредственно И. Антонеску (Молдавская ССР 1976: 7).

Многочисленные приказы органов «новой власти» с различными ограничениями, запретами, запрещениями, как правило, заканчивались словами: «за нарушение – смертная казнь», «тюремное заключение сроком на...», «каторжными работами от... до...» (Молдавская ССР 1976: 7, 36, 61-64, 96-97, 130-134).

В губернаторстве Бессарабия, по данным властей, на 1 января 1942 г. числилось 799 (из 1 162 уцелевших) действующих предприятий с числом рабочих на каждом свыше 10 чел. или двигателем свыше 5 л.с., спустя год – 992, а на 15 июля 1943 г. – 1 037, в том числе 777 мельниц и 165 маслобоек. 492 предприятия было объявлено «военизированными», на Буковине – 192. Рабочие, прикрепленные к этим предприятиям, обязаны были трудиться сколько нужно и по твердым расценкам, без права оставлять работу по собственному желанию. Почти вся продукция этих заводов и фабрик отправлялась в Румынию или использовалась на месте для снабжения войск и оккупационной администрации (Левит 1981: 295-296).

В Румынию вывозились продовольствие, промышленные товары, дефицитное сырье, например кожевенное. В то же время потребности городского населения, как отмечается в отчете губернаторства Бессарабия, были удовлетворены в 1942 г. на 7 %, а в 1943 г. – на 4,37 %. Обувь распределялась только среди чиновников оккупационного аппарата (Левит 1981: 296-297).

По данным КББТ, из губернаторств Бессарабия и Транснистрия до начала августа 1943 г. в Румынию вывезли 93 тыс. вагонов зерновых, 8 тыс. вагонов продовольствия, 6,4 тыс. вагонов фуража и овощей, 96,1 тыс. голов скота, 171 тыс. штук кож животных, 72,2 тыс. птиц, 8,4 тыс. вагонов других ценностей. Также немало продовольствия и фуража было изъято для румынской, немецкой, венгерской и итальянской армий (Царанов 2002: 96).

Оккупанты решили оставить колхозы и совхозы. В марте 1942 г. колхозы были превращены в «трудовые общины», земли делились

между бригадами из 20-30 родственных семей. Бригады, связанные круговой порукой, обязаны были обработать от 200 га земли и большую часть урожая сдать государству (Молдавская ССР 1976: 11, 104).

На месте совхозов были созданы так называемые государственные хозяйства (История 1968: 439).

В губернаторствах Бессарабия и Буковина после уборки урожая каждый крестьянин обязан был подписывать так называемую декларацию (заявление) с данными о наличии у семьи зерновых и других сельхозпродуктов. Специальные сельскохозяйственные агенты в сопровождении жандармов врываются в дома крестьян для проверки наличия зерновых. На пропитание оставляли по 80 кг зерна на взрослого и 40 кг – на ребенка, остальное подлежало сдаче оккупационным властям по ценам ниже рыночных. За несвоевременную подачу декларации, предоставление ложных сведений, утаивание сельскохозяйственных продуктов полагалось наказание вплоть до заключения в лагерь (Левит 1981: 300).

В результате только в Бессарабии посевная площадь сократилась на 13 % (Левит 1981: 307).

Также все жители губернаторства обязаны были ежегодно отрабатывать 30 дней на строительстве дорог военного значения (фактически срок был больше) (Молдавская ССР 1976: 110-111, 121-122). Уклонение от выполнения дорожной, как и всякой другой повинности каралось тюремным заключением. К примеру, каждый крестьянин сел Бужоровка и Застынка Сорокского района с января по август 1942 г., выполняя всякие трудовые повинности, отработал в среднем от 40 до 120 дней. Это же было характерно и для Транснистрии (Молдавская ССР 1976: 122; Левит 1981: 314).

Оккупанты полностью разрушили систему образования. В директивах, составленных М. Антонеску для оккупационной администрации, указывалось: «В Бессарабии и на Буковине школа должна быть перестроена коренным образом. Пока не должно быть открыто в этих провинциях ни одного высшего учебного заведения... В начальной школе мужчины будут обучаться земледелию, а женщины – хозяйству». В губернаторстве Бессарабия с населением в 2,4 млн чел. (по данным на конец 1941 г.) было всего 10 общеобразовательных полных средних и 11 неполных средних школ, 3 педагогических училища и 1 духовное училище, в которых занималось в 1941/1942 учебном году около 9 тыс. учащихся.

Доступ в них ввиду высокой платы за обучение имели в основном дети чиновников оккупационной администрации. Низкой была посещаемость в школах, особенно начальных. Основная причина этого, как выясняется из отчетов школьного ведомства, – отсутствие у детей одежды и обуви. В губернаторстве Буковина посещаемость

составляла 60,8 %. Жандармские органы объясняли это и тем, что местное население «не желает обучать их на румынском языке». В 1942/1943 учебном году, например, в губернаторстве Бессарабия не обучалось 139 550 детей в возрасте от 7 до 16 лет. Еще в худшем положении находились школы в губернаторстве Транснистрия (Левит 1981: 283-284).

В 1941-1942 гг. в губернаторствах Бессарабия и Буковина была устроена проверка «благонадежности» учителей и учеников. Многие педагоги лишились права преподавания, учащиеся были исключены из учебных заведений (Молдавская ССР 1976: 9, 99-100, 108, 126; Левит 1981: 285).

На всей территории от Прута до Буга сохранилось лишь одно высшее учебное заведение – Одесский университет, на шести факультетах которого обучалось всего 1 756 студентов. При университете оккупационные власти создали Институт антикоммунистической пропаганды (Левит 1981: 286).

Была развалена система здравоохранения. В трех уездах Молдавской ССР (Кишиневском, Кагульском, Бендерском) осталось 38 врачей. Это означало, что один врач приходился примерно на 20 тыс. жителей. Среди населения распространялись эпидемии. Так, в губернаторствах Бессарабия и Буковина осенью 1941 г. случилась вспышка сыпного тифа (Левит 1981: 320).

Согласно секретному предписанию кишиневского областного инспектората от 14 августа 1941 г., у бессарабцев были изъяты все советские и румынские удостоверения личности. Вместо них выдавались удостоверения трёх цветов: для румын (молдаван) – белого цвета, для национальных меньшинств – жёлтого, для евреев – зелёного. Также были введены специальные цифры, указывавшие на политическую принадлежность (цифра «3» – для подозрительных, «5» – для коммунистов, «7» – для легионеров) (Молдавская ССР 1976: 51-53).

Приказом губернаторства Бессарабия от 15 ноября 1941 г. было запрещено разговаривать в публичных местах на «чужом» языке. Нарушение приказа каралось тюремным заключением сроком от одного месяца до двух лет. Одновременно с тюремным заключением суд мог приговорить «виновного» к крупному денежному штрафу и лишить права занимать государственную должность сроком на шесть лет (Молдавская ССР 1976: 82). Население продолжало игнорировать распоряжения румынской администрации. Военно-полевые суды были завалены делами «преступников» (Суляк 2010: 11-13).

Румынские оккупанты вынашивали планы насильственного выселения русского, украинского (*малоросского и русинского*. – С.С.), болгарского, гагаузского, еврейского, цыганского населения (Молдавская

ССР 1976: 8). 8 июля 1941 г. руководитель румынского государства (кондукэтор) И. Антонеску заявил на заседании румынского правительства, что он выступает «за насильственную миграцию всего еврейского элемента Бессарабии и Буковины, его нужно выставить за пределы наших границ. Также я за насильственную миграцию украинского элемента, которому здесь нечего делать в данный момент» (Молдавская ССР 1976: 35). Согласно распоряжению маршала (с 21 августа 1941 г.) И. Антонеску, в декабре 1941 г. было принято юга Бессарабии, «откуда гагаузы должны быть перемещены путем применения различных экономических мер с целью переброски их на Украину» (Молдавская ССР 1976: 96). В октябре 1942 г. в соответствии с приказом Антонеску рассматривался «план эвакуации болгарского населения с юга Бессарабии» (Молдавская ССР 1976: 127). 20 июля 1943 г. губернатор Бессарабии дивизионный генерал О. Ставрат довел до подведомственных органов, что «имеются села национальных меньшинств (русские, украинские, гагаузские), которые не включаются в ритм сегодняшнего дня, а некоторые жители этих сел не подчиняются сразу полученным приказам и особенно при выполнении трудовой повинности, господин маршал, глава государства, разрешил отправлять этих инородцев за Днестр, а их недвижимое имущество секвестировать в пользу государства» (Молдавская ССР 1976: 152).

Румынские оккупационные органы собирались в результате выселения из Бессарабии «чуженационального» населения, главным образом из Белгород-Днестровского, Новокилийского, Измаильского, Кагульского, Бендерского, Бельцкого уездов (всего 702,1 тыс. чел., в том числе украинцев (*русинов и малороссов.* – С.С.) – 250,7 тыс., русских – 158,1 тыс., болгар – 117,6 тыс., гагаузов – 115,7 тыс. чел.), получить не менее 300 тыс. га дополнительных земель. Движимое и недвижимое имущество нацменьшинств в сельской местности оценивалось в 24,1 млрд леев, в городах – в 2,6 млрд леев (Левит 1981: 272-273).

С начала оккупации создаются гетто в Кишиневе, с июля 1941 г. – лагеря, «в которых следовало собрать всех евреев» (Молдавская ССР 1976: 88-95), выселяются в Транснистрию и цыгане (Молдавская ССР 1976: 153).

В лагерях Транснистрии в годы румынской оккупации погибло более 300 тыс. евреев и 50 тыс. цыган. А всего, с учётом уничтоженных летом и осенью 1941 г. на территории Бессарабии и Буковины, число евреев – жертв геноцида составляло не менее 350 тыс. чел. (Назария 2005: 275).

С апреля 1943 г. из Рыбницкого района румынские власти по приказу И. Антонеску начинают эвакуировать местное украинское

население (с конца апреля до начала июля их было выселено 3 тыс. чел.), на их место «должны быть поселены румыны с Кавказа», а также с Кубани и Крыма (Молдавская ССР 1976: 149-150).

Подобные меры предполагалось принять и на Буковине. В письме от 12 декабря 1942 г. на имя И. Антонеску (который 24 июля 1941 г., прибыв в Черновцы, объявил, что будет «лично руководить организацией Бессарабии и Буковины» (Левит 1981: 236)), глава ведомства румынизации и колонизации Румынии писал: «С точки зрения национальных интересов необходимо в первую очередь удалить украинское и рутенское (*т. е. русинское. – С.С.*) население» как самое «многочисленное». За счет этой «эвакуации» румынские власти рассчитывали приобрести в области 216 тыс. га пахотных земель и 98,6 тыс. га земель других угодий, а всего (т.е. после выселения также русских, поляков, гуцулов) 247,7 и 128,7 тыс. га соответственно (Левит 1981: 272).

В 1942/1943 финансовом году румынизированное имущество принесло казне по губернаторству Бессарабия чистой прибыли более 1 млрд леев, по Буковине – 500 млн леев (Левит 1981: 274).

Оккупационные власти пытались принять насильственные меры по румынизации фамилий и имен. Однако из-за противодействия местного населения эта политика провалилась (Молдавская ССР 1976: 114-115; Левит 1981: 281-282).

«Сделать Бессарабию самой крепкой в румынской вере», как отмечал в июне 1942 г. в своей докладной записке Министерству пропаганды Румынии заместитель директора управления пропаганды губернаторства Бессарабия Д. Мыцулеску, было сложно (Левит 1981: 280), «так как бессарабский крестьянин всегда считал себя молдаванином, а не румыном и смотрел на выходцев из Старого королевства с некоторым пренебрежением, что является следствием того, что он находился в составе великой империи» (Молдавская ССР 1976: 113-114).

Большую проблему для оккупантов создало использование мобилизационного ресурса Бессарабии. К началу войны в румынской армии служили 7,8 тыс. бессарабцев, призванных до вхождения этой территории в состав СССР. Румынское командование использовало этот «ненадежный» контингент в тыловых и оккупационных частях. К концу 1941 г. румынская администрация взяла на учет 84,8 тыс. бессарабцев от 17 до 21 лет, используя их как рабочую силу. После Сталинградской битвы 8,8 тыс. чел. из них было мобилизовано. Накануне освобождения Бессарабии оккупанты попытались эвакуировать всех допризывников и мужчин призывного возраста, а также мобилизовать их в армию. Речь шла о 250 тыс. чел. (Шорников 2014:

332-333). В отчете от 1 июня 1944 г. губернатор Бессарабии дивизионный генерал О. Ставрат сообщал о том, как ответило население Бессарабии на призыв «о защите родины»: «Сами явились от 2 до 10 %; были пойманы и отправлены жандармами в воинские части 36-38 %; из допризывников сами явились и были переправлены за Прут от 20 до 30 %; были собраны и отправлены жандармами от 40 до 50 %; на реквизиции сами явились 40-45 %; силой реквизировано жандармами 30-35 %. Дезертиры, скрывшиеся призывники и не явившиеся на реквизиции, преследуются жандармами» (Молдавская ССР 1976: 192-193).

Случаи массового дезертирства из румынской армии были постоянными (Молдавская ССР 1976: 294), как и массовая сдача в плен Красной армии (Шорников 2014: 337). В сентябре 1943 г. более 5 тыс. уроженцев Бессарабии, Буковины и Одесской области, чтобы избежать службы в румынской армии и не воевать против своих, вступило в ряды Русского корпуса на Балканах (Русский корпус 1963: 17, 115; Дробязко 2004: 93).

После освобождения Молдавии с марта по ноябрь 1944 г. в Красную армию ушло более 240 тыс. чел. (Молдавская ССР 1975: 9).

Ушли на фронт и два родных брата моего отца, Иван и Ефим, скрывавшиеся в годы оккупации от призыва в румынскую армию.

Суляк Иван Георгиевич (1920-1945), уроженец с. Булгак Рышканского района Молдавской ССР, был призван 8 ноября 1944 г. РВК Рышканского района Бельцкого уезда МССР. Последнее место службы – 1331-й стрелковый Краснознаменный полк 318-й горнострелковой Новороссийской дивизии⁶. Красноармеец И.Г. Суляк погиб в боях за Родину 15 апреля 1945 г. в ходе Моравско-Оставской наступательной операции. Похоронен в Польше (Катовицкое воеводство⁷, Рыбникский повят, г. Лослау южнее, 10 км, центр п. Шахта Фридриха, дивизионное кладбище, братская могила № 24, 2-й ряд, 6-й с юга). Там же, в списках павших, числится и его двоюродный брат и односельчанин Суляк Андрей Яковлевич, 1918 г.р. (братская могила № 23, 3-й ряд снизу) (ЦАМО 2: 2-4). Однако позже оказалось, что сведения о гибели Андрея оказались ошибочными (ЦАМО 3: 451). В 20-страничном Донесении о безвозвратных потерях от 30 апреля 1945 г. № 57856 и 24-страничном Донесении об оказавшихся в живых (документе, уточняющем потери) встречаются русинские и молдавские фамилии уроженцев Буковины и Бессарабии (ЦАМО 2; ЦАМО 3).

Суляк Ефим Георгиевич (1920–1995), тоже уроженец с. Булгак, был призван Михалянским военкоматом Бельцкой области, «беспартийный, на фронте борьбы с японскими захватчиками с 9.8.45 г.». Воевал в 58-м стрелковом полку 190-й стрелковой дивизии Первого Даль-

невосточного фронта. 28 августа 1945 г. был награжден медалью «За боевые заслуги». Как записано в Приказе № 7/н от 25 августа 1945 г. по 58-му стрелковому полку: «...награждаю медалью “За боевые заслуги”... снайпера 8 ср (*стрелковой роты*. – С.С.) красноармейца Суляка Ефима Георгиевича за то, что огнем из ручного пулемета уничтожил двух японских солдат и был ранен, преодолевая боль, пошел вместе с ротой в атаку» (ЦАМО 4: 4).

Война нанесла огромный ущерб экономике МССР. Помимо выведенных ценностей, оккупанты разрушили 1 037 промышленных предприятий. Сумма причиненного ущерба составила 2 млрд руб. (Царанов 2002: 99). Были уничтожены 63 849 чел., подвергнуто истязанию и пыткам 20 345 чел., угнано на работы 47 242 чел. Большой урон понес жилому фонду. У колхозов было разрушено 4 800 строений, у государственных предприятий и учреждений – 16 499 строений (в том числе 8 434 дома). Ряд населенных пунктов (Унгены, Корнешты, местечко Валя-луй-Влад Кишкаренского района) был полностью разрушен. В Кишиневе осталось 24 % жилого фонда. (Молдавская ССР 1976: 230-231). Было разрушено 607 школ (Молдавская ССР 1976: 207). Всего ущерб составил 16 млрд руб. (в 34 раза больше бюджета республики в 1941 г.) (Царанов 2002: 101).

Восстановление народного хозяйства республики началось сразу после ее освобождения (таблица). Благодаря самоотверженному труду населения, помощи союзного правительства и союзных республик, в Молдавии к 1948 г. в основном были восстановлены промышленность и сельское хозяйство (несмотря на засуху и неурожай 1945-1946 гг. и голод 1946-1947 гг., последствия которых удалось преодолеть благодаря помощи из союзного бюджета) (Царанов 2002: 117, 141).

Некоторые данные по экономике Молдавии (1940-1945 гг.)

Показатель	1940 г.	1941 г.	1944 г.	1945 г.
Производство электроэнергии, миллион киловатт-часов	172	11,2	0,8	8,3
Производство кожаной обуви, тыс. пар	159	80	13	73
Производство сахара-песка, тонн	11 600	3 290	351	1 854
Производство мяса (без производства колхозами, считая субпродукты I категории), тонн	5 623	3 931	955	5 614
Производство животного масла, тонн	140	155	159	184
Производство растительного масла, тонн	13 988	12 359	5 921	11 774

Производство консервов, тысяч условных банок	48 475	11 398	3	5 334
Валовой сбор зерновых культур по всем категориям хозяйств, тысяч тонн	1 810	–	1 037	962
Валовой сбор сахарной свеклы по всем категориям хозяйств, тысяч тонн	119	–	55	68
Валовой сбор подсолнечника по всем категориям хозяйств, тысяч тонн	162	–	70	100
Валовой сбор картофеля по всем категориям хозяйств, тысяч тонн	147	–	78	146
Площади зерновых культур во всех категориях хозяйств, тысяч гектаров	1 672	–	1 271	1 565
Производство мяса по всем категориям хозяйств, в убойном весе, тысяч тонн	51	3	34	31
Производство яиц по всем категориям хозяйств, миллион штук	235	6	24	111
Поголовье крупного рогатого скота по всем категориям хозяйств, тысяч голов	514	–	537	499

Источник: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистический сборник. М.: Информационно-издательский центр, 1990. 235 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В собственноручных показаниях, данных следственным органам СССР, которые были предъявлены Нюрнбергскому трибуналу, маршал Ион Антонеску рассказал о своих встречах с Гитлером в ноябре 1940 г., в январе и мае 1941 г., на которых обсуждались вопросы, связанные с подготовкой войны против Советского Союза.

Говоря о третьей встрече с Гитлером, состоявшейся в Мюнхене, на которой присутствовал министр иностранных дел Германии Риббентроп, Антонеску заявил: «На этой встрече... мы уже окончательно договорились о совместном нападении на Советский Союз».

В тех же показаниях Антонеску поведал: «Гитлер подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне этой войны, так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии. При этом он сказал, что за нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории, вплоть до Днепра» (Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: в 8 т. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 1. С. 589-590).

2. Дивизия участвовала в советско-финской войне (1939-1940 гг.) в составе 9-й армии, в освобождении Бессарабии и Северной Буковины от румынских захватчиков в 1940 г.

3. Командующим войсками вновь созданного Южного фронта назначался генерал армии И.В. Тюленев, который уже 22 июня выехал в Винницу, где должно было располагаться управление фронта (*Тюленев И.В. Через три войны. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1972 г. С. 125*).

4. Георгий Константинович Жуков в своей неопубликованной работе «Советская военная стратегия. 1941-1945 гг.» писал: «Советская военная доктрина накануне войны 1941 года исходила из того, что современную войну можно выиграть только решительными наступательными операциями сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. По довоенным взглядам, стратегическая оборона рассматривалась советской военной наукой как сопутствующий и взаимодействующий фактор наступательных действий, причем на второстепенных фронтах. Стратегическая оборона одновременно на всех фронтах, как вынужденный способ ведения войны, советской наукой не мыслилась и не рассматривалась» (*Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: РИФ ЛТД, 1995. С. 55*).

5. В своём известном приказе по армии от 22 июня 1941 г. генерал Ион Антонеску, объявив войну священной, заявил: «Солдаты! Приказываю вам перейти Прут! Уничтожайте восточного и северного врага. Освободите от красного ига большевизма наших братьев» (Цара. Кишинев. 23 июня 1992 г. С. 6).

6. 318-я Новороссийская имени ВЦИК ордена Суворова горнострелковая дивизия была сформирована 15 июля 1942 г. на базе 78-й морской стрелковой бригады.

7. 14 мая 2014 г. городские власти Катовице в «знак благодарности» разобрали монумент советским солдатам, погибшим за освобождение Польши от немецко-фашистских оккупантов, названный Памятником Благодарности, под предлогом переноса его на новое место (Источник: Телерадиокомпания «Звезда». URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201405150213-ltcv.htm (дата обращения: 20 апреля 2015)).

ЛИТЕРАТУРА

Дробязко 2004 - *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945. М.: Эксмо, 2004. 608 с.

История 1968 - История Молдавской ССР. Т. II. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней / Отв. ред. С.П. Трапезников. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1968. 814 с.

История 2002 - История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев: Elan-Poligraf, 2002. 360 с.

История Румынии 1971 - История Румынии: 1918-1970 / Ред. кол.: Н.И. Лебедев (отв. ред.), А.А. Язькова, Е.Д. Карпещенко, И.Э. Левит, Ю.А. Писарев. М.: Наука, 1971. 742 с.

Крылов 1984 - *Крылов Н.И.* Не померкнет никогда / Литературная редакция Н.Н. Ланина, 2-е изд. М.: Воениздат, 1984. 558 с.

Кустрябова 1986 - *Кустрябова С.Ф.* Города Бессарабии 1918-1940 гг. (Социально-экономический аспект и народонаселение). Кишинев: Штиинца, 1986. 256 с.

Левит 1981 - *Левит И.Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: истоки, планы, реализация (1.IX.1939-19.XI.1942). Кишинев: Штиинца, 1981. 392 с.

Молдавская ССР 1975 - Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. Сборник документов и материалов. На фронтах войны и в советском тылу. Кишинев: Штиинца, 1975. Т. I. 654 с.

Молдавская ССР 1976 - Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. Сборник документов и материалов. В тылу врага. Кишинев: Штиинца, 1976. Т. II. 676 с.

Назария 2005 - *Назария С.М.* Холокост. Страницы истории (на территории Молдавии и прилегающих областей Украины в годы фашистской оккупации. 1941-1944 гг.). Кишинев: Editorial-Poligrafică "Tipografia Centrală", 2005. 304 с.

Репида 2008 - *Репида Л.Е.* Суверенная Молдова. История и современность. Кишинев: ИПФ «Центральная типография», 2008. 384 с.

Россия и СССР 2001 - Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.В. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.

Русский корпус 1963 - Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941-1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк: Наши вести, 1963. 416 с.

Суляк 2010 - *Суляк С.Г.* «Мстителями возвращаемся мы на молдавскую землю» // Русин. Международный исторический журнал. 2010. № 1 (19). С. 7-18.

Тарас 2004 - *Тарас Д.А.* Боевые награды союзников Германии во II Мировой войне. Минск: Харвест, 2004. 208 с.

Тюленев 1972 - *Тюленев И.В.* Через три войны. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1972 г. 240 с.

ЦАМО 1- ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 228. Оп. 701. Д. 58.

ЦАМО 2 - ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 745.

ЦАМО 3 - ЦАМО. Ф. 58. Оп. Н-18005. Д. 8.

ЦАМО 4 - ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2533. № записи 37505703.

Царанов 2002 - *Царанов В.И.* Очерки социально-экономического развития Молдовы (1940-1960 гг.). Кишинев: Epan Полиграф, 2002. 218 с.

Шорников 1994 - *Шорников П.М.* Цена войны: кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. Кишинев: Ассоциация мед. работников им. Н.И. Пирогова, 1994. 134 с.

Шорников 2007 - *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь: Издательство Приднестровского университета, 2007. 400 с.

Шорников 2014 - *Шорников П.М.* Молдавия в годы Второй мировой войны. Кишинев: Î.S.F.E.-P. «Tipografia Centrală», 2014. 448 с.

REFERENCES

Droblyazko, S.I. (2004) *Pod znamenami vraga. Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskikh vooruzhennykh sil 1941-1945* [Under the banner of the enemy. Anti-Soviet form a part of the German Armed Forces 1941-1945]. Moscow: Eksmo [In Russian].

Trapeznikov, S.P. (ed.) (1968) *Istoriya Moldavskoy SSR. T. II. Ot Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii do nashikh dney* [History of the Moldavian SSR. Vol. II. From the October Revolution to the present day]. Chisinau: Kartya moldovenyashke [In Russian].

Tsaranov, V.I. (ed.) (2002) *Istoriya Respubliki Moldova. S drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Republic of Moldova. From ancient times to the present day.]. Chisinau: Elan-Poligraf [In Russian].

Lebedev, N.I. (ed.) (1971) *Istoriya Rumynii: 1918–1970* [History of Romania: 1918–1970]. Moscow: Nauka [In Russian].

Krylov, N.I. (1984) *Ne pomerknet nikogda* [Never fade]. Moscow: Voenizdat [In Russian].

Kustryabova, S.F. (1986) *Goroda Bessarabii 1918–1940 gg. (Sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt i narodonaselenie)* [The cities of Bessarabia in 1918–1940. (Socio-economic aspect and population)]. Chisinau: Shtiintsa [In Russian].

Levit, I.E. (1981) *Uchastie fashistskoy Rumynii v agressii protiv SSSR: istoki, plany, realizatsiya (September 1, 1939 – November 19, 1942)* [Participation of Romania in the fascist aggression against the USSR: sources, plans, implementation (1.IX.1939–19.XI.1942)]. Chisinau: Shtiintsa [In Russian].

Levit, I.E. (ed.) (1975) *Moldavskaya SSR v Velikoy Otechestvennoy voyne sovetskogo naroda. 1941–1945. Sbornik dokumentov i materialov. Na frontakh voyny i v sovetskom tylu* [Moldavian SSR in the Great Patriotic War of the Soviet people. 1941–1945. Collection of documents and materials. On the fronts of the war and in the Soviet rear]. Chisinau: Shtiintsa. Vol. I [In Russian].

Levit, I.E. (ed.) (1976) *Moldavskaya SSR v Velikoy Otechestvennoy voyne sovetskogo naroda. 1941–1945* [In Russian].

Sbornik dokumentov i materialov. V tylu vraga [Moldavian SSR in the Great Patriotic War of the Soviet people. 1941–1945. Collection of documents and materials. Behind the Enemy Lines.]. Chisinau: Shtiintsa. Vol. II [In Russian].

Nazariya, S.M. (2005) *Kholokost. Stranitsy istorii (na territorii Moldavii i prilegayushchikh oblastey Ukrainy v gody fashistskoy okkupatsii. 1941–1944 gg.)* [Holocaust. Pages of History (in Moldova and adjacent regions of Ukraine during the Nazi occupation. 1941–1944.]. Chisinau: Editorial-Poligrafică [In Russian].

Repida, L.E. (2008) *Suverennaya Moldova. Istoriya i sovremennost'* [The sovereign Moldova. The history and modernness]. Chisinau: Tsentral'naya tipografiya [In Russian].

Krivoshchev, G.V. (ed.) (2001) *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the Soviet Union in the wars of the 20th century. Military losses. A statistical research]. Moscow: OLMA-PRESS [In Russian].

Vertepov, D.P. (ed.) (1963) *Russkiy korpus na Balkanakh vo vremya II Velikoy voyny 1941-1945 gg. Istoricheskiy ocherk i sbornik vospominaniy sorat-nikov* [The Russian Corps on the Balkans during the Second Great War of 1941-1945. A historical review and collection of memories]. New York: Nashi vesti [In Russian].

Sulyak, S.G. (2010) "Mstitelyami vozvrashchaemysya my na moldavskuyu zemlyu" ["We return to Moldova as avengers"]. *Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal – Rusin. International Journal of History*. 1 (19) [In Russian].

Taras, D.A. (2004) *Boevye nagrody soyuznikov Germanii vo II Mirovoy voyne* [Martial award of Germany's allies in World War II]. Minsk: Kharvest [In Russian].

Tyulenev, I.V. (1972) *Cherez tri voyny* [After three wars]. Moscow: Voenizdat [In Russian].

The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO). Fund 228. List 701. File 58 [In Russian].

Tsentrāl'nyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii [The Central Archives of the Russian Ministry of Defence] (TsAMO). Fund 58. List 18003. File 745 [In Russian].

The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO). Fund 58. List N-18005. File 8 [In Russian].

The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO). Fund 33. List 687572. File 2533. No. 37505703 [In Russian].

Tsaranov, V.I. (2002) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Moldovy (1940–1960 gg.)* [Essays on the socio-economic development of Moldova (1940–1960)]. Chisinau: Elan Poligraf [In Russian].

Shornikov, P.M. (1994) *Tsena voyny: Krizis sistemy zdnavookhraneniya i demograficheskie poteri Moldavii v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [The price of war: Crisis of the health care system and demographic losses in Moldavia during the Great Patriotic War]. Chisinau: Association of Medical Workers [In Russian].

Shornikov, P.M. (2007) *Moldavskaya samobytnost'* [Moldavian identity]. Tiraspol: Transnistria State University [In Russian].

Shornikov, P.M. (2014) *Moldaviya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Moldova during the Second World War]. Chisinau: Tipografia Centrală [In Russian].

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

Sulyak Sergey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Laboratory for Interdisciplinary Research of National Research Tomsk State University, Editor-in-Chief of the International Historical Journal Rusin, President of the Association "Rus" (Republic of Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(47)"1941/45"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/7

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРИРОДА И ПРОЯВЛЕНИЯ

А.А. Черкасов¹, Е.Ф. Кринко², М. Шмигель³

¹Международный сетевой центр фундаментальных
и прикладных исследований

Россия, 354000, г. Сочи, ул. Горького 89а, оф. 4

E-mail: sochi003@rambler.ru

Scopus Author ID: 55800121000

<http://orcid.org/0000-0002-1493-765X>

SPIN-код: 2713-5609

²Институт социально-экономических и гуманитарных
исследований

Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

E-mail: krinko@mail.ru

Scopus Author ID: 56206451900

³Университет Матая Бела

Словакия, 97401, г. Банска Быстрица, ул. Таевского, 40

E-mail: michal.smigel@umb.sk

Scopus Author ID: 55799728400

SPIN-код: 1470-2800

Авторское резюме

В статье рассматриваются природа и проявления украинского национализма в годы Второй мировой войны. Уделено внимание становлению националистического движения в эмиграции, а позднее и на территории Украины.

Авторы пришли к выводу, что украинский национализм представлял общественно-политическое движение, направленное на выражение, защиту и реализацию интересов украинского народа. Главным средством решения указанных задач выступало создание украинского национального государства. В то же время борьба за его создание началась в условиях незавершенности процессов формирования украинской нации. Следует отметить и достаточно позднее возникновение политических организаций, претендовавших на выражение национальных интересов, а также их локализацию, в основном, на Западной Украине, прежде всего в Галиции, в течение

длительного времени входившей в состав Польши и Австро-Венгрии, что способствовало утверждению у них антироссийских представлений.

К началу Второй мировой войны влияние галичан в украинском национальном движении возросло, в то время как оставшиеся в СССР национальные лидеры отошли от дел или подверглись репрессиям. Ведущие позиции в украинском национальном движении прочно заняла ОУН, хотя в ней самой сохранялись различные направления, общим для которых, впрочем, оставалось не только украинофильство, но и русофобия с антисоветизмом, усиливавшиеся под влиянием тесного сотрудничества с германскими нацистами. В результате в годы войны наибольшее распространение получили радикальные, наиболее агрессивные проявления украинского национализма, сопровождавшиеся крайними формами дискриминации представителей других национальностей, вплоть до их физического уничтожения: русских, евреев, поляков. Позже ненависть стала переноситься и на представителей «своей» национальности, если они не являлись сторонниками того или иного течения в ОУН. Жестокий террор применялся в отношении жителей не только восточных, но и западных областей Украины – коммунистов и комсомольцев, партийных работников и советских активистов. В свою очередь подавление оуновского движения сопровождалось массовыми репрессиями органов государственной безопасности. В результате события Второй мировой войны и ее последствия стали серьезной травмой для многих жителей Украины, что сказалось и в развитии современного украинского кризиса.

Ключевые слова: украинский национализм, Вторая мировая война, Организация украинских националистов (ОУН), С. Бандера, А. Мельник.

Ukrainian Nationalism during World War II: Its nature and manifestations

A.A. Cherkasov¹, E.F. Krinko², M. Smigel³

¹International Network Center for Fundamental and Applied Research
89a, Gorkogo str., office 4, Sochi, 354000, Russia
E-mail: sochi003@rambler.ru

²Institute for Socio-Economic and Humanities Research
41, Chekhova str., Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: krinko@mail.ru

³Matej Bel University
40, Tajovskoho str., Banska Bystrica, 97401, Slovakia
E-mail: michal.smigel@umb.sk

Abstract

This article examines the nature and manifestations of Ukrainian nationalism during World War II. The authors dwell upon the making of the nationalist movement in emigration, and later across Ukraine.

The authors come to the conclusion that, in its essence, Ukrainian nationalism was a social-political movement oriented towards the expression, protection, and actualization of the interests of the Ukrainian people. The creation of a Ukrainian nationalist state was seen as the primary means for resolving the above objectives. At the same time, the struggle for its creation began amid the unconcluded process of the formation of the Ukrainian nation. Worthy of note is also the relatively late emergence of political organizations pretending to the expression, as well as localization, of national interests mainly in Western Ukraine and, above all, in Halychyna, a region that had long been part of Poland and Austro-Hungary, which facilitated the entrenchment of anti-Russian sentiments in the latter.

By the beginning of World War II, the influence of the Halychynans in the Ukrainian national movement had grown, while the national leaders who had stayed in the USSR were no longer active or were subjected to repressions. The leading positions in the Ukrainian nationalist movement came to be firmly occupied by the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN), although it was split into several factions within itself, which nevertheless shared the common sentiment of not just Ukrainophilia, but of Rusophobia and Anti-Sovietism, a sentiment largely exacerbated under the influence of a close partnership with the German Nazis. As a result, during the war the most widespread were the radical, more aggressive, manifestations of Ukrainian nationalism, which were accompanied by extreme forms of discrimination against representatives of other ethnicities, going as far as their physical extermination: the Russians, Jews, and Poles. Later on, hatred would be aimed at representatives of their "own" ethnicity deemed to oppose a specific faction within the OUN. Cruel terror attacks would be carried out against residents of Ukraine's both eastern and western regions – communists and Komsomol members, party officials and Soviet activists. By the same token, the OUN movement would be suppressed via mass repressions by homeland security agencies. The events of World War II and its aftermath resulted in serious trauma for many residents of Ukraine and may be viewed as having had an impact on the development of the present-day crisis in Ukraine.

Keywords: Ukrainian nationalism, World War II, Organization of Ukrainian Nationalists (OUN), S. Bandera, A. Mel'nik.

Возникновение и развитие украинского национализма относятся к числу широко разрабатываемых исследовательских проблем, дополнительную политическую актуальность которым придают современные события. Эта политизация в немалой степени затрудняет научный анализ вопроса, поскольку исследовательские аргументы и выводы пристально рассматриваются с точки зрения их соответствия или

несоответствия тем или иным политическим силам и их интересам, а не научной значимости и новизны. Между тем в истории украинского национализма сохраняются малоизученные и дискуссионные аспекты, к которым относятся его природа и проявления в период Второй мировой войны.

Анализ происхождения и эволюции украинского национализма обуславливает необходимость обращения к его истокам, которые лежат в украинофильстве XIX в., выросшем в свою очередь из стремления к сохранению малороссийского языка, литературы и культуры (Матишов 2014а, 2014b). Общественно-политический характер он приобрел на рубеже XIX-XX вв., что выразилось в требованиях создания национальной государственности в той или иной форме (от автономии до полной независимости). Широкое распространение данные идеи получили в Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии, которая стремилась придать украинскому национализму антироссийский характер, противопоставив русинскому движению. С началом Первой мировой войны на добровольной основе был создан легион Украинских сечевых стрельцов (далее – УСС), получивший боевое крещение в боях с частями 2-й Кубанской казачьей дивизии в Карпатах в 1914 г. После понесенных потерь он был доукомплектован крестьянами-русинами из местных закарпатских сел, что заметно снизило его боевые качества, поскольку те не хотели воевать против России (Каширин 2010). Не хотело воевать и большинство галичан, считавших себя русинами (руснаками) и подвергшихся за это репрессиям со стороны австро-венгерских властей. Сочувствовавшие России жители Галиции и Буковины были депортированы в Талергоф, Терезин и другие специально созданные концентрационные лагеря (Суляк 2008: 71). В то же время русины приветствовали русскую армию, а после ее отступления из Галиции многие бежали в Россию (Суляк 2006: 53).

В период революции 1917 г. и гражданской войны возникли Украинская Народная Республика, Западно-Украинская Народная Республика (далее – ЗУНР) и другие государственные образования, просуществовавшие, впрочем, крайне недолго. Гражданская война завершилась победой большевиков, и единственным украинским государственным образованием осталась Украинская Советская Социалистическая Республика (далее – УССР), а земли Австро-Венгрии, населенные украинцами, поделили между собой Польша, Чехословакия и Румыния.

Советское руководство не только постоянно расширяло границы УССР, но и немало сделало для развития украинской культуры. В 1920-е гг. в УССР, а также на Кубани, в Ставрополье, Курской и Воро-

нежской областях РСФСР, где проживало значительное количество украинцев, активно проводилась политика украинизации. Делопроизводство и обучение переводились на украинский язык, на нем издавались книги и газеты, возрастала доля украинцев в составе руководящих органов и партийных организаций (Борисёнок 2006). Лояльность к советской власти представителей украинской интеллигенции, в первую очередь деятелей науки и культуры, как правило, вознаграждалась социальными и профессиональными преференциями, но вызывала отрицательное отношение их коллег-эмигрантов. Но в конце 1930-х гг. украинизация была свернута, сторонники национальной идеи в партийном и государственном аппарате и в среде национальной интеллигенции подверглись репрессиям (Армстронг 2008: 17-18).

К тому времени оккупированная Польшей Галиция превратилась в главный центр украинского национализма. Еще в 1920-е гг. здесь возник ряд украинских организаций, исповедовавших радикальный национализм. В 1929 г. они объединились в Организацию украинских националистов (далее – ОУН), которую возглавил бывший офицер УСС Евгений Коновалец. Идейную основу программы ОУН составила теория интегрального национализма Дмитрия Донцова, проповедовавшего принципы социал-дарвинизма, расизма и вождизма. ОУН выступала в защиту интересов всего украинского населения от дискриминации, эксплуатации и репрессий со стороны польского и советского правительств. Главной целью считалось создание самостоятельного украинского государства, которое должно было включить все польские, советские, румынские и чехословацкие территории, населенные украинцами. В политическом отношении это государство представляло собой националистическую диктатуру с сильным лидером – вождем. В борьбе за реализацию данной цели признавались приемлемыми любые средства, включая террор (Татаринев 2014).

После убийства Коновальца в 1938 г. советским диверсантом Павлом Судоплатовым новым руководителем ОУН стал еще один бывший офицер УСС – Андрей Мельник. Вскоре произошел раскол на две фракции, получившие наименования по своим лидерам – Организацию украинских националистов Мельника (далее – ОУН(м)) и «революционную ОУН», или Организацию украинских националистов Степана Бандеры (далее – ОУН(б)). Мельниковцы являлись представителями старой формации украинских националистов, имевших значительное влияние среди интеллигенции и занимавших более умеренные позиции. Бандеровцы представляли радикальную молодежь и обвиняли своих старших товарищей в недостаточной решительности, а также в вождизме Мельника и в предательстве со стороны отдельных членов.

Программа ОУН(б) включала «очищение территории от враждебного элемента», включая ликвидацию «польских, московских и жидовских деятелей, особенно сторонников большевистско-московского империализма» (ОУН в 1941 2006: 93). Все национальные меньшинства делились на «лояльные нам, собственно члены все еще угнетенных народов» и «враждебные нам – москали, поляки и жидаы». Первые имели одинаковые права с украинцами, вторых следовало «уничтожать в борьбе, в частности тех, которые будут защищать режим: переселять в их земли, уничтожать, главным образом интеллигенцию, которую нельзя допускать ни в какие руководящие органы». Руководителями в государстве могли быть «только украинцы, а не чужаки-враги» (ОУН в 1941 2006: 103-104).

Негативное отношение к СССР, антикоммунизм и антисемитизм сближали оуновцев с германскими нацистами. Несмотря на взаимные обвинения, руководители обеих фракций рассчитывали на поддержку Германии в создании независимого украинского государства и активно сотрудничали с немецкими спецслужбами. Но нацистские лидеры стремились использовать украинцев в своих целях и не собирались отстаивать их интересы. Когда после раздела Чехословакии 15 марта 1939 г. была провозглашена Карпатская Украина, ее президент Августин Волошин обратился к Гитлеру с просьбой принять новое государство под охрану рейха. Однако германский консул ответил ему отказом, а на следующий день в Закарпатье вошли венгерские войска (Гай-Нижнык 2011).

Не реализовались планы украинских националистов и с началом Второй мировой войны – нападением Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Хотя германские руководители обещали находившемуся в Берлине Мельнику создание «буферного» западноукраинского государства на границе с СССР, этого так и не произошло. 17 сентября на территорию Западной Украины вступили части Красной армии, и она вошла в состав УССР. Здесь проводились коллективизация и индустриализация, а также украинизация с вытеснением польского языка украинским из всех сфер деятельности, в том числе и из образования. Однако на руководящие должности назначались не местные жители, а выходцы из восточных регионов УССР, не всегда знавшие региональную специфику. К тому же на Западной Украине начались политические репрессии (Кропачев 2012: 188-196). В 1939-1940 гг. в восточные районы СССР было выселено 1,4 млн жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, а в 1941-1951 гг. еще до 700 тыс. чел., что составило более 10 % населения (Семиряга 1991: 94). Уже накануне и в первые дни Великой Отечественной войны было расстреляно несколько тысяч местных жителей, в том числе заключенных в тюрьмах Львова, Дрогобыча, Станислава (в настоящее время

– Ивано-Франковск) и др. городов. Все это порождало недовольство значительной части населения.

В то же время в условиях предстоявшей войны с СССР нацистское руководство продолжало готовить кадры разведчиков и диверсантов из украинских националистов, тайно проходивших специальную подготовку. Первоначально с украинской стороны за это отвечал близкий к Мельнику полковник Роман Сушко. Затем инициативу перехватили бандеровцы. В начале 1941 г. в составе полка особого названия «Бранденбург-800» были созданы две дружины украинских националистов, получившие название «Нахтигаль» (с нем. – *соловей*) и «Роланд» (Чуев 2004: 335-340).

С началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. оба формирования перешли границу СССР вместе с передовыми частями вермахта. 30 июня они участвовали в захвате Львова, который сопровождался массовым истреблением еврейского населения, а также представителей польской и русинской интеллигенции. Поводом к погрому послужили обнаруженные в львовских тюрьмах сотни трупов заключенных, значительную часть которых составляли украинцы. Очевидно, что активное участие в погроме украинского населения в значительной степени было вызвано предшествовавшей антисемитской пропагандой ОУН.

В тот же день заместитель Бандеры Ярослав Стецько провел собрание «национальных представителей», получившее громкое название «Законодательное собрание западноукраинских земель». В реальности на нем присутствовало от 60 до 100 чел., включая нескольких немецких офицеров. Члены собрания приняли «Акт провозглашения украинского государства». После этого они сформировали «правительство» во главе со Стецько. Однако немецкое командование разогнало это «правительство» и арестовало Бандеру. Это вызвало недовольство членов ОУН, часть солдат покинула батальоны «Нахтигаль» и «Роланд». В конце октября 1941 г. оба формирования были сняты с фронта и передислоцированы в Германию, где на их основе создали 201-й охранный батальон.

После неудачи с «правительством» Стецько украинские националисты решили создать представительный орган, лояльный немецкой власти. Во Львове был учрежден Украинский национальный совет под председательством бывшего руководителя ЗУНР Константина Левицкого, выполнявший на оккупированной территории Западной Украины административные и культурные функции.

В ходе дальнейшего немецкого наступления вслед за передовыми частями вермахта по территории Украины следовали группы ОУН(б). В занятых немцами украинских городах и селах они создавали

органы власти в виде областных, городских, районных и сельских управ, а также организовали украинскую полицию и параллельно с ней «украинскую державную службу безопасности». В результате сеть бандеровской организации охватила практически всю территорию оккупированной Украины. Каждый провод (орган управления) состоял из различных служб – референтур. Так, референтура службы безопасности, выполнявшая функции разведки и контрразведки, имела в каждом районе свои боевые единицы – «боевики» в количестве 8-12 чел. Референтура пропаганды занималась изготовлением и распространением литературы, организацией лекций и митингов. Военная референтура выявляла офицерские кадры из числа военнопленных Красной армии для службы в создававшихся под контролем ОУН формированиях. Другие референтуры отвечали за состояние связи, мобилизационную работу, хозяйственную деятельность и т. д. (Каптелов 1991: 47).

Мельниковцы на оккупированную немцами территорию Украины прибыли со значительным опозданием. Тем не менее в острой конкуренции с бандеровцами им удалось установить свое влияние над рядом учреждений и организаций, включая редакции местных газет. В основном работа мельниковского провода ОУН обеспечивалась через группы «Просвиты» – украинской культурно-просветительской организации. Через них мельниковцы проводили националистическую агитацию, вербовали новых членов. Членами «Просвиты» могли быть, в первую очередь, лица украинской национальности, которые в прошлом подвергались репрессиям со стороны советской власти и не являлись советскими активистами.

ОУН(м) требовала «преобразования всей культурной жизни Украины в смысле его понимания независимости украинского государства». Программа преобразований включала широкий комплекс мер, в том числе издание книг и газет, создание общественных, прежде всего, молодежных организаций, клубов, национальных оркестров, из репертуара которых следовало «вычеркнуть все большевистское и русское». Оуновцы также подчеркивали: «Большевистские и русские памятники должны быть снесены», «Со всем русским в языке, жизни и обычаях следует бороться» (Київ очима 2012: 140-141). Пропагандировалось творчество только украинских деятелей культуры. В частности, были проведены юбилейные торжества в память поэта Тараса Шевченко и создателя украинской музыки Николая Лысенко (Київ очима 2012: 132-133). Националистические элементы усилились и в сфере образования. Так, восстанавливалась работа школ на украинском языке. При этом в ряде мест вообще запрещалось брать на работу «бывших учителей русской национальности»,

принимали лишь «настоящих» украинцев (Київ очима 2012: 207). Однако ОУН(б) перешла к активному уничтожению мельниковцев и их сторонников на оккупированной территории Украины. Тем даже пришлось обращаться за защитой к немцам, следствием чего стал в 1942 г. запрет ОУН(б).

Боевые успехи вермахта и быстрый захват Украины стали поводом для Гитлера окончательно отказаться от идеи «независимого украинского государства». Стецько и Бандера 15 сентября 1941 г. поместили в берлинскую тюрьму, а в январе 1942 г. перевели в концлагерь Заксенхаузен. Галиция была передана в состав Польского генерал-губернаторства, а большая часть украинских территорий вошла в состав рейхскомиссариата «Украина», который возглавил Эрих Кох. На данной территории формировался Украинский корпус самообороны, предназначенный для антипартизанской борьбы. В середине 1942 г. он насчитывал 180 тыс. солдат и офицеров, но лишь от 80 до 100 тыс. личного состава имело вооружение. Население оккупированных территорий Украины участвовало в сборе металла, одежды, обуви для потребностей вермахта. В сводке рейхскомиссариата «Украина» за январь 1942 г. сообщалось, что акция по сбору зимней одежды принесла «более чем хорошие результаты» – 273 446 шуб, полушубков, ватников, пальто (Лысенко 1998: 47).

Во второй половине 1941 г. в Полесье возникла «Полесская сечь» под командованием Тараса Боровца (Бульбы), позже переименованная в Украинскую повстанческую армию. Совместно с подразделениями вермахта бульбовцы смогли разбить и уничтожить несколько окруженных частей РККА, заслужив положительную оценку оккупационных властей, а вместе с ней финансовую и военную помощь от них. Боровцу даже было присвоено звание зондерфюрера (ОУН и УПА 2008). Но отказ признать независимость Украины и передача части районов Западной Украины Польскому генерал-губернаторству вызвали недовольство украинских националистов. Вскоре Бульба с отрядами ушел в леса, за ним последовали бандеровцы и часть мельниковцев. Они объявили своими врагами одновременно и НКВД, и СС. Тем не менее фельдмаршал Э. фон Манштейн в своих мемуарах отмечал, что украинские националисты в большинстве случаев отпускали на свободу пленных немецких военнослужащих, лишь изъяв у них оружие (Манштейн 1999: 632).

И все же противоречия между ОУН и немецким командованием усиливались. С 16 апреля 1942 г. украинские националисты стали нападать на немецкие гарнизоны, пункты военно-стратегического значения, эшелоны. Узнав об этом, советское командование попыталось договориться с ними, тем более что в Полесье под его контролем не

было сильных партизанских отрядов. Но достичь соглашения с ОУН о совместных боевых действиях так и не удалось. В 1942 г. мельниковцы сформировали несколько отрядов, которые также проводили акции против немецкой администрации.

В марте 1943 г. бандеровцы создали собственную Украинскую повстанческую армию (далее – УПА) на территориях, входивших в состав генерал-губернаторства, рейхскомиссариата «Украина» и румынской Транснистрии. Структурно УПА делилась на две группы – южную и северную. Группы состояли из «куреней», или батальонов численностью до 500 чел. «Курень» включал три стрелковые сотни по 70-80 чел. каждая, взводы тяжелых пулеметов, противотанковых пушек, штабной разведки и снабжения, санитарное отделение и отделение полевой жандармерии. Всего первоначально насчитывалось до 15 тыс. чел. Личный состав УПА делился на три основные группы: 1) командиры – как правило, члены ОУН; 2) добровольцы; 3) мобилизованные, составлявшие примерно 60 % ее общей численности (Каптелов 1991: 49-50). В состав УПА также вошла ранее созданная украинская полиция – «Щуцманшафт», насчитывавшая 72 полицейских батальона. Первым командующим УПА стал Дмитрий Клячкивский, которого в январе 1944 г. сменил бывший заместитель командира «Нахтигалья» Роман Шухевич. УПА стала быстро расти.

При формировании УПА летом – осенью 1943 г. в ее ряды включались не только украинцы, но и представители других национальностей, в основном из военнопленных РККА, оказавшихся в окружении или бежавших из лагерей для военнопленных. Но отношение к ним всегда было настороженным, в частности, из них не рекомендовалось создавать отдельных подразделений. В 1944 г. был отдан специальный приказ об уничтожении всех русских, находившихся в отрядах УПА, а затем это решение было распространено и на выходцев с Восточной Украины.

Помимо борьбы против наступавших частей РККА и советских партизан, УПА активно проводила этнические чистки – репрессии против гражданского населения, прежде всего евреев и поляков. Они стали фактической реализацией бандеровских планов по «очистке территории» от «нежелательного элемента». Наибольшую известность получила Волынская резня – массовое уничтожение польского населения на территориях генерального округа Волынь-Подолье весной-летом 1943 г. По данным различных исследователей, ее жертвами стали от 30 до 80 тыс. чел. В ходе ответных действий отрядов Армии Крайовой и подчинявшихся немцам отрядов вспомогательной полиции и жандармерии пострадало гражданское население украинских сел, погибло не менее 2-3 тыс. чел. (Ильюшин 2009). По подсчетам

польских исследователей, всего за годы Второй мировой войны украинские националисты из ОУН, а затем УПА в сотрудничестве с нацистами убили или своими действиями довели до смерти около 200 тыс. поляков из бывших восточных и юго-восточных воеводств Польши (Кулиньска 2010: 299).

Т. Боровец еще в 1942 г. заговорил о необходимости создания единого народного фронта, включавшего все основные националистические течения, существовавшие на Украине, для борьбы против немцев и большевиков. Конечной целью борьбы бульбовцы считали создание Украинской народной демократической республики. После присоединения к ним мельниковцев Украинская повстанческая армия Бульбы была переименована в Украинскую народную революционную армию (в том числе, чтобы отличаться от бандеровской УПА). Над УНРА был создан политический совет, в состав которого вошли представители Украинской народной демократической партии, Союза коммунистов-самостийников и мельниковского проводора ОУН. Но часть отрядов УНРА была разоружена УПА, а их командиры уничтожены. В связи с успешным продвижением РККА Бульба 5 октября 1943 г. распорядился не оказывать сопротивления советским войскам (Каптелов 1991: 56). В ноябре 1943 г. он отправился на переговоры с немецкими властями, а после их неудачного завершения был помещен в специальный политический барак концлагеря Заксенхаузен, где находилось руководство ОУН(б), а с марта 1944 г. и руководство ОУН(м).

Ранее, в марте 1943 г., немецкое командование при поддержке мельниковцев приступило к формированию полицейского полка «Галиция», позже ставшего дивизией. В добровольцы записалось около 70 тыс. чел. – этого оказалось достаточно для создания дивизии, а также формирования еще пять полицейских полков для охраны концлагерей. Один из таких украинских полков охранял Бухенвальд, а несколько украинских рот несли охрану Освенцима. Около 350 офицеров-добровольцев и 2 тыс. офицеров-нестроевиков было отправлено на учебу в Германию (Уильямсон 1999: 220).

В первой декаде июля 1944 г. дивизия была брошена на фронт под Бродами в составе 13-го армейского корпуса. Но в ходе первых ожесточенных боев попала в окружение. Из 14 тыс. чел. личного состава спаслось не более 3 тыс., однако, благодаря большому количеству новых добровольцев, дивизия была быстро доукомплектована. В конце сентября 1944 г. один из ее полков был переброшен на подавление Словацкого восстания, а в октябре в Словакию отправились и оставшиеся части и подразделения. С 12 ноября 1944 г. дивизия получила новое название – 14-я гренадерская дивизия СС. В январе

1945 г. дивизия была передислоцирована в Северную Югославию для ведения антипартизанской борьбы (Smigel 2013).

12 марта 1945 г. Министерством по делам восточных оккупированных областей Третьего рейха был организован Украинский национальный комитет, и стала формироваться Украинская национальная армия (УНА). В ее состав была передана дивизия «Галичина», по настоянию Бандеры переименованная в 1-ю украинскую дивизию, командование которой принял генерал-поручик Павел Шандрук. Он же стал руководителем комитета и командующим УНА. В дивизии были введены национальные украинские символы – гимн и флаг, присяга принималась по-украински и на верность Украине. В окрестностях Берлина спешно формировалась 2-я украинская дивизия из украинцев-восточников (Квицинский 1999: 222–223). В конце войны УНА включала и другие части, насчитывая в целом более 22 тыс. чел. Всего же в рядах немецкой армии на Восточном фронте находилось более 200 тыс. украинцев (Семиряга 2000: 493).

С ухудшением положения на фронтах, особенно после поражений под Сталинградом и Курском, немецкое командование само стало искать контактов с оуновцами. В 1944 г. им были достигнуты договоренности с ОУН о взаимопомощи. Во время отступления вермахта с Украины для руководства оуновскими отрядами в тылу были оставлены немецкие агенты и воинское имущество. Так, только в марте 1944 г. немцами было передано около 20 тыс. единиц вооружения, в том числе 800 винтовок, 200 автоматов, 50 пулеметов. Поддержка оказывалась и по воздуху по запросам командиров отрядов УПА. Например, представителю ОУН(б) на Волини Климу Савуру было сброшено самолетами 500 автоматов и 200 комплектов обмундирования (Семиряга 2000: 784).

Повстанческие отряды УПА в основном представляли собой войсковые группы численностью до двух рот, т. е. до 400 чел., имевших на вооружении автоматы, пулеметы и минометы. В лесах и отдельных населенных пунктах они создавали настоящие оборонительные сооружения, включая окопы, блиндажи, землянки, ходы сообщения, с запасами продовольствия и боеприпасов, пополнявшиеся за счет местного населения и нападений на подразделения и обозы Красной армии. На освобожденной советскими войсками территории Украины бандеровские и бульбовские отряды осуществляли настоящий террор против милиционеров, сотрудников органов власти и управления, председателей колхозов, коммунистов и комсомольцев, советских активистов, а также всех сочувствующих советской власти или не оказывавших им поддержки. Они жгли мосты, разрушали железнодорожные пути, совершали налеты на сельские советы, уничтожали

линии телеграфной связи. 29 февраля 1944 г. в перестрелке с повстанческим отрядом УПА погиб командующий 1-го Украинского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин (Соколов 2000: 436).

Осенью 1944 г. отряды УПА пополнили военнослужащие разбитой под Бродами дивизии «Галичина». Для защиты мирного населения и транспортных коммуникаций советскому командованию пришлось снять с фронта боевые соединения и направить их на Волинь и в Галицию. Была также усилена разъяснительная работа с населением, сделаны попытки убедить оуновцев сложить оружие. Бандеровские отряды действовали и на территории Польши, осуществляя грабежи населения, террор против военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, распространяя антисоветские листовки. Однако размах повстанческого движения здесь был заметно слабее. Всего в 1944-1945 гг. в столкновениях с советскими войсками УПА потеряла убитыми порядка 72 тыс. бойцов (Семиряга 2000: 105).

С окончанием Второй мировой войны украинские националисты не прекратили боевых действий. Повстанческое движение охватило Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области Западной Украины. В ликвидации националистического подполья немалую роль сыграли истребительные батальоны и отряды самообороны, созданные из местных жителей. В июне 1950 г. в бою с истребительным батальоном погиб командующий УПА генерал-хорунжий Р. Шухевич. Его сменил Василий Кук (псевдоним – полковник Коваль). Столкновения УПА с частями НКВД продолжались до 1952 г. По официальным данным, от террора ОУН и в борьбе против нее погибли не менее 60 тыс. советских граждан. Среди них 30 секретарей райкомов партии, 32 председателя и заместителя председателей райисполкомов, 37 секретарей обкомов и райкомов комсомола, сотни депутатов областных, районных и местных советов, 50 православных священников, а также свыше 30 тыс. других активистов. В боях с УПА также погибли 25 тыс. военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов (Семиряга 1991: 93).

В конечном счете справиться с националистическим подпольем удалось только при помощи местного населения (Шелюг 2006). С августа 1944 по 1950 г. на Западной Украине органами НКВД было убито, пленено и задержано более 250 тыс. чел., из них убито 55 тыс. чел. (Семиряга 1991: 92). Для полной ликвидации влияния оуновцев на Западной Украине советские власти решили ликвидировать его главных руководителей, находившихся за рубежом. В Германии в 1957 г. был убит один из руководителей ОУН Лев Ребет, а в 1959 г. – Степан Бандера. В то же время в годы «оттепели» преследования бывших членов ОУН в СССР практически прекратились. Последний

командующий УПА Кук после 6-летнего заключения был освобожден и получил возможность заняться научной работой в Киеве.

Таким образом, украинский национализм в своей основе представлял общественно-политическое движение, направленное на выражение, защиту и реализацию интересов украинского народа. Главным средством решения указанных задач выступало создание украинского национального государства. В то же время борьба за его создание началась в условиях незавершенности процессов формирования украинской нации. Следует отметить и достаточно позднее возникновение политических организаций, претендовавших на выражение национальных интересов (Армстронг 2008: 5), а также их локализацию, в основном, на Западной Украине, прежде всего в Галиции, в течение длительного времени входившей в состав Польши и Австро-Венгрии, что способствовало утверждению там антироссийских представлений.

К началу Второй мировой войны ведущие позиции в украинском национальном движении прочно заняла ОУН, хотя в ней самой сохранялись различные направления, общим для которых оставались антикоммунизм, русофобия и антисемитизм, усиливавшиеся под влиянием тесного сотрудничества с германскими нацистами. В результате наибольшее распространение получили праворадикальные, наиболее агрессивные проявления украинского национализма, сопровождавшиеся крайними формами дискриминации представителей других национальностей, вплоть до их физического уничтожения: русских, евреев, поляков. Политическая программа ОУН, особенно ее бандеровского крыла, в данном вопросе мало чем отличалась от программ других праворадикальных и фашистских партий.

Эти программные положения и их реализация далеко не у всех жителей Украины находили поддержку, что отмечали даже оккупанты. Так, в донесении начальника полиции безопасности и СД в Киеве о ситуации в Киевском генеральном округе в феврале 1942 г. говорилось: «Широкие круги украинского населения категорически отклоняют большевистскую систему, но в то же время не увлекаются украинскими националистическими стремлениями и не следуют за крайним национализмом» (Київ очима 2012: 115). Эмигранты прибыли с «обширными фантастическими планами», стремясь повернуть «в обратную сторону колесо истории» и не желая признавать «изменений в характере украинского народа» за годы советской власти (Київ очима 2012: 116).

Оуновцы стремились распространить свое влияние на всю территорию Украины и даже районы РСФСР, населенные украинцами. Но на Востоке Украины их идеи не находили широкой социальной под-

держки, как и на Закарпатской Украине. В письме первого секретаря ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущёва первому заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову о положении на Западной Украине 12 ноября 1945 г. отмечалось: «В Закарпатской Украине почти нет бандитских проявлений. Украино-немецкие националисты пытались послать сюда свои отряды и своих агентов из Станиславской и Дрогобычской областей, но они не имели здесь успеха и были быстро уничтожены, а несколько бандитов были выловлены местными крестьянами и сданы органами власти» (ЦК ВКП(б) 2009: 1002).

В основном националистическая идеология находила сторонников среди крестьянства западноукраинских сел, а также национальной интеллигенции, особенно учителей (ЦК ВКП(б) 2009: 872). Немало молодежи попало под влияние ОУН, во многом благодаря умелой организации националистической пропаганды, в частности обращению к героическим и трагическим событиям истории украинского народа, особенно казачества. Широко распространялись и различные провокационные слухи, например о том, что «всех крестьян скоро будут насильно загонять в колхозы, отбирать у них все имущество, а детей старше 8 лет угонять на восток» (ЦК ВКП(б) 2009: 871-872). Свою роль сыграли ошибки и недостатки в работе партийных и советских инстанций, выражавшиеся в грубом администрировании, не всегда оправданных жестких мерах по отношению к населению, пассивности в организации пропаганды. Часть партийных работников считала, что «тут нужно пока ружьем да дубьем действовать». У других сложилось прямое недоверие ко всем местным жителям: «Тут все националисты, только одни открытые, а другие скрытые» (ЦК ВКП(б) 2009: 875).

Тем не менее постепенно советскому руководству удалось взять ситуацию под контроль. В докладной записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову 19 сентября 1944 г. отмечалось: «В настоящее время большинство населения западных областей УССР поддерживает советскую власть, благодарно Красной армии за освобождение от немецко-фашистских захватчиков, охотно выполняет все государственные задания, идет навстречу патриотическим начинаниям (сбор средств на танковую колонну и т.д.). Но наряду с этим известная часть населения продолжает поддерживать националистов и настроена враждебно к советской власти. Есть также значительная часть населения, которая запугана террором националистических банд и боится проявить свои симпатии к советской власти, ожидает ликвидации националистических банд» (ЦК ВКП(б) 2009: 872).

Действительно, неудачи в развитии оуновского движения привели к тому, что ненависть с «чужих» стала переноситься и на представите-

лей своей национальности, если они не являлись сторонниками того или иного течения в ОУН. Жестокий террор применялся в отношении жителей не только восточных, но и западных областей Украины – коммунистов и комсомольцев, партийных работников и советских активистов. В свою очередь подавление оуновского движения сопровождалось массовыми репрессиями органов государственной безопасности. В результате события Второй мировой войны и ее последствия стали серьезной травмой для многих жителей Украины, что отразилось и на развитии современного украинского кризиса.

* Статья подготовлена при поддержке РФФ в рамках исследовательского проекта № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

ЛИТЕРАТУРА

Армстронг 2008 - *Армстронг Дж.* Украинский национализм. Факты и исследования / Пер. с англ. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2008. 368 с.

Борисёнок 2006 - *Борисёнок Е.* Феномен советской украинизации. 1920-1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.

Гай-Ныжнык 2011 - *Гай-Ныжнык П.П.* Карпатская Украина в 1939 году как одна из «разменных монет» Мюнхенского договора // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939-1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетей, 2011. С. 25-42.

Ільющин 2009 - *Ільющин І.* Українська Повстанська Армія і Армія Крайова: Протистояння в Західній Україні (1939-1945 рр.). Київ: Києво-Могилянська академія, 2009. 399 с.

Каптелов 1991 - *Каптелов Б.И.* ОУН на службе у фашизма // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 45-57.

Каширин 2010 - *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка: неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М.: Издательский дом «Регнум», 2010. 388 с.

Квицинский 1999 - *Квицинский Ю.А.* Генерал Власов: путь предательства. М.: Современник, 1999. 320 с.

Київ очима 2012 - *Київ очима ворога: дослідження, документи, свідчення.* Київ: НАН України. Інститут історії України; Меморіальний комплекс «Національний музей історії Великої Вітчизняної війни 1941-1945 років», 2012. 504 с.

Кропачев 2012 - *Кропачев С.А., Кринко Е.Ф.* Потери населения СССР в 1937-1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.

Кулиньска 2010 - *Кулиньска Л.* Геноцид, совершенный украинскими националистами по отношению к польским гражданам во время Второй мировой войны // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида

на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 года). М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 299-304.

Лысенко 1998 - *Лысенко А.Е.* Религия и церковь на Украине накануне и в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 42-57.

Манштейн 1999 – *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 1999. 896 с.

Матишов 2014а - *Матишов Г.Г.* Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 224 с.

Матишов 2014б – *Матишов Г.Г.* Украина: геостратегический разворот (уроки истории – от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 384 с.

ОУН в 1941 2006 - ОУН в 1941 році: документи. В 2 ч. / Відп. ред. С.В. Кульчицький. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2006. 336 с.

ОУН и УПА 2008 - ОУН и УПА в 1943 році. Документи / Відп. ред. С.В. Кульчицький. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2008. 347 с.

Семиряга 1991 - *Семиряга М.И.* Предатель? Освободитель? Жертва? // Родина. 1991. № 6-7. С. 92-94.

Семиряга 2000 - *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

Соколов 2000 - *Соколов Б.* Неизвестный Жуков: портрет без ратуши в зеркале эпохи. Минск: Родина-плюс, 2000. 608 с.

Суляк 2006 - *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. Международный исторический журнал. 2006. № 1 (3). С. 46-65.

Суляк 2008 - *Суляк С.Г.* Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. Международный исторический журнал. 2008. № 3-4 (13-14). С. 69-75.

Татаринов 2014 - *Татаринов И.Е.* Украинская государственность в документах украинских националистов (1929–1943 гг.) // Украинский кризис: предпосылки, формы и проявления: материалы круглого стола (1 октября 2014 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 228-243.

Уильямсон 1999 - *Уильямсон Г.* СС – инструмент террора. Смоленск: Русич, 1999. 416 с.

ЦК ВКП(б) 2009 - ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933-1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.

Чуев 2004 - *Чуев С.* Проклятые солдаты. М.: Яуза; Эксмо, 2004. 576 с.

Шелюг 2006 - *Шелюг М.П.* Участие населения западных областей Украины в разгроме бандеровщины // Без права на реабилитацию. Сборник публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов. В 2 кн. 2-е изд., испр. и доп. Киев: Киевское историческое общество, 2006. Кн. 2. С. 28-38.

Smigel 2013 - *Smigel M., Cherkasov A.* The 14th Waffen-Grenadier-Division of the SS "Galizien Nr. 1" in Slovakia (1944–1945) // Battles and Repressions Bylye Gody. 2013. № 28 (2). Pp. 61-72.

REFERENCES

Armstrong, J. (2008) *Ukrainskiy natsionalizm. Fakty i issledovaniya* [Ukrainian nationalism. The facts and research]. Translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf [In Russian].

Borisenok, E. (2006) *Fenomen sovetskoj ukrainizatsii. 1920-1930-e gody* [The phenomenon of Soviet ukrainization: 1920–1930s]. Moscow: Evropa [In Russian].

Gay-Nyzhnyk, P.P. (2011) *Karpat'skaya Ukraina v 1939 godu kak odna iz "razmennyykh monet" Myunkhenskogo dogovora* [Carpatho-Ukraine in 1939 among "collateral damages" to the Munich Agreement]. In: Petrovskaya, O. V. & Borisenok, E. Yu. (eds.) *Zapadnaya Belorussiya i Zapadnaya Ukraina v 1939-1941 gg.: lyudi, sobytiya, dokumenty* [Western Belarus and Western Ukraine in 1939–1941: People, events, documents]. St. Petersburg: Aleteyya [In Russian].

Ilyushin, I. (2010) [Nazi policies and practices with respect to the Ukrainian and Polish peoples within their cohabitation in 1939-1944]. *Voyna na unichtozhenie. Natsistskaya politika genotsida na territorii Vostochnoy Evropy* [The war of annihilation. Nazi policy of genocide in Eastern Europe]. Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow. 26th to 28th of April. Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat" [In Russian].

Ilyushin, I. (2009) *Ukrains'ka Povstans'ka Armiya i Armiya Krayova: Protistoyannya v Zakhidniy Ukraini (1939-1945 rr.)* [Ukrainian Insurgent Army and the National Army: Conquest in Western Ukraine (1939-1945)]. Kiiv: Kyiv-Mohila Academy [In Russian].

Kaptelov, B.I. (1991) OUN na sluzhbe u fashizma [The OUN serving fascism]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. 5 [In Russian].

Kashirin, V.B. (2010) *Vzyatie gory Makovka: Neizvestnaya pobeda russkikh voysk vesnoy 1915 goda* [The capture of Mount Makovka: An unknown victory of Russian troops in the spring of 1915]. Moscow: Regnum [In Russian].

Kvitsinskiy, Yu.A. (1999) *General Vlasov: put' predatel'stva* [General Vlasov: the path of treachery]. Moscow: Sovremennik [In Russian].

Kulin'ska, L. (2010) Genotsid, sovershennyi ukrainskimi natsionalistami po otnosheniyu k pol'skim grazhdanam vo vremya Vtoroy mirovoy voyny [The genocide committed by Ukrainian nationalists against Polish citizens during World War II]. *Voyna na unichtozhenie. Natsistskaya politika genotsida na territorii Vostochnoy Evropy* [The War of Annihilation. The Nazi policy of genocide across Eastern Europe]. Proc. of the International Scholarly Conference. Moscow. 26th to 28th April. Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat" [In Russian].

Lysenko, A.E. (1998) *Religiya i tserkov' na Ukraine nakanune i v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Religion and church in Ukraine on the eve of and during World War II]. *Voprosy istorii*. 4 [In Russian].

Manstein, E. (1999) *Uteryannye pobedy* [Lost victories]. Translated from German by S. pereslegin. Moscow; St. Petersburg: ACT; Terra Fantastica [In Russian].

Matishov, G.G. (2014) *Ukraina i Rossiya: kniga illyustratsiy vzaimootnosheniy i istorii (obstoyatel'stva, riski, tendentsii)* [Ukraine and Russia: a book of illustrations and stories of relationships (facts, risks, trends)]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences [In Russian].

Matishov, G.G. (2014) *Ukraina: geostrategicheskii razvorot (uroki istorii – ot El'by 1945 g. do Mius-fronta 2014 g.)* [Ukraine: A geostrategic turnabout (lessons of history – from the Elbe in 1945 to the Mius-Front in 2014)]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences [In Russian].

Kulchitskiy, S.V. (2006) *OUN v 1941 rotsi: dokumenti* [OUN in 1941: documents]. Kiiv: Institute for History, NAS of Ukraine [In Russian].

Kulchitskiy, S.V. (2008) *OUN i UPA v 1943 rotsi. Dokumenti* [OUN and UPA in 1943. Documents]. Kiiv: Institute for History, NAS of Ukraine [In Russian].

Semiryaga, M.I. (1991) Predatel'? Osvoboditel'? Zhertva? [A Traitor? A Liberator? A Victim?]. *Rodina*. 6-7 [In Russian].

Semiryaga, M.I. (2000) *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Collaborationism: Its nature, typology, and manifestations during World War II]. Moscow: ROSSPEN [In Russian].

Sokolov, B. (2000) *Neizvestnyy Zhukov: portret bez ratushi v zerkale epokhi* [The unknown Zhukov: An unretouched portrait in the mirror of the epoch]. Minsk: Rodiola-plyus [In Russian].

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [The Rusins during the First World War and the Russian Troubles]. *Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal – Rusin. International Journal of History*. 1 (3) [In Russian].

Sulyak, S.G. (2008) Talergof i Terezin: zabytyy genotsid [Talerhof and Terezin: the forgotten genocide]. *Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal – Rusin. International Journal of History*. № 3-4 (13-14) [In Russian].

Tatarinov, I.E. (2014) [Ukrainian statehood in the documents of Ukrainian Nationalists (1929-1943)]. *Ukrainskiy krizis: predposylki, formy i proyavleniya* [Ukrainian crisis: background, forms and manifestations]. Proc. of the Round Table Discussion. Rostov-on-Don. 1st October. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences. pp. 228-243 [In Russian].

Williamson, G. (1999) *SS – instrument terrora* [The SS: An instrument of terror]. Translated from English by A. Bushuev, I. Sokolov. Smolensk: Rusich [In Russian].

Gategova, L.S., Kosheleva, L. & Rogovaya, L.A. (2009) *TsK VKP(b) i natsional'nyy vopros. 1933–1945* [CPSU (b) and the national question. 1933–1945]. Moscow: ROSSPEN [In Russian].

Chuev, S. (2004) *Proklyatye soldaty* [Cursed soldiers]. Moscow: Yauza; Eksmo [In Russian].

Shelyug, M.P. *Uchastie naseleniya zapadnykh oblastey Ukrainy v razgrome banderovshchiny* [Participation of the population in West Ukraine in the fight against Bandera]. In: Voytsekhovskiy, A.A. & Dygas, Zh.T. [eds.] *Bez prava na reabilitatsiyu* [Without the right to rehabilitation]. Kiev: Kiev Historical Society. Book 2 [In Russian].

Smigel, M. & Cherkasov, A. (2013) The 14th Waffen-Grenadier-Division of the SS "Galizien Nr. 1" in Slovakia (1944–1945). *Bylye Gody – Foretimes. Russian Historical Magazine*. 28 (2) [In English].

Черкасов Александр Арвелодович – доктор исторических наук, заведующий лаборатории мировых цивилизаций Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований, главный редактор российского исторического журнала «Былые годы», Сочи, Российская Федерация

Cherkasov Aleksandr - Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of world civilizations International Network Center for Fundamental and Applied Research, chief editor of the Russian historical journal "Bylye gody", Sochi, Russian Federation.

E-mail: sochi003@rambler.ru

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований, главный редактор журнала «Русский архив», Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Krinko Evgeny – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director for Research of the Institute of Social-Economic Research and Humanities, Chief Editor of journal "Russkii arkhiv", Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: krinko@mail.ru

Шмигель Михал – доктор истории, заместитель декана по научной работе философского факультета университета Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия.

Smigel Mikhal – Doctor of History, Deputy Dean for Research Faculty of Philosophy of the Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.

E-mail: michal.smigel@umb.sk

УДК 94(477.8)"1944/1950":338.246.88

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/8

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ НА ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ (1944-1950 гг.)

В.Н. Король

Сумский государственный университет
Украина, 40007, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2
E-mail: zholud@yandex.ua

Авторское резюме

Статья посвящена изучению процесса восстановления и функционирования учреждений системы трудовых резервов на Западной Украине в 1944-1950 гг. Исследование базируется на материалах Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. Система государственных трудовых резервов выполняла задачу обеспечения стратегических отраслей экономики молодыми рабочими кадрами. В 1944 г. в западных областях Украинской ССР была восстановлена сеть учебных заведений данной структуры. Их количество постепенно росло и в послевоенное время достигло более 70 единиц. Сеть включала ремесленные, железнодорожные, художественные и специальные ремесленные училища, а также школы фабрично-заводского обучения. Восстановление и эффективная деятельность учебных заведений трудовых резервов тормозились острой нехваткой различных составляющих материальной базы (здания, стройматериалы, техническое оборудование, инструменты) и проблемами с персоналом (низкий уровень образования и квалификации, текучесть кадров). Сеть учреждений трудовых резервов в западных областях Украины была намного менее развита, нежели в восточных, где были сосредоточены главные производственные мощности УССР. Поэтому Западная Украина использовалась системой государственных трудовых ресурсов как донор молодежи для школ ФЗО Донбасса.

Ключевые слова: Западная Украина, восстановление экономики, трудовые резервы, профессионально-техническое образование, ремесленные училища, школы ФЗО, мобилизация молодежи.

Activities of the labour reserves system in Western Ukraine during the period of economy recovery (1944-1950)

V.N. Korol

Sumy State University
2 Rimsкого-Korsakova str., Sumy, 40007, Ukraine
E-mail: zholud@yandex.ua

Abstract

The article deals with the process of recovery and functioning of Labour Reserves institutions in Western Ukraine during 1944-1950. The research is based on materials from the Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine. The Labour Reserves system performed the task of ensuring the strategic sectors of the economy by young workers. Recover of educational institutions of that state structure began in Western Ukraine after its release from the German occupation in 1944. The network of institutions included some types of vocational schools as well as factory training schools. In the postwar period, their total number has reached more than 70 units. Restoration and effective operation of schools was inhibited by the acute shortage of the various components of the material base (buildings, construction materials, technical equipment, and instruments) and personnel problems (low level of education and qualifications, staff turnover). Network of Labour Reserves institutions in the western regions of Ukraine was much less developed than in the eastern, where the main production capacity of the Ukrainian SSR was focused. Therefore, Western Ukraine was used as a youth donor for factory training schools of Donbas.

Keywords: Western Ukraine, economy recovery, Labour Reserves, vocational technical education, vocational schools, factory training schools, youth mobilization.

В наши дни, когда в Восточной Европе вновь запахло порохом и слышен лязг оружия, необходимо помнить, как тяжело дается возврат к мирной жизни после завершения боевых действий. В этом отношении особенно актуальны исследования социально-экономических процессов во время восстановления народного хозяйства Украины в послеоккупационный период.

Освобождение УССР от немецких захватчиков происходило на протяжении 1943-1944 гг. Вызволённые населённые пункты лежали в руинах. В результате боевых действий и целенаправленного уничтожения большинство объектов промышленности, сельского

хозяйства, транспорта и инфраструктуры было разрушено. Восстановление экономики, кроме материальных средств, остро нуждалось еще и в рабочих руках. Массовая мобилизация в вооруженные силы и огромные людские потери в ходе войны привели к дефициту квалифицированных кадров.

Задача воспитания нового поколения рабочих была возложена на систему государственных трудовых резервов (ГТР). Эта централизованная структура, созданная в СССР еще осенью 1940 г., занималась мобилизацией молодежи, ее профессионально-техническим обучением и распределением в масштабах всей страны.

Основной массив работ по истории системы трудовых резервов был создан в советское время. Наиболее важные публикации данного периода принадлежат Ф.А. Блинчевскому, А.Н. Веселову, Г.И. Зеленко, Э.С. Котляру, Г.И. Терещенко. Несмотря на их значительную ценность, они во многом являются тенденциозными, поскольку авторы находились под диктатом официальной коммунистической идеологии и вынуждены были отображать точку зрения власти на исторические процессы.

Современная украинская историография вопроса представлена исследованиями О.А. Бомбандёровой, М.К. Лободы, А.В. Селецкого, Л.М. Хойнацкой. Однако основное внимание историков всегда было обращено на изучение развития системы ГТР в мощных промышленных районах Донбасса и Приднепровья. К сожалению, до сих пор отдельных публикаций, непосредственно посвященных деятельности трудовых резервов на Западной Украине, за исключением статьи В.В. Мишанин в журнале «Русин», практически нет. Поэтому есть необходимость заполнить существующие пробелы.

Цель настоящей работы – исследовать особенности функционирования сети учебных заведений трудовых резервов в западных областях УССР в 1944-1950 гг., проанализировать проблемы их материальной базы и обеспечения административно-педагогическим персоналом, охарактеризовать ученический контингент, а также дать оценку мобилизации западноукраинской молодежи в школы системы ГТР Донбасса.

Сеть учебных заведений трудрезервов на Западной Украине была воссоздана осенью 1944 г. одновременно с началом восстановительных работ после изгнания немцев и их союзников из данного региона. К концу 1945 г. здесь действовало около 50 учебных заведений, подчиненных созданным на местах управлениям ГТР областного уровня с центрами в Дрогобыче, Львове, Ровно и Черновцах (ЦДАВО 2: 2).

Первоначально эта сеть включала заведения трех типов: школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленные училища (РУ) и

железнодорожные училища (ЖУ). Самый низкий уровень профессионально-технической подготовки давали школы ФЗО, срок обучения в которых, как правило, ограничивался 6 месяцами. Высококвалифицированных рабочих технически сложных профессий готовили ремесленные училища. Также существовал их отраслевой аналог для железной дороги – железнодорожные училища, которых на послевоенной Западной Украине насчитывалось 8 (ЦДАВО 3: 101). Срок обучения в РУ и ЖУ составлял 2 года.

В 1946-1947 гг. среди заведений системы ГТР Западной Украины появились художественные ремесленные училища (ХудРУ) и специальные ремесленные училища (СпецРУ). ХудРУ с 3-летним сроком подготовки обучали специалистов по декоративной отделке архитектурных объектов. СпецРУ как отдельный вид учебных заведений были созданы во время войны на территориях, освобожденных от немецкой оккупации, для обучения детей-сирот, чьи родители погибли в борьбе с захватчиками. За 4 года пребывания в училище подростки получали не только рабочую квалификацию, но и среднее образование в объеме 7-летней школы, что не было характерным для остальных учебных заведений трудовых резервов (Терещенко 1974: 73).

В западноукраинских областях действовали два ХудРУ – во Львове (Подцерковный 1947: 5) и Черновцах (ЦДАВО 5: 1), по одному СпецРУ – в Дрогобычской и Черновицкой областях (ЦДАВО 3: 101).

Учебные заведения системы ГТР наполнялись как добровольцами, так и принудительно призванной молодежью. Особенностью пребывания в трудовых резервах было присвоение статуса мобилизованных всем учащимся (и добровольцам, и призванным). Самовольный уход и прекращение учебы, а также нарушение дисциплины, повлекшее за собой исключение из школы или училища, расценивались как уголовное преступление и наказывались заключением в местах лишения свободы сроком до 1 года (Справочник 1946: 105).

Возрастные и образовательные требования для подростков, привлекавшихся в разные виды учреждений системы ГТР, отличались. В школы ФЗО попадала молодежь обоих полов возрастом 16-18 лет (Сборник законов 1956: 372). Здесь даже элементарный уровень грамотности был необязательным. Как правило, большинство школ ФЗО в рассматриваемый период комплектовалось за счет принудительных призывов.

В ремесленные и железнодорожные училища принимали юношей 14-17 и девушек 15-16 лет (Сборник законов 1956: 372). Обязательное условие для прибывших – наличие начального или неполного среднего образования. Для художественных ремесленных училищ

характерным было еще и проведение вступительного экзамена по рисованию с целью выявить творческие способности. Если школы ФЗО были непопулярны, то училища имели довольно высокую престижность. Их ученический контингент составляли добровольцы, большинство из которых принадлежали к городской молодежи.

Специальные ремесленные училища принимали воспитанников с 12-летнего возраста. Законом для учащихся этих заведений устанавливалось улучшенное материальное обеспечение. Для определения сирот в СпецРУ в каждой области создавалась отдельная комиссия во главе с секретарем обкома партии (Решения партии 1968: 165-168).

Пика своего развития система трудовых резервов на Западной Украине достигла в конце 1947 – начале 1948 г. Именно поэтому мы уделим показателям данного периода особое внимание. В это время в 8 областях региона (по административному делению того времени) в 44 школах ФЗО обучалось 7,1 тыс., а в 28 училищах всех видов – 6,8 тыс. учащихся (табл. 1).

Таблица 1

**Сеть учебных заведений системы ГТР Западной Украины
на 1 января 1948 г. (ЦДАВО 3: 104-105)**

Область	Школы ФЗО			Училища всех типов		
	Кол-во заведений	Контингент учащихся		Кол-во заведений	Контингент учащихся	
		План	По факту		План	По факту
Волынская	4	565	530	-	-	-
Дрогобычская	10	1 800	1 747	6	1 150	1 006
Закарпатская	1	100	100	2	300	300
Львовская	13	2 140	2 119	9	2 885	2 774
Ровенская	5	1 000	859	3	550	528
Станиславская	6	1 000	950	2	550	618
Тернопольская	1	165	157	1	200	203
Черновицкая	4	650	643	5	1 375	1 367
ВСЕГО	44	7 420	7 105	28	7 010	6 796

В ходе оптимизации и сокращения структуры трудовых резервов в 1948-1949 гг. в западном регионе остались лишь Дрогобычское и Львовское управления трудовых резервов со статусом межобластных (ЦДАВО 7: 124, 127). В подчинении у них находились учебные заведения, расположенные в соседних областях.

Каждая школа ФЗО или училище открывались на базе конкретного предприятия, на котором учащиеся проходили производственную практику. Профилем базового предприятия и определялась специа-

лизация учебного заведения. Соответственно существовали школы ФЗО и РУ металлостроителей, краснодеревщиков и др.

Расположение в регионе нефтегазоносных месторождений обуславливало сосредоточение в нем абсолютного большинства заведений трудовых резервов нефтепромышленного профиля всей Украинской ССР. Так, в Дрогобычской области их было 5. Заметим, что бориславская школа ФЗО № 3 силами учащихся и учебного персонала самостоятельно даже добывала нефть в промышленных масштабах, обслуживая две нефтяные вышки (ЦДАВО 4: 86).

Изначально система государственных трудовых резервов СССР создавалась для обеспечения кадрами стратегических отраслей промышленности и транспорта. Однако доминирование аграрного сектора экономики на Западной Украине вследствие колониальной экономической политики государств, владевших данными территориями до Второй мировой войны, было причиной того, что часть местных заведений системы ГТР имело сельскохозяйственную специализацию.

После завершения подготовки часть бывших учеников пополняли коллективы базовых предприятий, а остальных отправляли на другие объекты той же отрасли. По закону выпускники-«трудрезервники» по направлению были обязаны отработать 4 года (Сборник законов 1956: 372).

Материальная база школ ФЗО и училищ, действовавших в западных областях УССР до июня 1941 г., во время войны была практически полностью утрачена. Для созданных вновь учебных заведений вместо разрушенных строений подыскивались уцелевшие помещения, которые можно было быстро отремонтировать и переоборудовать. Учитывая общее критическое состояние экономики и первоочередные потребности обороноспособности страны, государство пыталось сэкономить на системе ГТР и провести ее восстановление при минимальных капиталовложениях.

По титульным спискам, составленным областными управлениями в 1945 г., на капитальный ремонт учебно-производственных и жилых зданий сети учреждений трудовых резервов в Украинской ССР было необходимо около 27 млн руб. А Главное управление трудовых резервов при СНК СССР ассигновало лишь 9,7 млн, т.е. немногим более трети (ЦДАВО 2: 62).

На местах это отразилось дефицитом стройматериалов, вынужденным поиском временных заменителей им, импровизацией во время ремонтных работ, широким использованием бесплатного, но малоквалифицированного труда учащихся и персонала самих заведений. Это приводило к сокращению масштабов работ и снижению качества их выполнения. Строительство новых корпусов задерживалось. Поэтому

наблюдалась большая нехватка учебных помещений, мастерских и общежитий для учащихся.

Согласно используемым тогда понятиям в школах ФЗО и училищах различалось два типа помещений для теоретического обучения: аудитории и специализированные учебные кабинеты. Аудитории, по сути, были обычными классными комнатами. А вот учебные кабинеты по каждому предмету создавались для лучшего усвоения материала учащимися в условиях недостатка учебников. В них размещались собственноручно сделанные наглядные пособия, стенды, модели, образцы инструментов и материалов. Специальные учебные кабинеты создавались путем оснащения простых аудиторий.

Но если заведениям Львовского облуправления трудовых резервов было необходимо 40 учебных кабинетов, то в начале 1945 г. в наличии было лишь 7. К концу того же года этот показатель за счет дооборудования остальных помещений удалось довести до 28 (ЦДАВО 2: 19). Ресурса для дальнейшего роста их количества уже не было. Аналогичная картина складывалась и в соседних областях.

Что касается общежитий для «трудрезервников», то в 1945 г. средняя площадь на одного проживающего в них составляла от 3,5 м² в Черновицкой и Львовской областях до 4 м² – в Дрогобычской. В то же время в среднем по Украине этот показатель составлял 3,8 м² (ЦДАВО 2: 61).

В 1946-1947 гг. наблюдалось несоответствие темпов роста численности учащихся, с одной стороны, и строительства новых общежитий – с другой. Средняя площадь на одного проживающего в заведениях системы ГТР по УССР упала до 3,4-3,7 м². В Черновицкой же области на одного ученика приходилось лишь 2,5 м² (ЦДАВО 3: 66-67). Подчеркнем, что для нормальных условий проживания этот показатель должен был составлять 6 м².

В этой ситуации ключевую роль начали играть базовые предприятия, которые или по собственной инициативе, или под давлением местных государственных и партийных органов предоставляли помощь своим «кузницам кадров»: давали стройматериалы, отправляли кадровых рабочих на строительные работы, помогали транспортом. Постановление Совета министров СССР от 17 июня 1947 г. «О выполнении строительства новых училищ и школ ФЗО» уже и на законодательном уровне обязало базовые предприятия брать на себя вопросы размещения учебных заведений, осуществлять восстановление и постройку для них новых зданий за свой счет (ЦДАВО 3: 67). Такое решение вскоре дало позитивные результаты, и острота проблемы нехватки помещений спала.

На момент начала восстановления заведений системы ГТР Западной Украины почти все довоенное техническое оснащение учебных

учреждений было либо уничтожено, либо разграблено оккупантами и мародерами. Поэтому большинство школ ФЗО и училищ имело неудовлетворительные условия для производственного обучения. Учебные мастерские были плохо оборудованы, а станочный парк отсутствовал.

Централизованное снабжение технического оборудования через соответствующие службы системы ГТР имело неудовлетворительный характер. В этой ситуации усиливалась зависимость учреждений трудрезервов от все тех же базовых предприятий, которые и передавали учебным заведениям большую часть единиц материально-технической базы.

Поскольку предприятия в процессе восстановления и сами чувствовали острый дефицит технического оснащения, то отдавали в учебные мастерские, как правило, устаревшее и изношенное оборудование ограниченной годности, требующее ремонта, восстановления, доукомплектации. Все указанные работы училища и школы вынуждены были проводить силами собственных работников, под руководством которых к такой деятельности массово привлекались и ученики.

Одним из путей получения оборудования и инструментов стала шефская помощь. Это движение было инициировано властью с самого начала восстановительных работ для более широкого вовлечения в данный процесс тыловых районов СССР. Так, уже в августе 1944 г. Свердловское (Екатеринбургское) облуправление трудовых резервов взяло шефство над воссозданными учреждениями системы ГТР Львовской и Дрогобычской областей. В дальнейшем эти отношения развивались уже внутри УССР. Помощь заведениям Западной Украины предоставляли восточные регионы республики с уже окрепшей сетью школ и училищ трудрезервов (Котляр 1975: 153).

В частности, они дарили западноукраинским коллегам станки, слесарные тиски и разнообразный инструмент, общая стоимость которых измерялась несколькими тысячами рублей. Конечно, это было лишь маленькой частью всего необходимого. Однако такая помощь была свидетельством солидарности и моральной поддержки. Тем более что часто шефы и сами остро ощущали дефицит технического оснащения (ЦДАВО 6: 27-28).

Вопрос кадрового обеспечения системы трудовых резервов остро встал сразу же с первыми шагами по возобновлению сети школ ФЗО и училищ. Довоенные коллективы работников этих заведений не сохранились из-за мобилизации в вооруженные силы, эвакуации, боевых действий и оккупации. Система ГТР Украины требовала специально обученных и опытных руководителей, преподавателей, мастеров производственного обучения.

Для формирования персонала учебных заведений системы Западной Украины отзывались кадровые работники из восточных областей УССР. Всего к концу 1944 г. здесь из учреждений трудрезервов путем «выдвижения лучших» 332 человека были целенаправленно отправлены на руководящие должности в западные области. Данный отбор в той ситуации проводился при активном участии партийных органов. В то же время для укомплектования школ и училищ мастерами и преподавателями из числа лиц, пребывавших на оккупированной территории, отбирались лишь работники, проверенные органами НКВД (ЦДАВО 1: 41).

После завершения войны пополнение кадров системы ГТР происходило прежде всего за счет демобилизованных военных. Как правило, на большинство должностей назначались офицеры-фронтовики. Значительная часть этих работников не имела необходимой квалификации. В начале 1946 г. большая часть персонала школ ФЗО и училищ в УССР имела уровень образования не выше оконченной средней школы. Были случаи, когда директорами становились люди с начальным образованием, находящиеся на одном уровне грамотности со своими учениками. Это очень негативно сказывалось на эффективности учебного процесса (ЦДАВО 2: 76-77).

Чтобы хоть частично компенсировать такую некомпетентность кадров, организовывались различные мероприятия по повышению квалификации: курсы (с отрывом и без отрыва от производства), семинары, учебно-методические собрания, инструктивные совещания, самостоятельное изучение программ педагогического минимума с последующей аттестацией.

Например, в 1947 г. в Львовской области программу педминимума изучили 160 из 267 административно-педагогических работников учебных заведений трудрезервов, в Дрогобычской – 132 из 155, в Черновицкой – 32 из 112, в Станиславской (Ивано-Франковской) – 40 из 85 (ЦДАВО 3: 131).

Настоящей бедой заведений профтехобразования стала текучесть кадров. В западных областях эта проблема приобрела особенно большой размах. В 1947 г. текучесть кадров в Черновицкой области достигла 35,1 %, в Львовской – 41,6 %, в Дрогобычской – 77,2 %. В последней при сети из 16 учебных заведений за год сменилось 14 помощников директоров по культурно-воспитательной работе и 22 воспитателя. Причинами увольнения работников, как правило, становились профессиональное несоответствие, переход на более престижную и высокооплачиваемую работу, семейные обстоятельства, состояние здоровья (ЦДАВО 3: 85).

Если общая численность школ ФЗО и училищ Западной Украины максимально составляла немногим более 70 единиц, то одновремен-

но в трех восточных областях УССР – Ворошиловградской (Луганской), Сталинской (Донецкой) и Днепропетровской – было сосредоточено более 570 учебных заведений системы ГТР (ЦДАВО 3: 6). То есть в районах Донецкого каменноугольного и Криворожского железорудного бассейнов с высоким уровнем концентрации предприятий угольной и металлургической отраслей было сосредоточено более половины всех заведений трудовых резервов республики. Их ученический контингент необходимо было пополнять большим количеством молодежи извне. Поэтому в той или иной мере донорами для них выступали все остальные области Украины. Мобилизациями для этих регионов занимались управления трудовых резервов, местные органы власти, а также военкоматы, силами которых призывали военнообязанных юношей. Призывники «повышенных возрастов» вместо службы в армии проходили обучение в школах ФЗО угольной и металлургической специализации, а затем работали на предприятиях данных отраслей.

В.В. Мищанин, изучая обстоятельства проведения коллективизации на Закарпатье, представляет призывы западноукраинской молодежи в школы ФЗО восточных областей УССР как некую разновидность депортации лиц, недовольных политикой советизации. Также исследователь считает, что направление отправки специально выбиралось таким образом, чтобы максимально удалить призванных от родных мест (Мищанин 2008: 156, 158). Мы же не совсем можем согласиться с таким мнением.

Изучив соответствующие мобилизационные процессы, можно увидеть, что призывы молодежи в школы ФЗО Донбасса происходили по всей Украине. Но масштаб призывов на Западной Украине в абсолютном выражении был даже ниже, чем в других регионах. Так, в 1947 г. каждая из 8 западных областей в среднем отправила на Донбасс приблизительно по 1,5 тыс. чел. (табл. 2). Наименьшее количество дала Черновицкая (564 чел.), а наибольшее – Закарпатская (почти 5 тыс. чел.), где призывы тогда начали проводиться впервые.

В то же время целый ряд областей, находившихся под советской властью уже третье десятилетие, предоставили для Восточной Украины намного больше призывников, чем Закарпатье, переживавшее тогда активный процесс советизации. Одна Киевщина в 1947 г., несмотря на наличие собственной мощной сети школ ФЗО и училищ, отправила на Донбасс более 12,5 тыс. молодых людей (из них в Сталинскую область – 9,5 тыс., Ворошиловградскую – 2,5 тыс., Днепропетровскую – 500 чел.). И это суммарно было почти сопоставимо с тем количеством, которое отправили все восемь западных областей вместе взятые.

Таблица 2

**Количество молодежи, призванной (мобилизованной) в учебные заведения
трудовых резервов в 1947 г. (ЦДАВО 3: 107-108)**

Области	Всего при- звано		Из общего числа призванных отправлено в другие области УССР					
			в Сталинскую		в Ворошилов- градскую		в Днепрпет- ровскую	
	План	По факту	План	По факту	План	По факту	План	По факту
Западные области УССР								
Волынская	1 655	1 691	-	-	1 000	1 036	-	-
Дрогобычская	4 650	4 338	-	-	1 000	978	-	-
Закарпатская	5 640	5 261	1 000	955	4 000	3 986	-	-
Львовская	6 270	5 883	-	-	1 500	1 528	-	-
Ровенская	2 825	2 672	-	-	1 300	1 166	-	-
Станиславская	3 330	3 176	-	-	1 500	1 356	300	298
Тернопольская	2 700	2 246	-	-	1 500	1 496	500	327
Черновицкая	2 300	2 437	-	-	600	564	-	-
ИТОГО	29 370	27 704	1 000	955	12 400	12 110	800	625
Некоторые другие области УССР (для сравнения)								
Винницкая	18 820	12 546	15 010	8 775	1 000	1 001	-	-
Житомирская	13 225	8 889	-	-	11 225	6 858	-	-
Каменец- Подольская	16 650	8 263	-	-	15 380	6 933	-	-
Киевская	26 560	25 288	10 465	9 585	2 600	2 565	535	528
Кировоград- ская	13 350	10 467	-	-	1 300	1 249	9 800	6 902
Одесская	12 230	12 284	1 375	605	3 300	3 925	-	-
Полтавская	19 710	15 320	13 360	8 968	2 200	2 288	-	-
Харьковская	19 350	19 072	-	-	1 300	1 289	-	-
Черниговская	16 600	8 524	12 500	4 631	1 800	1 631	-	-

Итак, трансформация социально-экономических и политических отношений на послевоенной Западной Украине не вызывала какого-то аномального увеличения масштаба призывов в данной местности. Что же касается вектора отправки молодежи, то он был единым для всех областей-доноров.

Обратим также внимание, что силовые методы мобилизации в трудовые резервы, в том числе и противоречившие законности, одинаково использовались по всей Украине. Британский советолог Д. Фильцер вообще рассматривает их как присущие данному процессу во всем Советском Союзе (Filtzer 2002: 123-124).

Поэтому мы утверждаем, что в основном характер мобилизации в трудовые резервы был одинаковым как для Западной Украины, так и для остальных областей УССР. И главные причины призывов прежде всего были связаны с экономической целесообразностью перераспределения рабочих рук между регионами разного уровня промышленного развития и перекачиванием трудовых ресурсов из сельской местности в город для восстановления индустрии.

Однако сказанное выше никоим образом не позволяет отрицать, что в местностях, охваченных антисоветскими настроениями, власти ситуативно рассматривали призывы как удобный повод убрать на значительное расстояние молодежь, которая гипотетически могла пополнить ряды ОУН–УПА и приступить к вооруженной борьбе. В этом случае можно говорить о возникновении попутной дополнительной цели привлечения ребят на обучение в систему ГТР.

Также отметим, что молодежи из западных областей Украины приходилось в Донбассе тяжелее, нежели их сверстникам из других регионов. Неудовлетворительные материально-бытовые условия пребывания в школах ФЗО здесь были настоящим испытанием для всех. Но западноукраинская молодежь попадала еще и в чужую, непривычную культурную и языковую среду. К тому же эти молодые люди, выросшие в верующих семьях, без воздействия атеистической пропаганды, здесь страдали из-за отсутствия возможности посещать церковные службы.

Часто при попустительстве административно-педагогического персонала возникали острые конфликты между ребятами из западных и восточных областей. В результате находящиеся в меньшинстве и деморализованные «западенцы» становились объектом моральных унижений и физического насилия. Их поголовно обзывали «бандеровцами» (даже комсомольцев), избивали, забирали пайки в столовой, вредили во время работы. Эти невыносимые условия были одной из причин побегов из школ ФЗО (ЦДАВО 6: 5).

Таким образом, восстановление и эффективное функционирование учебных заведений трудрезервов на Западной Украине тормозились как острой нехваткой различных составляющих материальной базы (здания, стройматериалы, техническое оборудование, инструменты), так и проблемами с персоналом (низкий уровень образования и квалификации, текучесть кадров). Наблюдалась значительная зависимость школ ФЗО и училищ от их базовых предприятий. Контингент учащихся был неоднородным. Его характеристики у разных видов учебных заведений отличались. Отправка мобилизованной молодежи из западных областей УССР на Донбасс производилась, главным образом, из экономических соображений.

ЛИТЕРАТУРА

Котляр 1975 - *Котляр Э.С.* Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Высшая школа, 1975. 240 с.

Мищанин 2008 - *Мищанин В.В.* Закарпатська молодь в школах ФЗН: навчання чи змушена міграція? // Русин. Международный исторический журнал. 2008. № 3-4 (13-14). С. 155-161.

Подцерковный 1947 - *Подцерковный М.* Я скоро буду мастером // Львовская правда. 1947. № 22 (274). С. 5.

Решения партии 1968 - Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1967 гг. Сборник документов за 50 лет: В 5 т. Т. III. 1943-1952 гг. М.: Политиздат, 1968. 751 с.

Сборник законов 1956 - Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 500 с.

Справочник 1946 - Справочник по законодательству для исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся / под общ. ред. К.П. Горшенина. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. Т. 1. 516 с.

Терещенко 1974 – *Терещенко Г.І.* Організаторська діяльність Комуністичної партії по підготовці робітничих кадрів на Україні. За матеріалами навчальних закладів професійно-технічної освіти, 1940-1970 гг. Київ: Вища школа, 1974. 160 с.

ЦДАВО 1 - Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее ЦДАВО). Ф. 4609. Оп. 1. Д. 9. Годовой отчет Республиканского управления трудовых резервов УССР по восстановлению учебно-производственной работы в училищах и школах ФЗО за 1944 г. 65 л.

ЦДАВО 2 - ЦДАВО. Ф. 4609. Оп. 1. Д. 21. Отчет Республиканского управления трудовых резервов УССР по восстановлению и укреплению сети ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за 1945 г. 92 л.

ЦДАВО 3 - ЦДАВО. Ф. 4609. Оп. 1. Д. 45. Годовой отчет Республиканского управления трудовых резервов УССР об учебно-методической и политико-воспитательной работе в учебных заведениях за 1947 г. 135 л.

ЦДАВО 4 - ЦДАВО. Ф. 4609. Оп. 1. Д. 47. Годовые отчеты облуправлений трудовых резервов об учебно-методической и политико-воспитательной работе за 1947 г. (Ворошиловградское, Дрогобычское, Измаильское). 118 л.

ЦДАВО 5 - ЦДАВО. Ф. 4609. Оп. 1. Д. 132. Статистический отчет Главного управления ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО УССР о сети и контингенте учащихся училищ и школ ФЗО за 1949 г. 11 л.

ЦДАВО 6 - ЦДАВО. Ф. 4609. Оп. 1. Д. 136. Справка о проверке состояния политико-воспитательной и культурно-массовой работы в училищах и школах ФЗО облуправлений за 1949 г. 158 л.

ЦДАВО 7 - ЦДАВО. Ф. 4609. Оп. 1. Д. 163. Годовой отчет Главного управления ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО УССР об учебно-методической и политико-воспитательной работе в учебных заведениях за 1950 г. 158 л.

Filtzer 2002 - Filtzer D. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and Restoration of the Stalinist System after World War II. Cambridge: University Press, 2002. 294 p. (XVIII + 276).

REFERENCES

Kotlyar, E.S. (1975) *Gosudarstvennyye trudovye rezervy SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [State Labour Reserves of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Vysshaya shkola, 1975 [In Russian].

Mishhanyn, V.V. (2008) *Zakarpats'ka molod' v shkolakh FZN: navchannya chi zmusheha migratsiya?* [Transcarpathian youth in factory training schools: the study or forced migration?]. *Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal – Rusin. International Journal of History*. 3-4 (13-14) [In Russian].

Podtserkovnyy, M. (1947) *Ya skoro budu masterom* [Soon I'll be a master]. *L'vovskaya pravda*, 22 (274) [In Russian].

Decisions of the Party and the Government on economic issues. 1917–1967. Collection of documents for 50 years. In 5 vols. (1968) Moscow: Politizdat, vol. III. 1943-1952 [In Russian].

Collection of Laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. (1956) Moscow: State Publishing House of Legal Literature [in Russian].

Goreshenin, K.P. (ed.). (1946) *Spravochnik po zakonodatel'stvu dlya ispolnitel'nykh komitetov sovetov deputatov trudyashchikhsya* [Handbook of Legislation for the Executive Committee of the Soviets]. Moscow: Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, vol.1 [In Russian].

Tereshhenko, G.I. (1974) *Organizators'ka diyal'nist' Komunistichnoï partii po pidgotovtsi robitnichikh kadriv na Ukraïni. Za materialami navchal'nikh zakladiv profesiyno-tekhnichnoï osviti, 1940-1970 gg.* [Organizing activities of the Communist Party on preparation of the workforce for Ukraine. On materials of vocational education institutions, 1940–1970]. Kiev: Vyshha shkola [In Ukrainian].

Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO). (1944) Fund 4609. List 1. File 9. Annual report of the Republican Department of Labour Reserves of USSR on restoration of training and production work in vocational schools and factory training schools for 1944 [In Russian].

Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO) (1945) Fund 4609. List 1. File 21. Report of the Republican Department of Labour Reserves of USSR on restoration and strengthening the network of vocational, railway schools and factory training schools for 1945 [In Russian].

Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine. (TsDAVO). (1947) Fund 4609. List 1. File 45. Annual report of the Republican Department of Labour Reserves of USSR on teaching methods and political educative work in educational institutions for 1947 [In Russian].

Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO). (1947) Fund 4609. List 1. File 47. Annual reports of the regional departments of Labour Reserves on teaching methods and political education for 1947 (Voroshilovgrad, Drohobych, Izmail regions) [In Russian].

Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO). (1949) Fund 4609. List 1. File 132. Statistical Report of the Main Department of vocational, railway schools and factory training schools of USSR about the network and enrollment of vocational schools and factory training schools for 1949 [In Russian].

Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO). (1949) Fund. 4609. List 1. File 136. Information about the conditions of the political-educational and cultural work in vocational schools and factory training schools of regional departments for 1949 [In Russian].

Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO). (1950) Fund 4609. List 1. File 163. Annual Report of the Main Department of vocational, railway schools and factory training schools of USSR on teaching methods and political education in educational institutions for 1950 [In Russian].

Filtzer, D. (2002) *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and Restoration of the Stalinist System after World War II*. Cambridge: University Press [In English].

Король Виталий Николаевич – специалист I категории кафедры теории и истории государства и права Сумского государственного университета.

Korol Vitaly – Expert of I Category, Department of Theory and History of State and Law, Sumy State University

E-mail: zholud@yandex.ua

УДК 94(477)"1939/45"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/9

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТАМИ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТЕЙ ВОЕННОЙ ЗОНЫ УКРАИНЫ 1941-1943 гг.)

В.А. Нестеренко

Сумский государственный университет
Украина, 40007, Сумская обл., г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2
E-mail: nva2008@ukr.net

Авторское резюме

На этапе планирования нападения Германии на СССР важное место отводилось Украине, которая должна была стать аграрно-сырьевым придатком Третьего рейха, рынком сбыта немецких промышленных товаров, а на период войны – главной базой снабжения вермахта. В этой связи в нацистском руководстве существовало несколько подходов по проведению оккупационной политики. Но ход военных действий вынудил немцев пересматривать первоначальные планы и с помощью «вспомогательных органов», состоявших из представителей местного населения, восстанавливать промышленные предприятия и необходимую инфраструктуру на Украине. В большинстве случаев именно эти местные органы (районные и городские управы), заинтересованные в обеспечении населения работой и средствами к существованию, выступали инициаторами восстановления предприятий. Одним из путей решения этой задачи стало возобновление деятельности ремесленников. Но военно-хозяйственные инстанции, первоочередной задачей которых было обеспечение растущих потребностей вермахта, переподчиняли восстановленные предприятия и регламентировали деятельность ремесленников таким образом, что почти вся изготовленная ими продукция шла на выполнение этой задачи. Результатом такой политики стали катастрофическая нехватка продовольствия и предметов первой необходимости, а также процессы деурбанизации, поскольку обреченные на голодное существование жители крупных городов, таких, как Харьков, Сталино, Сумы, Ворошиловград, старались перебраться в сельскую местность. Критика со стороны чиновников военной администрации, многие из которых разделяли идеи А. Розенберга о более «мягкой» оккупационной политике на Украине, не меняла ситуации.

Ключевые слова: оккупационный режим, военная зона Украины, обеспечение, население, промышленность, ремесленничество, вспомогательные органы.

The German occupants' policy in the sphere of providing the population with the first need things (on the example of the regions of the military zone in Ukraine in 1941-1943)

V.A. Nesterenko

Sumy State University
2 Rimskogo-Korsakova str., Sumy, 40007, Ukraine
E-mail: nva2008@ukr.net

Abstract

During the stage of Germany's planning to attack USSR a great attention was paid to Ukraine. It had to become an agrarian and raw material base for the Third Reich, a sales market for German industrial products. During the period of war it had to be turned into the main depot for Wehrmacht. Thereupon the Nazi leadership had several approaches to carrying out the occupation policy. But the military operations progress made the Germans reconsider their original plans. By means of "auxiliary bodies" that consisted of the representatives of the local population they rebuilt industrial enterprises and necessary infrastructural facilities in Ukraine. In most cases those local bodies (district and city councils (boards)) exactly were interested in providing the population with jobs and means of subsistence and turned out to be the initiators for rebuilding factories and plants. One of the ways for solving that problem was the renewal of craftsmen activity. The supreme goals of military-economic investment were maintaining the growing needs of Wehrmacht. But they subordinated the process of rebuilding enterprises and regulated craftsmen activities. As a result all output (production) was used to perform that task. The results of the following policy were disastrous shortage of foodstuffs and first need things, the processes of deurbanization as far as the population of such large cities as Kharkiv, Stalino, Sumy, Voroshilovgrad was doomed to suffer from starvation and tried to move to rural areas. The criticism by the military administration officials who shared A.Rozenberg's ideas on "more lenient" occupation policy in Ukraine did not change the situation in general.

Keywords: occupation regime, military zone of Ukraine, maintenance, population, industry, craftsmanship, auxiliary bodies.

Руководство нацистской Германии отводило важную роль Украине в планах построения «тысячелетнего рейха». А. Гитлер неоднократно высказывался на эту тему, каждый раз отмечая ее огромный экономический потенциал. В классической схеме взаимоотношений «метрополия – колония» Украина должна была превратиться в аграрно-сырьевой придаток Германии, рынок сбыта ее промышленных товаров.

Следует отметить, что в высшем руководстве Германии существовали два основных подхода в проведении оккупационной политики на Украине. Первый сформулировал А. Розенберг, и суть его заключалась в расчленении СССР с целью ослабления России. При этом важная роль отводилась новым административным образованиям, среди которых была и Украина. Именно она, в планах А. Розенберга, в союзе с Донской областью и Кавказом, должна была стать постоянной угрозой Москве и прикрывать «великонемецкое жизненное пространство» с востока. В этой связи предлагалось способствовать развитию национального сознания, языка и культуры украинцев. Эти идеи «умеренной» оккупационной политики в Украине поддерживала часть чиновников военной администрации.

Второй подход отстаивал Г. Гиммлер. Суть его – в полном порабощении народов Советского Союза, недопущении роста их национального сознания и культуры. Руководитель военно-экономического аппарата Г. Геринг склонялся ко второму варианту, утверждая, что сначала нужно обеспечить вермахт всем необходимым и только позже рассмотреть возможные политические решения. А. Гитлер в июле 1941 г. поддержал именно эту позицию (Лисенко, Нестеренко 2006: 763-765). Но борьба этих мнений во многом определила особенности оккупационной политики в военной зоне Украины.

В ходе оккупации территория Украины была расчленена. Основная ее часть вошла в состав одноименного рейхскомиссариата, созданного приказом Гитлера от 20 августа 1941 г. Четыре западно-украинские области стали частью Польского генерал-губернаторства. Румыния вместе с Бессарабией и Северной Буковиной, которые до 1940 г. были в ее составе, на основе немецкого мандата на временное управление и экономическую эксплуатацию получила также «Транснистрию» – территорию между Днестром и Бугом. Пять северных и восточных областей, а именно Черниговская, Сумская, Харьковская, Ворошиловградская (Луганская), Сталинская (Донецкая), весь период оккупации находились под управлением военной администрации и составили так называемую военную зону Украины.

Неотъемлемой частью подготовки нападения на СССР стало изучение немецким руководством его экономического потенциала. В конце 1940 г. в управлении военной экономики и снаряжения

началась разработка экономических основ реализации плана «Барбаросса», в основу которого, как известно, была положена концепция «молниеносной войны». В январе следующего года для этой цели был специально создан штаб «Россия». Результатом его работы стали два документа: «Военная экономика Советского Союза» и «Военно-экономические последствия операции на Востоке». Они легли в основу экономического раздела плана «Барбаросса» под кодовым названием «Ольденбург», детальной разработкой которого занимался штаб с таким же названием.

Идеи этого плана были детализированы в «Зеленой папке» Г. Геринга – «Директивы по руководству экономикой в оккупированных восточных областях». Они разрабатывались для управляющих хозяйством захваченных районов СССР, которые находились под руководством вермахта. В ходе войны, 3 июля 1941 г. по приказу Геринга их действие было распространено и на области, находившиеся под гражданским управлением. Частью «Зеленой папки» была «Коричневая папка», которая состояла из распоряжений рейхсминистра оккупированных восточных областей А. Розенберга по руководству областями с гражданским управлением, в частности рейхскомиссариатом «Украина».

2 мая 1941 г. состоялось заседание экономического штаба «Ольденбург», на котором были определены основные задачи немецкой оккупационной администрации в сфере экономики в захваченных регионах СССР. В частности, указывалось, что продолжать войну можно лишь при условии обеспечения продовольствием всех вооруженных сил Германии за счет России. Наибольший интерес представляли сбор и вывоз урожая масличных культур и изготовленных из них продуктов, на втором месте – злаковые. При этом отмечено, что если удастся выкачать из страны все необходимое, то десятки миллионов людей будут обречены на голод. Также говорилось о предприятиях, работу которых необходимо было возобновить на оккупированных территориях: заводах по производству транспорта, стальных конструкций, текстильных фабриках. Из военных предприятий – только о тех, которых не хватало в Германии. Главными приоритетами экономической составляющей нападения на СССР были названы продовольствие и нефть (Нюрнбергский 1989: 556). В этой связи важное место отводилось Украине.

Но первоначальный расчет на быстрый разгром Красной армии не оправдался, и немцы были вынуждены вести долгую войну на истощение. Это побудило их пересмотреть основы оккупационной политики, в том числе и в экономической сфере. Современный украинский исследователь И.Г. Ветров выделил три периода военно-

экономической оккупационной политики немцев в Украине: первый (июнь – ноябрь 1941 г.) – «сырьевой», для которого характерен приоритетный вывоз захваченного сырья в Германию; второй (декабрь 1941 – август 1943 гг.) – «хозяйственный либерализм», когда усилия были направлены на частичное возобновление работы тяжёлой и горнодобывающей промышленности, привлечение частного капитала; третий (август 1943 – сентябрь 1944 гг.) – тотальное уничтожение промышленных центров Украины и вывоз материальных ценностей в Германию (Ветров 1999: 140).

В начале оккупации, руководствуясь первоначальными установками, немцы приступили к уничтожению остатков украинской промышленности, уцелевших после отступления Красной армии, которая по приказу И.В. Сталина применяла тактику «выжженной земли». Сохранившееся оборудование предприятий подлежало демонтажу и переправке в Германию. Это коснулось предприятий Донбасса. Одновременно проводилась конфискация, преимущественно в интересах вермахта, горючего, смазочных материалов, сырья, готовой продукции. Например, в руки немцев попало около 2 млн тонн угля (Ветров 1999: 50-60).

Но уже осенью 1941 г. немцы были вынуждены изменить экономическую политику на Украине. Еще больше необходимость в подобном стала очевидной в начале 1942 г. после поражения под Москвой. 23 января А. Розенберг издал постановление о необходимости возрождения промышленного хозяйства оккупированных восточных областей, незаменимых для немецкой «военной машины». В частности, к таковым были отнесены: добыча и переработка нефти, марганцевых руд, торфа, угля, руды; производство сырого каучука; заготовка льна, конопли, хлопка; возобновление обеспечения предприятий электроэнергией, газом, водой и работа транспорта; производство строительных материалов, сельскохозяйственных машин; возобновление работы металлопрокатных и литейных заводов. Среди прочего говорилось и о развитии ремесленного промышленного производства для изготовления предметов широкого потребления (Ветров 1999: 72-74). 2 ноября 1942 г. Г. Геринг констатировал уже свершившийся факт изменения первоначального курса и указывал на необходимость сильнее привязать экономическое могущество «восточных территорий» к немецкой военной экономике (Ветров 1996: 115).

Заводы и фабрики на территории Украины считались собственностью рейха. Но на время войны их передавали в опекуновое управление немецким фирмам или сдавали в аренду. Именно они и занимались восстановлением производства, в чем достигли некоторых успехов. Так, в январе 1942 г. две доменные печи заводов «Азовсталь»

и им. Ильича в Мариуполе начали выплавку чугуна. В Сталино стали действовать прокатный стан «350», который изготавливал рессорную сталь, цех металлоконструкций для мостов и предприятий угольной промышленности, три механические мастерские. Металлургический завод в Енакиеве за время оккупации изготовил 70 тыс. тонн чугуна, стали и проката. Номенклатура изделий определялась потребностями вермахта. Например, заводы Мариуполя выпускали амортизаторы для автомобилей, телеги, кровати, металлические бочки; завод в Макеевке – кровати, кирпичи, цепи; в Енакиеве – зажигалки и другие вещи для солдат и частично для населения (Тарнавский 1999: 46-50). Подобную продукцию выпускало большинство заводов военной зоны Украины, которые возобновили работу.

Пущенный в Харькове завод уже в апреле 1942 г. передал вермахту 100 тракторов для использования в качестве тягачей. Этот опыт был признан удачным, и командование 6-й армии заказало ещё 160 шт. (ЦГАВО 3: 34). В Конотопе Сумской области работал железнодорожный ремонтный завод, на котором трудились около 1,5 тыс. чел. (ЦГАВО 6: 210). Выпускали и ремонтировали украинские предприятия и вооружение. Например, завод «Азовсталь» – 2 танка ежедневно; завод им. Артема – танки, автомашины, самолеты; мастерская в Новгороде-Северском в марте 1943 г. отремонтировала 18 танков; цех № 1 завода им. Кирова в Макеевке изготавливал снаряды (Ветров 1999: 78).

Важной для немецкой армии была работа также швейной и обувной промышленности. Особенно это ощущалось зимой 1941-1942 гг., когда вермахт, в расчете на быструю победу, оказался без соответствующей экипировки. Так, швейные фабрики Мариуполя, на которых было задействовано около 1,7 тыс. работниц, занимались выпуском носков, свитеров и тулупов для горнопехотных частей (ЦГАВО 7: 108-109). Ворошиловградская фабрика с августа по декабрь 1942 г. изготовила 22 090 м ткани, 757 м марли, 314 овечьих тулупов, 690 пар рукавиц, 3 478 простыней, 3 615 полотенец, 3 620 пар носков (Тарнавский 1999: 53). Фабрика в Ахтырке ежемесячно изготавливала 1 тыс. меховых жилетов и 100 тулупов (ЦГАВО 8: 58). Такие предприятия действовали во всех областях военной зоны Украины.

Для обеспечения вермахта продовольствием по приказу начальника тылового района группы армий «Юг» от 3 ноября 1941 г. в спешном порядке возобновляли работу предприятия перерабатывающей промышленности – хлебозаводы, мельницы, скотобойни, фабрики по производству консервов, сахарные заводы (ЦГАВО 5: 68).

Насколько значимой для немецкой военной машины была работа местной украинской промышленности, констатировал чиновник VII

отдела 538 (У) полевой комендатуры в Мариуполе в середине июля 1942 г.: «Силами восстановленных и восстанавливаемых предприятий удастся полностью обеспечить потребности войск танковой армии. Из 160 тыс. населения города 40 тыс., то есть $\frac{1}{4}$, работают над выполнением германских заказов» (ЦГАВО 7: 109).

Обеспечение местного населения оккупанты полностью переложили на плечи так называемых вспомогательных органов, среди которых главную роль играли районные и городские управы. К слову сказать, часто именно чиновники этих управ после их создания инициировали восстановление разрушенной инфраструктуры населенных пунктов и промышленных предприятий. Это делалось с целью хоть в какой-то мере нормализовать жизнь населения и обеспечить его работой.

Ярким примером этому служит возобновление работы шахт Донбасса. Уже в первые недели оккупации созданные при городских управах горнопромышленные отделы провели обследование местных шахт и организовали работы по их восстановлению. Например, горуправа Чистяково на начало января 1942 г. возобновила работу 4 мелких шахт из 43 в наличии и начала продажу угля населению (Чистяковский 1942). И только в марте 1942 г. шахты Донбасса были подчинены «Горно-металлургическому обществу “Восток”», и к этому процессу подключились немецкие специалисты.

Но ситуация с обеспечением местного населения оставалась сложной на протяжении всего периода оккупации. В первую очередь это касается продовольственного обеспечения жителей крупных городов. Несмотря на частичное восстановление работы некоторых предприятий, уровень безработицы оставался очень высоким. Даже те, кто работал, находились на грани выживания, поскольку уровень заработной платы был крайне недостаточным. Например, директор рогокостной фабрики Чернигова получал 900 руб. в месяц, бухгалтер – 700, подсобный рабочий – 288 руб. На алебастровом заводе в Ромнах зарплата директора составляла 700 руб., бухгалтера – 600, бригадира – 400, конюха – 280 руб. Но вследствие дефицита продовольствия из-за поставок вермахту, инфляции цены на продукты питания были высокими, особенно в зимний период. Так, на рынках Харькова в 1942 г. 1 кг картофеля стоил от 33 до 100 руб., лука – 30-110, хлеба ржаного – 80-220, пшеницы – 70-250, кукурузы – 55-222, масла коровьего – 625-2 400, сала – 750-2 000 руб. (Нестеренко 2014: 77).

Горожане были вынуждены продавать собственные вещи или менять их на продукты питания. Появились «мешочники» – те, кто шел в сельскую местность с целью обменять вещи на продукты. Без документов это было опасно, поскольку в тыловых районах вермахта

действовали законы военного времени. К тому же и крестьяне некоторых сел, помня события 1932-1933 гг., не всегда доброжелательно относились к таким горожанам.

В городах действовала карточная система. Население было поделено на несколько категорий: работающие, безработные (зарегистрированные на бирже труда), дети до 14 лет. Отдельно составлялись списки жителей немецкой национальности. На выдаваемых продовольственных карточках запрещалось указывать количество продуктов. Закупкой продуктов занимались созданные городскими управами комиссии за деньги этих управ, но под контролем немецкого сельскохозяйственного управления. Причем закупались в общинных хозяйствах (бывшие колхозы) и у крестьян только строго определенные продукты: картофель по цене 0,60 руб. за 1 кг, просо – 2,30, гречка – 0,40, рожь – 0,25 (Нестеренко 2014: 77). Отметим, что закупочные цены для вермахта были значительно выше, тем более цены на городских рынках. Поэтому закупки, проводившиеся комиссиями, проходили сложно. По свидетельству чиновников полевой комендатуры 198 (У), в Ахтырке в июле 1942 г. из 43 тыс. населения г. Сумы продукты питания по карточкам получали лишь 8 тыс. чел. (Нестеренко 2014: 78). При этом нормы были крайне низкими. Попытки организовать питание работников на предприятиях были малоэффективны. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Харькове, где зимой 1941-1942 гг. вспыхнул голод и, по данным местной горуправы, умерло 13 139 жителей (Скоробогатов 2004: 279). Горожане, спасаясь от голода, массово мигрировали в сельскую местность, где ситуация с продовольствием была значительно лучше.

Ситуация с товарами широкого потребления была подобной. В свете вышеупомянутых довоенных планов нацистского руководства дефицит промышленных товаров был на руку оккупантам, поскольку предполагалось поставлять их из Германии в обмен на сельскохозяйственную продукцию и сырье. Но уже в январе 1942 г. А. Розенберг был вынужден признать, что немецкая промышленность была не в состоянии восполнить этот дефицит. В такой ситуации деньги обесценивались, и крестьяне склонялись к тому, чтобы выращивать продукцию только для собственного потребления. По мнению рейхсминистра, единственным выходом в данной ситуации было развитие ремесленничества на местах (ЦГАВО 4: 86-87).

Существовал и еще один путь решения этой проблемы: направление части вырабатываемой продукции восстановленных предприятий на нужды местного населения. И оно было принято по инициативе А. Розенберга с установлением квоты в 20 %. Часть представителей военной администрации (чиновники полевых и местных коменда-

тур) приняли его с пониманием. Но военно-хозяйственные службы, ориентируясь прежде всего на возрастающие потребности вермахта, по сути, игнорировали его (ЦГАВО 1: 2-3).

На практике А. Розенберг решил использовать явление, которое имело место с первых дней оккупации. С уходом советской власти стихийно начала возрождаться частная инициатива, прежде всего в торговле и ремесленничестве. В июне 1942 г. рейхсминистр издал распоряжение, регламентирующее порядок создания ремесленных объединений, – «Новый статус ремесленничества на Украине». Все ремесленники подразделялись на три категории: 1) высококвалифицированные, способные управлять предприятиями (мастерскими); 2) квалифицированные; 3) ремесленники, которые проходят обучение. Самостоятельными предприятиями могли быть лишь мастерские, способные готовить квалифицированных мастеров. Ремесленники должны были объединяться в артели (не менее 5 чел.) с собственным уставом. Устанавливался возрастной и национальный ценз: не моложе 16 лет и не еврейского происхождения. Члены артели избирали руководителя на год. Для вступления в уже созданную артель необходимо было получить согласие всех ее членов и заплатить вступительный взнос. Артели могли объединяться в трудовые объединения (ЦГАВО 4: 66-71).

Для иллюстрации процесса активного возрождения ремесленничества приведем несколько цифр. В Харькове уже на 1 января 1942 г. действовало 665 кустарно-ремесленных промышленных и 103 бытовых заведений, а через год - соответственно 2 205 и 193. В декабре 1942 г. они произвели продукции на 29,5 млн руб. и оказали услуг на 31 млн руб. Для сравнения: остальные предприятия, подчиненные городской управе, за весь 1942 г. произвели продукции на 16,5 млн руб. (Скоробогатов 1996: 159).

В Сталино уже в декабре 1941 г. работало 354 частных предприятия, преимущественно кустарного типа, в январе 1942 г. – 698, в марте – 1845, в октябре – 1 906. Среди них по профилю в январе 1942 г. действовало 78 швейных мастерских (43 - кустари-одиночки и 35 имели от 2 до 10 мастеров), 17 портных, 3 по выделке шкур, 17 слесарных, 8 часовых, 38 парикмахерских, 19 фотомастерских и др. В Ворошиловграде на 1 декабря 1942 г. насчитывалось 778 ремесленников более 50 специальностей. Возникли и сравнительно крупные объединения. Так, в Енакиеве действовало акционерное общество «Универсал», которое открыло столовую, кафе, комиссионный магазин, столярную мастерскую, имело собственное огородное хозяйство. При этом, по данным налоговых инспекторов, частные предприятия работали рентабельно и факты закрытия были редкими (Тарнавский

1999: 56-58). Подобный расцвет частной инициативы наблюдался во всех городах и местечках военной зоны Украины.

В сфере использования продукции ремесленников сложилась та же ситуация, что и с продукцией предприятий. Восстановленные усилиями вспомогательной украинской администрации предприятия переподчинялись военно-хозяйственным инстанциям с направлением всей произведенной продукции на нужды вермахта. Для контроля за деятельностью ремесленников использовались как административные (например регистрация и выдача патентов), так и экономические рычаги, ведь сырье контролировали именно немецкие военно-хозяйственные органы. В результате основная масса ремесленников опять работала не в интересах населения, а выполняла заказы вермахта.

Такая политика встречала критику со стороны военно-административных органов, но ситуации это не меняло. Начальник отдела военной администрации Гельмут Кернер в апреле 1944 г., уже, по сути, по окончании оккупации, подвел итог политики в этой сфере: «Затянувшийся спор о том, строить или демонтировать кустарные и индустриальные предприятия, отрицательно сказался на выпуске предметов потребления... Немногие пригодные к работе предприятия легкой промышленности все без исключения попадали в распоряжение экономических инспекций и работали в их интересах, тем самым исключалась единственная возможность производства предметов потребления и орудий труда для местного населения» (ЦГАВО 2: 124-125).

Во время отступления, как и Красная армия в 1941 г., немцы, с присущей им педантичностью, воплощали в жизнь тактику «выжженной земли». И вновь основные тяготы по восстановлению хозяйства разрушенной страны легли на плечи населения.

Таким образом, несмотря на провал «блицкрига» и пересмотр первоначальных планов оккупационной политики, вследствие чего работа некоторых промышленных предприятий была возобновлена, вопрос обеспечения местного населения продовольствием и предметами первой необходимости остался нерешенным. Активная производственная деятельность ремесленников также не улучшила ситуации. Вся их продукция направлялась на обеспечение вермахта. Голод и дефицит товаров стали постоянными спутниками жителей крупных городов на протяжении всего периода оккупации.

ЛИТЕРАТУРА

Ветров 1996 - *Ветров І.Г.* Політика фашистської Німеччини щодо використання економічного потенціалу України для потреб армії (1941-1944 рр.) / Друга світова війна і Україна: Матеріали наукової конференції (27-28 квітня 1995р.). Київ: Ін-т історії України НАН України, 1996. С. 112-118.

Ветров 1999 - *Ветров І.Г.* Економічна експансія «третього рейху» та промисловість України в роки Другої світової війни: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01/ Національний педаг. ун-т ім. М.П. Драгоманова. Київ, 1999. 243 с.

Лисенко, Нестеренко 2006 - *Лисенко О., Нестеренко В.* Окупаційний режим на Україні у 1941-1943 рр.: адміністративний аспект // Архіви окупації. 1941-1944 / Держ. ком. архівів України; Упоряд. Н. Маковська. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. Більше не таємно. Т. 1. С. 762-769.

Нестеренко 2014 - *Нестеренко В.А.* Фактори деурбанізації в областях військової зони України (1941-1943 рр.) // Сумський історико-архівний журнал. 2014. №XXIII. С. 74-80.

Нюрнбергский 1989 - Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 8 т. Т. 3. М.: Юридическая литература, 1989. 656 с.

Скоробогатов 1996 - *Скоробогатов А.* Харківське міське самоврядування в 1941-1943 рр. // Березіль. 1996. №7-8. С. 139-162.

Скоробогатов 2004 - *Скоробогатов А.В.* Харків у часи німецької окупації (1941-1943). Харків: Прапор, 2004. 376 с.

Тарнавський 1999 - *Тарнавський І.С.* Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941-1943рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Донецький державний ун-т. Донецьк, 1999. 220 с.

ЦГАВО 1 - Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО). Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 81. Доклад Бройтигама о медицинском обслуживании и продовольственном обеспечении вспомогательной рабочей силы на Украине; сообщение генерала Клейста о настроении гражданского населения в районе действий группы “А” и моральном состоянии немецкой армии зимой 1943 г. 7 л.

ЦГАВО 2 - ЦГАВО. Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 101. Записи о различных вариантах управления на Украине и других оккупированных территориях России; записка о поездке Розенберга по территории рейхскомиссариата Украины; доклад генерал-комиссара Киева о 2,5-летнем управлении Киевской генеральной округой и др. 1944 г. 302 л.

ЦГАВО 3 - ЦГАВО. Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 230. Отчеты хозяйственного штаба для Востока за май–июнь 1942 г. о политическом и экономическом состоянии на занятых территориях и вывозе сельскохозяйственной и промышленной продукции из СССР. Места расположения отделов хозяйственных штабов на оккупированной территории СССР. 1942 г. 98 л.

ЦГАВО 4 - ЦГАВО. Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 299. Распоряжение Имперского министерства для управления занятыми восточными областями о направлениях работы в генеральных округах Украина, Литва, Латвия и Эстония в отрасли пропаганды, воспитания молодежи, введения нового порядка в сельском хозяйстве, развитии ремесел и др. 1941-1942 гг., 1944 г. 106 л.

ЦГАВО 5 - ЦГАВО. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 148. «Особые распоряжения об обеспечении тыла»; инструкция об отношении к военнопленным; «Совещание 6 ноября 1941 г. с участием хозяйственной инспекции по использованию временно оккупированной территории Юга» генерала пехоты Фридеричи, генерал-лейтенанта Стислера из Главного штаба, полковника Генерального штаба фон Красиг, подполковника Генерального штаба Стейнбека и начальника казначейства доктора Падженкова; отчет о деятельности отдела обеспечения; переписка командования с немецкой военной миссией в Румынии. Август–декабрь 1941 г. 282 л.

ЦГАВО 6 - ЦГАВО. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 157. Т. 1. Донесения местных комендатур о состоянии на оккупированной территории, настроениях населения и его отношении к немецким властям, о действиях местной полиции и др. Списки бургомистров и другого административного персонала по селам Полтавской области. Ноябрь 1941 – июнь 1942 г. 249 л.

ЦГАВО 7 - ЦГАВО. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 157. Т. 2. Донесения местных комендатур о состоянии на оккупированной территории, настроениях населения и его отношении к немецким властям, о действиях местной полиции и др. Списки бургомистров и другого административного персонала по селам Полтавской области. Ноябрь 1941 – июнь 1942 г. 236 л.

ЦГАВО 8 - ЦГАВО. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 483. Дополнение к журналу боевых действий начальника района за декабрь 1942 г.: донесения тыловых охраненных частей о боевых действиях и положение в занятых районах. 85 л.

Чистяковский 1942 - Чистяковский листок (Чистяково Сталинской области). 1942. 14 января.

REFERENCES

Vetrov, I.G. (1996) [The policy of Nazi Germany on the use of the economic potential of Ukraine for the army (1941-1944).]. *Druga svitova vyna i Ukraïna [The Second World War and Ukraine]*. Proc. Of the Research conference. Kiev, 27th to 28th April. Kiev: Institute of History of Ukraine [In Ukrainian].

Vetrov, I.G. (1999) *Ekonomichna ekspansiya "tret'ogo reykh" ta promislovist' Ukraïni v roki Drugoi svitovoi viyni* [The economic expansion of the "Third Reich" and the Ukrainian industry during the Second World War]. History Cand. Diss. Kiev [In Ukrainian].

Lisenko, O. & Nesterenko, V. (2006) *Okupatsiyniy rezhim na Ukraïni u 1941-1943 rr.: administrativniy aspekt* [Occupation in Ukraine in 1941–1943]. Kiev: Kievo-Mogilyans'ka akademiya. Vol. 1 [In Ukrainian].

Nesterenko, V.A. (2014) *Faktori deurbanizatsii v oblastiakh viys'kovoï zoni Ukraïni (1941–1943 rr.)* [Factors of deurbanization in the military zone of Ukraine (1941–1943)]. *Sums'kiy istoriko-arkhivniy zhurnal – Sumy Historical Archival Journal*. 23 [In Ukrainian].

Rekunkov, A.M. & Raginsky, M.Yu. (eds.) *Nyurnbergskiy protsess [Nuremberg Trials]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura. Vol. 3 [In Russian].

Skorobogatov, A. (1996) Kharkivs'ke mis'ke samovryaduvannya v 1941-1943 rr. [Kharkov municipality in 1941-1943]. Berezil'. 7-8 [In Ukrainian].

Skorobogatov, A.V. (2004) Kharkiv u chasi nimets'koi okupatsii (1941-1943) [Kharkov during the German occupation (1941-1943)]. Kharkov: Prapor [In Ukrainian].

Tarnavskiy, I.S. (1999) Nimets'ko-fashists'kiy okupatsiyniy rezhim v Donbasi (1941-1943rr.) [German fascist occupation regime in Donbass (1941-1943)]. History Cand. Diss. Donetsk: Donetsk'iy derzhavniy universitet [In Russian].

The Central State Archive of the supreme bodies of power and administration of Ukraine (TSGAVO). Fund KMF-8. List 1. File 81. Doklad Broytigama o meditsinskom obsluzhivanii i prodovol'stvennom obespechenii vspomogatel'noy rabochey sily na Ukraine; soobshchenie generala Kleysta o nastroenii grazhdanskogo naseleniya v rayone deystviy grupy "A" i moral'nom sostoyanii nemetskoj armii zimoy 1943 g. [Report of Broytigam about health care and food supply of auxiliary labor in Ukraine; message of General Kleist about the mood of the civilian population in the area of Group A action and the morale of the German army in the winter of 1943] [In Russian].

The Central State Archive of the supreme bodies of power and administration of Ukraine (TSGAVO). Fund KMF-8. List 1. File 101. Zapisi o razlichnykh variantakh upravleniya na Ukraine i drugih okkupirovannykh territoriyakh Rossii; zapiska o poezdke Rozenberga po territorii reykhskomissariata Ukrainy; doklad general-komissara Kiev a o 2,5-letnem upravlenii Kievskoy general'noy okrugoy i dr. 1944 g. [Records of various management options in Ukraine and other occupied territories of Russia; Note on the trip of Rosenberg to Ukrainian Reichskommissariat; Report of the Commissioner-General of Kiev about 2.5 years of general management of the Kiev District et al., 1944] [In Russian].

The Central State Archive of the supreme bodies of power and administration of Ukraine (TSGAVO). Fund KMF-8. List 1. File 230. Otchet y khozyaystvennogo shtaba dlya Vostoka za may-iyun' 1942 g. o politicheskom i ekonomicheskom sostoyanii na zanyatykh territoriyakh i vyvoze sel'skokhozyaystvennoy i promyshlennoy produktsii iz SSSR. Mesta raspolozheniya otdelov khozyaystvennykh shtabov na okkupirovannoy territorii SSSR. 1942 g. [Reports of economic headquarters to the East in May-June, 1942, on political and economic situation on the occupied territories and export of agricultural and industrial products from the Soviet Union. Locations of departments of economical headquarters in the occupied territory of the USSR. 1942] [In Russian].

The Central State Archive of the supreme bodies of power and administration of Ukraine (TSGAVO). Fund KMF-8. List 1. File 299. Rasporyazhenie Imperskogo ministerstva dlya upravleniya zanyatymi vostochnymi oblastyami o napravleniyakh raboty v general'nykh okrugakh Ukraina, Litva, Latvija i Estoniya v otrasli propagandy, vospitaniya molodezhi, vvedeniya novogo porjadka v sel'skom khozyaystve, razvitii remesel i dr. 1941-1942 gg., 1944 g. [Order of the Reich Ministry for the administration of the occupied eastern regions of the direction of work in general constituencies of Ukraine, Lithuania, Latvia and Estonia in the industry promotion, education of youth, the introduction of

a new order in agriculture, crafts and others. 1941 1942. 1944] [In Russian].

The Central State Archive of the supreme bodies of power and administration of Ukraine (TSGAVO). Fund KMF-8. List 2. File 148. "Osobyie rasporyazheniya ob obespechenii tyła"; instruktsiya ob otnoshenii k voennoplennym; "Soveshtanie 6 noyabrya 1941 g. s uchastiem khozyaystvennoy inspektsii po ispol'zovaniyu vremennno okkupirovannoy territorii Yuga" generala pekhoty Friderichi, general-leytenanta Stislera iz Glavnogo shtaba, polkovnika General'nogo shtaba fon Krasig, podpolkovnika General'nogo shtaba Steynbeka i nachal'nika kaznacheystva doktora Padzhenkova; otchet o deyatel'nosti otdela obespecheniya; perepiska komandovaniya s nemetskoy voennoy missiei v Rumynii. Avgust–dekabr' 1941 g. ["Special instructions for securing the rear"; instructions about the attitude towards prisoners of war; "Meeting of November 6, 1941, with the participation of business inspections on the use of temporarily occupied territory of the South" General Friderichi, Lieutenant General Stisler of the General Staff, Colonel-General fon Krasig, Lieutenant-Colonel of the General Staff Steinbeck and Head of Treasury doctor Padzhenkov; Report on the activities of the department of security; correspondence of the German military commanders with Romanian mission. August-December 1941] [In Russian].

The Central State Archive of the supreme bodies of power and administration of Ukraine (TSGAVO). Fund KMF-8. List 2. File 157. Vol. 1. Doneseniya mestnykh komendatur o sostoyanii na okkupirovannoy territorii, nastroeniyakh naseleniya i ego otnoshenii k nemetskim vlastyam, o deystviyakh mestnoy politsii i dr. Spiski burgomistrov i drugogo administrativnogo personala po selam Poltavskoy oblasti. Noyabr' 1941 – iyun' 1942 g. [Reports of the local comendatur on the state in the occupied territories, the mood of population and its relation to the German authorities, the actions of local police and others. Lists of mayors and other administrative staff in the villages of Poltava region. November 1941 - June 1942] [In Russian].

The Central State Archive of the supreme bodies of power and administration of Ukraine (TSGAVO). Fund KMF-8. List 2. File 157. Vol. 2. Doneseniya mestnykh komendatur o sostoyanii na okkupirovannoy territorii, nastroeniya naseleniya i ego otnoshenie k nemetskim vlastyam, o deystviyakh mestnoy politsii i dr. Spiski burgomistrov i drugogo administrativnogo personala po selam Poltavskoy oblasti. Noyabr' 1941 – iyun' 1942 g. [Reports of the local comendatur on the state in the occupied territories, the mood population and its relationship to the German authorities, the actions of local police and others. Lists of mayors and other administrative staff in the villages of Poltava region. November 1941 – June 1942] [In Russian].

The Central State Archive of the supreme bodies of power and administration of Ukraine (TSGAVO). Fund KMF-8. List 2. File 483. Dopolnenie k zhurnalu boevykh deystviy nachal'nika rayona za dekabr' 1942 g.: doneseniya tylovykh okhrannykh chastey o boevykh deystviyakh i polozhenie v zanyatykh rayonakh [Supplement to the journal of fight action by the chief of the area for December 1942: reports of rear guard of the hostilities and the situation in the occupied regions] [In Russian].

Chistyakovskiy listok. (1942) 14th January [In Russian].

Нестеренко Вадим Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сумского государственного университета.

Nesterenko Vadim – Philosophy Doctor, Associate Professor at the Chair of the Theory and History of State and Law of Sumy State University.

E-mail: nva2008@ukr.net

УДК 94(477)"1941/1943"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/10

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УКРАИНЦЕВ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ. НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДА ЖИТОМИРА (1941-1943)

М.Э. Кругляк

Житомирский государственный технологический университет
Украина, 10005, г. Житомир, ул. Черняховского, 103
E-mail: marinakrugljak@ukr.net

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности повседневной жизни жителей Советского Союза в годы нацистской оккупации на примере украинского города Житомира, захваченного гитлеровцами уже в июле 1941 г. Автор также пытается проанализировать роль украинского националистического движения в годы оккупации, частично касаясь явления украинского коллаборационизма. Используя материалы оккупационной прессы, архивные документы и воспоминания очевидцев тех событий. Автор сделала попытку максимально полно представить повседневную жизнь житомирян во время нацистской оккупации, включавшую, в том числе образование и культуру.

Ключевые слова: повседневность, оккупация, нацистский «новый порядок», Организация украинских националистов, украинизация, пресса.

Everyday life of the Ukrainians under the Nazi occupation. Based on the materials of Zhitomir (1941-1943)

M.E. Krugliak

Zhitomir State Technological University
103, Chernyakhovskogo str., Zhytomyr, 10005, Ukraine
E-mail: marinakrugljak@ukr.net

Abstract

The article displays the peculiarities of everyday life in the Soviet Union during the Nazi occupation, taking Zhitomir, a Ukrainian town captured by the Nazis in July 1941, as an example. The author also tries to analyze the role of the Ukrainian nationalist movement during the occupation, partly referring to the phenomenon of the Ukrainian collaboration. Using the occupation press materials, archival documents and eyewitness testimonies, an attempt to vividly and fully present everyday life of Zhitomir during the Nazi occupation, including, inter alia, education and culture, is made.

Keywords: everyday life, occupation, the Nazi “new order”, Organization of the Ukrainian Nationalists, Ukrainization, the press.

История Второй мировой войны, даже спустя более полувековой период с момента ее окончания, оставляет по сей день много неразрешенных вопросов. XXI в., символизирующий победу человеческого разума, чему есть немало примеров в сфере техники и медицины, не предотвратил такой мировой катастрофы, как война. К сожалению, Украина к 70-летию Великой Победы вновь оказалась в эпицентре военных катаклизмов, которые историки в будущем назовут по-своему: «гражданская война», «антитеррористическая операция», «война России с Украиной» или как-то иначе. Тем не менее вопросы выживания людей непосредственно на территории военного противостояния, да и за его пределами, на примере исторических параллелей с событиями Великой Отечественной войны становятся как никогда актуальными.

Используя местную оккупационную прессу, немногочисленные воспоминания житомирян, оказавшихся на оккупированной территории, сборники документов и архивные материалы из рассекреченных после распада СССР фондов Государственного архива Житомирской области, попробуем воспроизвести картину будничной жизни житомирян в 1941-1943 гг. Следует отметить, что в советской историографии по идеологическим причинам подобная проблема поднималась лишь отчасти и касалась в основном описания реализации нацистского «нового порядка» и плана «Ост» на конкретной территории. В годы независимости Украины, параллельно с описанием зверств нацистов по отношению к украинскому и еврейскому населению, активно поднимаются проблемы остарбайтеров, а также украинского националистического движения. В украинской историографии принято рассматривать Организацию украинских националистов как одну из форм движения Сопротивления на оккупированной территории наряду с советской (партизаны и подпольщики) и польской. При рассмотрении деятельности украинских националистов огромное

внимание уделяется их попыткам возродить независимое Украинское государство, используя рычаги власти на местах и проводя политику украинизации и антисоветизации. Насколько влиятельными были позиции украинских националистов в Житомире, каковы были условия выживания украинцев на оккупированной территории. Попытаемся ответить на эти вопросы в данной публикации.

Житомирская область (образована 22 сентября 1937 г.) размещена на территории Правобережной Украины, в центральной части Украинского Полесья. Накануне Великой Отечественной войны она граничила на западе с Ровенской, на юго-западе – с Каменец-Подольской, на юге – с Винницкой, на востоке – с Киевской областями, а на севере – с Белорусской ССР. Согласно переписи 1939 г., на территории Житомирской области проживали 1 701,5 тыс. чел., из них 346,8 тыс., или 20 % от общей численности, составляли жители городов. Центром области был Житомир, население которого перед началом Великой Отечественной войны достигало 95 тыс. чел. По национальному составу преимущественно это были украинцы, евреи, русские и поляки (Иващенко 1993: 7).

Промышленность Житомира составляли такие предприятия, как моторемонтный завод, мебельный комбинат, чулочная фабрика. В предвоенные годы в городе наращивали мощность кирпичный, спиртовой и пивоваренный заводы, кондитерская и макаронная фабрики, мясокомбинат. Всего в 1940 г. насчитывалось 62 предприятия. Развивалась и транспортная сфера: железнодорожным сообщением Житомир был связан с Киевом, Фастовом, Новоград-Волынским. Была построена асфальтная дорога Киев–Житомир–Новоград-Волынский. Действовал гражданский аэропорт.

В 1940 г. в городе функционировало 28 медицинских заведений, работало 129 докторов. В районе Малеванка был открыт санаторий, а на берегу р. Тетерев – Дом отдыха.

Развивалась и сфера образования и культуры. Накануне войны в городе действовали 31 школа, обучалось более 13 тыс. чел., работал 561 учитель. Разрасталась сеть средних специальных и высших учебных заведений. Кроме педагогического и учительского институтов, был создан Волынский сельскохозяйственный политехникум, который приравнялся к высшему учебному заведению, действовало 12 техникумов и училищ, в том числе дорожный, механический, музыкальное и педагогическое училища, фельдшерско-акушерская и фармацевтическая школы. Открылись научно-исследовательские станции хмелеводства и метеорологическая.

В быт житомирян вошло кино (действовало три кинотеатра), радио (с 1 января 1938 г. начал работу областной радиокомитет), с успехом

функционировал Украинский драматический театр им. Н. Щорса, расширили деятельность Дом народного творчества, Дворец пионеров и октябрят, областные библиотеки для взрослых и детей, четыре клуба, краеведческий музей. В 1938 г. был создан аэроклуб, где готовили пилотов, парашютистов, техников; более 20 тыс. чел. объединялось в спортивные общества (Иващенко 1994: 5-7).

22 июня 1941 г. Житомир одним из первых городов СССР был подвергнут бомбардировке немецкой авиации. За первые недели войны на фронт мобилизовали около 5 тыс. чел., среди них 3 тыс. комсомольцев, которые ушли воевать добровольцами. Из числа студентов педагогического и сельскохозяйственного институтов был создан истребительный батальон. С приближением фронта около 35 % житомирян выехали в восточные районы страны (Иващенко 1994: 7-8).

Уже к 9 июля 1941 г. Житомир был оккупирован нацистами. А 10 июля в городе появились лидеры украинских националистов – бандеровской походной группы (ОУН(б)) «Север». За время пребывания в Житомире до 11 июля они начали укомплектование украинской милиции и организовали областное управление (управу), первым председателем которого стал учитель Иван Луцюк; 1 августа 1941 г. его заменил житомирянин Александр Яценюк, в августе 1941 г. ставший членом ОУН(м) (мельниковцев). О функционировании управления свидетельствует изданное Луцюком распоряжение «О комендантском часе, возобновлении работы предприятий, регистрации евреев» от 11 июля 1941 г. (Ковальчук, Стельникович 2011: 26, 41, 43). Согласно постановлению Житомирского областного управления от 30 июля 1941 г. «О создании полиции на территории Житомирской области», в регионе окончилось укомплектование вспомогательной полиции (УС 1).

Интересно, что время для функционирования областной управы было недолгим: в середине ноября 1941 г., т.е. после создания рейхскомиссариата «Украина» и дальнейшего прихода на его территорию гражданской немецкой администрации, Житомирское областное управление ликвидировали, его органы перешли в ведомство Украинского бюро как вспомогательное звено при генеральном комиссариате «Житомир» (Ковальчук, Стельникович 2011: 45). Итак, в ноябре 1941 г. на территории Житомирской области создали 11 гебитскомиссариатов, одним из них был Житомир, в состав которого вошли г. Житомир, Житомирский, Трояновский, Черняховский районы (Жилюк 2008: 75).

«С первого дня оккупации коренным образом изменилась жизнь, – вспоминают А.П. Ремезов и В.И. Белова. – Город словно вымер. Лишь кое-где на улицах можно было увидеть местных жителей. Группами

прохаживались полицаи, немецкие солдаты и офицеры. Во многих местах у входа в магазины, кафе появились вывески «Только для немцев», объявления-предупреждения: «Появляться в городе после 19 часов строго запрещается. Нарушители будут наказаны» и другие. Все это было непривычным и возмутительным» (Ремезов, Белова 2002: 17). При малейшем подозрении житомирян арестовывали и держали под арестом несколько суток. Между тем очевидцы, а среди них и Дормидонд Талызин, вспоминают, что «немцы простое население не трогали, коммунистов только и евреев» (Жива історія 2010: 45).

Население от 18 до 45 лет исполняло трудовую повинность, работая по 14-16 часов в сутки. Тех, кто отказывался от работы, ждали тюрьмы и виселицы. Для увеличения численности работающих использовали агитацию, особенно при отправке на Запад (Лобода 2010: 66). И поначалу молодежь, которую вывозили на работы в Германию, восприняла это с восторгом, веря, что ее будут хорошо кормить и одевать (Жива історія 2010: 61).

Улицы были переименованы. Например, Большая Бердичевская стала называться улицей Адольфа Гитлера, Михайловская – Геринга, Киевская – фон Райхенау. Немцы ввели комендантский час: с 20:00 до 05:00 запрещалось появляться на улицах без специальных пропусков. Наказания ожидали граждан за несвоевременную явку на работу, уклонение от трудовой повинности, пользование радиоприемниками и несдачу велосипедов. Подозрительные лица могли быть расстрелены без суда и следствия (Костриця, Кондратюк 2007: 336). Так, уже в первые два дня оккупации на Сенной площади в Житомире гитлеровцы повесили 21 коммуниста. На Богунии – западной окраине города – нацисты устроили концентрационный лагерь № 358 для советских военнопленных, в котором ежедневно погибало около 400 чел. Массовое уничтожение больных и раненых советских воинов и мирного населения оккупанты проводили на 8-м километре Новоград-Волынского шоссе. Именно сюда нацисты привозили детей из детского дома по ул. Синельниковской, 12 и расстреливали их (Иващенко 1994: 8). Примечательна история создания этого учреждения. Согласно воспоминаниям воспитательницы Щеновской (1944 г.), детский дом начал работу в конце июля 1941 г., т. е. сразу после начала оккупации города гитлеровцами. Первых 14 детей из Дома малютки прислало городское управление. Дети, направлявшиеся городской управой или полицией, проходили медосмотр и изоляцию, а потом попадали в группы в зависимости от возраста. Сначала в учреждении было 40 детей. Питание – неудовлетворительное. Дважды в детдом приезжали немецкие солдаты, силой увозили часть детей в возрасте 4-15 лет, чтобы расстрелять. В августе – сентябре 1941 г. расстреляли 40-50 детей (Житомирщина 1: 47-48).

При малейшем подозрении невиновных людей гитлеровцы уничтожали физически. 19 июля 1941 г. в Житомире было расстреляно 100 чел. лишь за то, что в городе возник пожар. При этом оккупанты предупредили, что в случае повторения подобных «недружелюбных актов» наказание будет более суровым. Жители домов, находившихся на расстоянии 100 метров от места происшествия, оглашались подозреваемыми и подлежали аресту, несмотря на пол и возраст. 18 декабря 1941 г. житомирский генерал-комиссар Клемм рекомендовал своим подчиненным за каждый выстрел в рейхснемца расстреливать 10 человек, а за каждый случай ранения или убийства – 100 местных жителей независимо от пола (Иващенко, Солдатов 2002: 8). 5 мая 1942 г. вышло предупреждение житомирского генерал-комиссара, согласно которому любая форма помощи военнопленным-беглецам Красной армии - пристанищем или продуктами питания со стороны простого населения наказывалась тюрьмой или смертью (Житомирщина 2: 62). Рост партизанского движения на Украине, возраставшая поддержка партизанам со стороны местного населения заставили немецкое командование издать приказ, адресованный начальнику жандармерии г. Житомира (6 июня 1942 г.): «...приказываю расстреливать каждого человека, встреченного в лесу, неработающего, заподозренного в сотрудничестве с партизанами» (Житомирщина 2: 63).

Нередки были и случаи мародерства, когда грабили не только магазины, но и квартиры гражданского населения (Житомирщина 2: 83).

Но больше всего пострадало именно еврейское население города, согнанное в гетто, организованное в долине р. Каменки в юго-западной части Житомира. Отсюда евреев вывозили на грузовиках в лес около сел Довжик и Ивановка, где их расстреливали. В шести братских могилах здесь похоронены 9 623 еврея (Иващенко 1994: 9).

Южнее Довжика в 63-м квадрате Богунского лесничества проводили массовые расстрелы коммунистов, партизан и подпольщиков. В братской могиле покоится прах 10 тыс. патриотов, среди них и два Героя Советского Союза, руководители Житомирского подполья Г. Шелушков и А. Бородий. По данным Е.Н. Иващенко, в Житомире гитлеровцы замучили 67 тыс. военнослужащих и более 46 тыс. мирных жителей. Более 10 тыс. житомирян было вывезено на каторжные работы в Германию (Иващенко 1994: 9). Несколько слов скажем об условиях содержания военнопленных в Богунском концентрационном лагере, расположенном в западной части города, на территории бывшей военной части. Четыре кирпичных здания были обнесены несколькими рядами колючей проволоки, через которую пропускали электрический ток высокого напряжения. Около 100 тыс. красноармейцев и командиров согнали на эту местность, большую часть разместили под открытым небом. Неимоверная теснота не давала

возможности не то что лежать на земле, но даже стоять. В лагере установили невольничий труд. Ежедневно пленных выгоняли на тяжелые работы, обессиленных пристреливали на месте. Едой служили 100 г проса и пол-литра воды в сутки. Осенью 1941 г. в лагере вспыхнула эпидемия дизентерии и сыпного тифа (Пам'ятки археології 2009: 173).

Чтобы обезопасить себя от возможного сопротивления житомирян, оккупанты приказали местному населению сдать в обязательном порядке немецкой полиции огнестрельное оружие до 10 декабря 1941 г. Функцию выдачи документов на стрелковое оружие возложили на областного комиссара. Тот, кто после 10 декабря 1941 г. будет иметь оружие и боеприпасы, подлежит расстрелу, как враг (приказ житомирского генерал-комиссара от 27 ноября 1941 г.) (Житомирщина 1: 89-90).

Зарубежные и украинские исследователи отмечают, что сразу после прихода походных групп ОУН в Житомир город стал центром украинских националистов Надднепрянской Украины. И такой статус был у него до захвата нацистами Киева. Возможно, потому известный американский историк Джон Армстронг в монографии «Украинский национализм. Факты и исследования» отводит ситуации в Житомире в первые месяцы оккупации особое значение. Ученый считает, что это обстоятельство помогает осмыслить роль всего националистического движения на востоке Украины во время начального этапа его деятельности (Armstrong 1980: 91). В воспоминаниях деятелей и бандеровского, и мельниковского национального движения Житомир упомянут неоднократно, назван главным центром, штаб-квартирой, основной базой для пути на Киев. Здесь до захвата Киева немецкие войска сосредоточили большое количество руководящего состава ОУН обоих течений, отсюда переправляли оуновские кадры для налаживания подпольной деятельности в Киеве (Жилюк 2008: 32). И все же именно мельниковцы, выступавшие за тесное сотрудничество с немцами и занимавшие в украинском националистическом движении умеренную и консервативную позицию, имели преобладающее влияние на ситуацию в оккупированном Житомире.

П.-Р. Магочий утверждает, что центром мельниковской активности летом 1941 г. был именно Житомир. Украинские националисты направили свою деятельность на организацию административных и социально-экономических структур, сеть культурно-образовательных учреждений. Один из очевидцев событий того времени вспоминал: «В городе на каждом шагу ощущается новое, свежее дыхание украинской жизни, которая, несмотря на военные обстоятельства, быстро возрождается и находит для себя новые творческие формы» (Ковальчук, Стельникович 2011: 30-31). Сначала бандеровцы, а позже мельниковцы возглавили работу Житомирского городского управ-

ления. Первыми бургомистрами Житомира были Ю.А. Орищенко (в течение первых двух недель оккупации; в декабре 1941 г. был казнен нацистами вместе со своей женой), затем Д.А. Павловский (до ноября 1943 г.) (Ковальчук, Стельникович 2011: 34).

И все же неправильно будет утверждать, что Житомир был полностью охвачен националистическими идеями. По данным И. Ковальчука и С. Стельниковича, на 40-тысячный город национально сознательной интеллигенции насчитывалось около 500 чел. (Ковальчук, Стельникович 2011: 35).

В современной украинской историографии при описании периода оккупации Украины нацистами становится популярным параллельно с описанием зверств гитлеровцев показывать деятельность представителей украинского националистического движения как противостоящих им, уделять большое внимание реформам членов ОУН в культурно-образовательной сфере. Про участие украинских националистов в расправах над неугодными как-то писать не принято. Несомненно, украинские националисты, возглавлявшие управы и иные органы власти, участвовали во всех или в большинстве акций нацистов, искренне веря, что немцы даруют им независимость. Тем не менее не молчат очевидцы тех событий.

Житомирянин Франц Бржезицкий вспоминает: «Это было осенью 41-го. И когда уже понабирали молодых ребят в полицию, они начали расстреливать на Богунии евреев. Я слышал разговор знакомых полицейских, один говорит: “У меня уже палец болит нажимать на крючок”. А немец мне: “Ну хорошо, отдохни – пусть другой с юде поработает”. Хвалились золотыми перстнями, которые отбирали у обреченных женщин, девчат, смеялись: “Такие молоденькие, мы приказали раздеться, а они закрываются руками”». Ф. Бржезицкий недоумевает: «Это же можно с ума сойти – вчерашние десятиклассники, совсем молодые ребята! Это не бывалые бандиты были. Да если бы меня даже заставляли убивать, лучше четвертуйте!.. А они стреляли в детей, беременных женщин! Им было все равно в кого – а хоть в родных отца, мать. И это ж надо было так их выдрессировать! И таких много было. Найдите мне сейчас оправдание этому. А моя мать, мы еврейских детей, спасая от смерти, прятали у себя в доме за печью...» (Жива історія 2010: 46). Не менее ужасно воспоминание Галины Синьковской о казнях евреев на Богунии: «Сначала массовая казнь нас пугала, а потом мы привыкли... Немцы изредка принимали участие в казнях – грязную работу вместо них исполняли местные полицейские... Осенью 41-го расстрелы происходили почти каждый день» (Жива історія 2010: 46).

Сначала, действительно, гитлеровцы не мешали украинским соратникам использовать национальную символику, проводить украинизацию и даже активную культурно-общественную деятельность.

Так, современные исследователи И. Ковальчук и С. Стельникович отмечают, что с самого начала работы органов украинской местной администрации националисты значительное внимание уделяли тому, чтобы использовать национальную символику. Во второй половине 1941 г. они добились права вывешивать на помещениях областного, районного и сельских управлений украинские флаги. Примечательно, что несколько украинских флагов для Житомирского областного управления у себя дома пошила местная жительница Юлия Мережинская. Однако параллельно с украинской символикой на официальных учреждениях висели нацистские флаг и герб, а саму украинскую национальную символику по приказу нацистской оккупационной власти по всей Украине сняли в августе 1942 г. (Ковальчук, Стельникович 2011: 27-28).

Националисты при власти начали активную политику украинизации. 30 сентября 1941 г. А. Яценюк издал очередной приказ, в котором говорилось: «Еще раз напоминаю всем работающим в правительстве области о том, что украинский язык – это язык государственный, потому использование не украинского языка в государственных учреждениях Украины недоступно... Использование русского языка в учреждениях решительно запрещаю» (УС 8).

О работе Житомирского областного управления свидетельствует фискальная политика. Финансовое отделение управы разработало систему налогов: промышленный, подоходный с рабочих и служащих, налог с недвижимого имущества, земельный сбор. Кроме того, средства получали от реализации имущества населения, эвакуированного или убитого нацистами. Как временное мероприятие до издания закона о пенсиях, постановлением областной управы от 17 октября 1941 г. в каждом районе области образовывался специальный фонд для предоставления единовременного пособия пенсионерам, инвалидам, крайне нуждающимся материально. Фонд наполнялся за счет ежемесячных взносов от служащих и рабочих всех учреждений, организаций и предприятий областного, районного и сельского значения, а также взносов от собственников торгово-промышленных предприятий и лиц, занимавшихся собственным промыслом. Размер взноса устанавливался в процентном соотношении к размеру зарплаты: для лиц с зарплатой до 600 руб. – 1 %, от 600 до 1 500 руб. – 1,5 %, более 1 500 руб. – 2 % (Жилюк 2008: 47). Известно, что во время оккупации в сельской местности действовала колхозная система; местное население было привлечено к восстановлению предприятий.

Интересно, что при Житомирском городском управлении в годы оккупации функционировала так называемая женская секция (до 1 сентября 1941 г.; с сентября до ноября 1941 г. она называлась жен-

ским отделом биржи труда Житомирского городского управления). В ее штат входили руководитель, секретарь и переводчик-фольксдойч. Отдел биржи труда проводил регистрацию женщин города, помогал им в трудоустройстве и выдавал продуктовые карточки. В обязанности председателя женского отдела входили также опека над беспризорными детьми, нищими, реставрация церквей. Известно, что в Житомире открыли детский дом, была налажена помощь в работе Дома малютки. Председатель женского отдела (до ноября 1941 г.) Ю. Мережинская, уволенная из-за сокращения штата, по предложению городского головы Д. Павловского возглавила Комитет помощи военнопленным, в состав которого входили в основном женщины, работавшие на управленческих должностях, учителями, врачами. Сотрудники комитета осуществляли сбор вещей для раненых пленных красноармейцев лагеря на Богунии, открыли кухню при 2-й городской поликлинике, где питались раненые военнопленные, отремонтировали помещения поликлиники и начали сооружение бани, перевели из лагеря в больницу раненых и больных сыпным тифом. Помощь комитета предоставлялась и раненым немецким солдатам. Источниками финансирования являлись розыгрыши лотерей, проведение благотворительных концертов, пожертвования населения. Однако этого явно не хватало. В январе 1942 г. учреждение прекратило свое существование (Ковальчук, Стельникович 2011: 39-40).

Местная оккупационная пресса писала о работе областного и городского отделов охраны здоровья. Так, в середине августа 1941 г. были открыты центральная и детская поликлиники, отделение для пациентов с хроническими болезнями для 183 человек, Дом престарелых на 23 человека, налажена работа скорой помощи, продолжали работу Дома малютки, умственно отсталых детей, костно-туберкулезных болезней на 60 детей каждый. В Житомирской больнице функционировали хирургический, психиатрический отделы и отдел помощи роженицам. Бактериологический отдел лаборатории занимался проведением анализов воды и пищи, отдельно работал пункт по борьбе с бешенством. Противоэпидемическая служба стояла на страже борьбы с инфекционными болезнями, контролировала санитарное состояние буфетов и столовых (УС 3). Отделы охраны здоровья занимались регистрацией медицинских работников. Планировалось, что во всех медицинских учреждениях Житомира будут работать 36 врачей и 109 лиц среднего медицинского персонала (УС 7).

Во время оккупации не прекратили работы и предприятия города. Работал пивоваренный завод; на моторемонтный завод немцы завезли специальное оборудование для производства поршней, колец для них и гильз. Работники фабрики лекарственных растений

принимали сырье и упаковывали его, однако производить лекарства не могли, так как закопали самое важное оборудование (Иващенко 1994: 10–11). Работал и Соколовский карьер, камень вывозился в Германию (Жива історія 2010: 52).

Из интервью председателя Житомирской управы Д. Павловского о работе в первые месяцы после прихода немцев явствует, что украинские националисты взялись контролировать всю систему функционирования города. Павловский хвалился, что удалось очистить улицы города от руин, упорядочить базарные площади, взять на учет и распределить по магазинам товары; открылись новые мебельные магазины, заработали слесарная, обувная и художественная мастерские, мужские и женские парикмахерские, прачечная, водогонная и электрическая станции; проводились работы по восстановлению движения трамваев (Жилук 2008: 57). Очевидица тех событий Лидия Бабская вспоминает, что при немцах снова начали работать электростанции, куда за паек ходили на работу люди из района. Начальником был офицер Генрих Мопс. Почти каждый день для тяжелых работ туда пригоняли колонны военнопленных (Жива історія 2010: 48–49).

К сожалению, мало внимания в научной и мемуарной литературе уделено вопросам жилищного обеспечения. Из воспоминаний Софии Брунак узнаем, что она с матерью проживала в квартире на территории больницы. Немцы семью оттуда выгнали, соседей рассортировали. Семья Брунак поселилась в подвале еврейской больницы (Жива історія 2010: 49). В поисках угля жители Житомира ходили на свалку электростанции и просеивали его. В лесу за речкой собирали хворост, потому что немцы запретили рубить деревья (Жива історія 2010: 53).

Катастрофически не хватало провианта. Многие люди ходили по домам с корзинками, чтобы обмениваться продуктами питания (Денисенко 2002: 168). Часто ездили по селам на попутках и обменивали вещи на еду. Лидия Бабская вспоминает, что голодать их семья стала в конце осени 1941 г. Чтобы хоть как-то прокормиться, девочка вместе с братом ходила за город на ближайшие поля – насобирать колосков или найти какие-то овощи. «Иногда единственной нашей пищей была сахарная свекла, которую мама выпекала в печке. Зимой кто-то из знакомых сообщил, что в Виннице на рынке можно купить продукты за советские деньги. Мама вместе с теткой на попутной военной машине словаков съездили в соседнюю область и привезли хлеб, сало, масло – это был настоящий праздник! В тот же вечер в наш дом пришло много соседей, которые все раскупили и заказали маме привезти еще. Так она дважды, а то и трижды в неделю начала ездить в Винницу за продуктами. Добраться туда и назад было легко, немцы и словаки часто подвозили таких, как она. Иногда, договариваясь за

пачку папирос, ее забирали прямо возле дома. Почти всю оккупацию мама ездила в Винницу и другие города, покупая и выменивая продукты. Благодаря этому мы смогли выжить». Также очевидица упоминает, что самой большой проблемой во время войны было отсутствие соли. За ней дети ходили на овчинно-шубную фабрику на Смолянке, где в разбитом складе по уголкам можно было наскрести технической соли. Она была очень грязная, вперемешку с песком и ворсом, вечерами вся семья усаживалась перебирать ее. Когда же соль закончилась, мама поехала в Бердичев на кожевенную фабрику, где также были остатки технической соли (Жива історія 2010: 52). В. Жилук отмечает, что с целью упорядочения обеспечения жителей Житомира нормированными продуктами питания город поделили на 50 участков и открыли 25 магазинов. Каждый житель должен был предоставить в магазин справки о месте работы и количестве иждивенцев и получить удостоверение о праве на получение пищевых продуктов (Жилук 2008: 57).

В 1942 г., вспоминает Лидия Бабская, в Житомире начали работать магазины, рынок, некоторые производства и мелкие мастерские. «Нашим гражданам за работу платили оккупационными деньгами, за которые можно было приобрести любые товары. Например, буханка хлеба стоила 100 карбованцев, а литр масла – 180. Каждые выходные в районе электростанции работал рынок, куда с продуктами приезжали жители из окрестных сел. У них можно было выменять продукты на вещи» (Жива історія 2010: 52).

Кардинальными были изменения в культурно-образовательной сфере. Так, вопросами образования в пределах области занимался отдел народного образования при Житомирском областном управлении. Будучи парафией представителей ОУН, отдел стал активно проводить агитацию идеологии украинского национализма, прежде всего, среди молодежи. Глава отдела в 1941 г. Александр Мережинский произвел перестройку всей образовательной системы, которая теперь включала четырехлетнюю школу как обязательный образовательный уровень; семилетнюю школу, проводившую подготовку к поступлению в техникумы и гимназии; гимназии, по окончании которых открывалась дорога в высшие учебные заведения. К примеру, по состоянию на 1 сентября 1941 г. в одном только Житомире открыли 12 школ. Отдел образования областного управления разработал учебные планы для четырех- и семилетних школ (Ковальчук, Стельникович 2011: 56).

О системе обучения в школах читаем у Лидии Бабской. Во время оккупации занятия проводились на украинском языке. В одной комнате сидели сразу три класса: первый, второй и третий, один учитель объяснял всем одновременно. Учились по советским учебникам, в

которых были только заклеены портреты Ленина и Сталина (Жива історія 2010: 53). Галина Синьковская отмечает, что в ее классе на стену повесили портрет Гитлера и икону, а ученикам приказали зачеркнуть в старых учебниках все, связанное с советской властью. Учителя ожидали появления новых учебников из Львова. Преподавателей в классе было два – «немец и наш, математик, которого заставили» (Жива історія 2010: 53). Н. Борович вспоминает, что книжек, тетрадок, ручек и карандашей не хватало. Дети писали по очереди на старых газетах, между строк (Борович (Ткачук) 2002: 243).

В Житомире делали попытку открыть и специальные учреждения образования. В помещении областного управления в конце лета 1941 г. начали прием заявлений абитуриентов в Житомирскую женскую учительскую семинарию, готовившую классоводов начальной школы. Молодежь в возрасте 15-25 лет подавала свидетельство об образовании, метрическую выписку, характеристику от местной власти и паспорт. По конкурсу свидетельств и переводных оценок на первый курс принимали поступающих с образованием 7-8 классов, на второй – 8-9 классов, на третий курс – 9-10 классов средней школы. На соответствующие курсы семинарии зачислялись и ученики бывших медшкол (УС 7). Директором учебного заведения назначили К.И. Галактионова. Однако, как свидетельствует В. Жилюк, нацисты, несмотря на многочисленные просьбы интеллигенции, открыть это учебное заведение не позволили (Жилюк 2008: 50).

В то же время украинские националисты планировали издание собственных учебников. Так, в 1942 г. один из активних членов ОУН(м) К.И. Галактионов и еще 21 учитель составили текст «Читанки» для четвертых классов украинских школ, в марте 1943 г. рабочая группа учителей занялась составлением учебника по грамматике и чтению для учеников третьих классов украинских школ (Ковальчук, Стельникович 2011: 36, 40).

В городе во время оккупации была открыта техническая школа. До 15 сентября 1941 г. она проводила регистрацию бывших студентов Житомирского механического, дорожного и Бердического строительного техникумов, а также осуществляла набор на электро-механическое, дорожное и строительное отделения. Абитуриентами могли стать лица в возрасте от 15 до 30 лет, окончившие 7 классов и подавшие автобиографию, метрику, свидетельство об образовании, медицинскую справку и две фотографии. Все желающие учиться обеспечивались столовой и общежитием (УС 7).

Работали и Житомирский сельскохозяйственный институт, школа при нем. Среди преподававшихся предметов – украинский язык и деловедение (Ковальчук, Стельникович 2011: 40). В августе-сентябре

1941 г. проводился прием абитуриентов на факультеты историко-филологический (гуманитарный), естественно-географический и физико-математический (по 60 студентов на каждый) Житомирского учительского института. Студентов II и III курсов бывшего учительского и педагогического институтов зачисляли без экзаменов на соответствующие факультеты и курсы после подачи метрики, паспорта, характеристики местной власти, медицинской справки. На I курс института имели право поступать лица в возрасте от 17 до 30 лет с полным средним образованием. Результаты поступления определялись по конкурсу аттестатов. Время обучения в институте составляло 6-8 семестров (УС 2). При всех факультетах института открыли экстернат, куда принимали учителей начальных и народных школ с полным средним образованием. 25 августа 1941 г. состоялось первое собрание преподавательского коллектива института (УС 7). Местная пресса сообщала, что желающих получать высшее образование в Житомирском учительском институте было больше, чем вакантных мест. К примеру, только на историко-филологический факультет записалось 260 студентов. Канцелярия зачислила в институт более 600 чел. Кардинальным образом изменили учебную программу. Обязательными для всех студентов стали такие дисциплины, как богословие, философия религии, общая история церкви и история украинской церкви, история Украины, этика. В расписании запланировали выделить часы для занятий гимнастикой, танцами, пением, теорией музыки (УС 6).

Украинские националисты основали и свои издания, которые оказались еще одним средством пропаганды как нацистской, так и украинской националистической. 3 августа 1941 г. вышел первый номер украиноязычной газеты «Українське слово» («Украинское слово»), всего до 5 октября 1941 г. было издано 19 номеров. Газета печаталась в четверг и воскресенье. Главным редактором был член ОУН Иван Рогач. «Украинское слово» позиционировало себя как областная газета; издавалась форматом А3 на 4 страницах. Стоимость одного экземпляра составляла 30 коп. Материалы газеты поддавались немецкой военной цензуре. Структурно в ней размещалась информация с фронтов Второй мировой, где особое внимание уделялось успешным действиям вермахта и союзников, обращениям командования немецкой армии. Между тем много места в газете отводилось информации о повседневной жизни Житомира. Отдельные статьи посвящались налаживанию работы учительского и сельскохозяйственного институтов, вопросам религиозной жизни на Житомирщине. Значительное внимание уделялось публикациям культурологического характера. Среди них – статьи А. Лугового «Корифей украинского национального театра» (посвящена годовщине со дня смерти П. Саксаганского) (УС

8), «Великий писатель украинского народа» (посвящена 85-летию со дня рождения И. Франко) (УС 5), А. Барановского «Гетман Иван Мазепа» (УС 6), а также отрывок из романа Николая Хвылевого «Вальдшнепы» (УС 7). Нашли место в газете и публикации исторического характера – статья Г. Геккеля «Украина» с иллюстрациями-портретами украинских культурных и политических деятелей (Тарас Шевченко, Леся Украинка, князь Святослав, Иван Мазепа, Богдан Хмельницкий, Петро Дорошенко, княгиня Ольга, Симон Петлюра) (УС 9); документально-публицистический материал о голодоморе 1932-1933 гг. и репрессиях 1937-1938 гг. (УС 3).

9 октября 1941 г. вместо переехавшего в Киев «Украинского слова» в Житомире вышел один номер газеты «Перемога» («Победа»), главный редактор – Д. Маслий. Цена газеты – 30 коп. (Перемога 1941). 12 октября 1941 г. вместо «Перемоги» вышел первый выпуск газеты «Голос Волині» («Голос Волыни»), редактор – Д. Маслий. До 14 декабря 1941 г. в шапке издания помещались изображение трезубца и лозунг «Слава Україні!» («Слава Украине!») (ГВ 4). Газета также издавалась каждый четверг и воскресенье на 4 страницах А3 до декабря 1941 г., стоимость экземпляра составляла 30 коп., позже – 50 коп. Украинская проблематика прослеживается в названиях статей «Из истории Житомирского собора» (ГВ 1), «Украинская песня» (ГВ 2). Постоянными были «Литературные странички» (ГВ 3). Большая часть материалов выходила анонимно. После увольнения Д. Маслия с поста главного редактора в конце ноября 1941 г. «Голос Волыни» окончательно превратился в печатный орган немецкой оккупационной администрации (Ковальчук, Стельникович 2011: 76).

Не прекратил работы в годы оккупации и Житомирский городской украинский театр. В. Жилук рассматривает его деятельность как одно из направлений работы отдела пропаганды. Организацией театра в Житомире занимались танцовщик И.С. Пустовойтенко, первым директором стал А.П. Семерда (вскоре будет казнен нацистами; второй директор – И. Клипаченко (1942 – июнь 1943 гг.); третий – И. Пустовойтенко). Регистрацией работников искусства занимался А.М. Карпинчук. Театральный сезон в городе начался 1 августа 1941 г. постановкой пьесы И. Котляревского «Наталка Полтавка» (Жилук 2008: 54–55). Среди наиболее известных спектаклей – пьесы украинских классиков («Запорожец за Дунаем», «Наталка Полтавка», «Назар Стодоля», «Сорочинская ярмарка») и украинских националистов, осужденных в свое время советской властью за контрреволюционную деятельность. Дирекция театра обязала работников разговаривать исключительно по-украински; также в коллективе существовала группа «самостийников» (П. Борисовский, И. Ковалевский, Коваленко, И. Клипаченко).

При театре работала хоровая капелла, исполнявшая украинские народные песни. Осенью 1941 г. капеллу по приказу немецких оккупантов присоединили к фронтовой бригаде по обслуживанию военных частей. В сентябре 1943 г. житомирский хор практически в полном составе выехал в Германию, где обслуживал остарбайтеров (остаться дома разрешили лишь тем, у кого были маленькие дети) (Жилюк 2008: 59-61).

По мнению украинского историка В. Гинды, немецкая администрация рассматривала театр как одно из эффективных средств обеспечения культурного отдыха военных. Поэтому большинство театральных постановок в 1941 г. артисты представляли для военнослужащих, а не для местного населения (Гинда 2010: 703). Свидетельство этому находим и в исследовании С. Стельниковича, который отмечает, что на премьерах в Житомирском городском театре часто присутствовали генеральный комиссар Курт Клемм (позже Эрнст Ляйзер), штадtkомиссар Фриц Магас, руководители отделов генерального комиссариата и штадtkомиссариата. 3 ноября 1941 г. специально подготовленную оперу «Запорожец за Дунаем» посетил президент Словакии Й. Тисо, который на радостях решил передать в пользу театра 50 тыс. руб. (Стельникович 2013: 133).

По инициативе упомянутого выше А. Мережинского в Житомире возник Житомирский областной украинский клуб по адресу: улица Геринга, 12. Художественным руководителем, а вскоре директором клуба был Леонид Пинтов. В уставе Житомирского областного украинского клуба, утвержденном гебитскомиссариатом как дата образования, указано 11 июля 1941 г. (ГАЖО: 6), хотя сам Пинтов утверждал, что клуб начал реальную работу лишь с августа 1941 г. (Ковальчук, Стельникович 2011: 57). Согласно уставу, главной задачей клуба было культурное обслуживание гражданских и военных лиц во время их досуга постановками пьес, концертами, художественными и литературными вечерами, выступлениями спортивных групп, исполнением вокально-сольных номеров, организацией футбольных, волейбольных, баскетбольных матчей (ГАЖО: 16).

Структура клуба была довольно разветвленной. Он состоял из трех отделов: административного, культурно-просветительского и спортивного. В состав административного отдела входили директор, его заместитель (он же администратор), главный режиссер, секретарь-счетовод, завхоз, главный инструктор спорта. К культурно-просветительскому отделу (с сентября 1941 г. известен как Просветительское общество имени Симона Петлюры) относились кружки и коллективы (драматические кружки, хоровой коллектив, танцевальный ансамбль, уховая капелла, структурный кружок, кружок изучения немецкого язы-

ка, кружок изучения Закона Божьего и истории церкви, литературный кружок, кружок искусства, капелла бандуристов). В спортивный отдел (с сентября 1941 г. назывался спортивное общество «Сичь») входили такие секции, как акробатическая, тяжелоатлетическая (штангисты), кружок по изучению французской борьбы и бокса, фехтовальный кружок, футбольные, волейбольные, баскетбольные и другие команды (ГАЖО: 17 об.).

Клуб содержался за счет сборов от организации концертных вечеров, футбольных матчей, постановок пьес (ГАЖО: 18 об.). В футбольную команду Житомирского клуба входили 25 мужчин, а вообще в клубе насчитывалось 196 человек. Этими кружками с 11 июля 1941 г. по 22 января 1942 г. было проведено 15 футбольных матчей, 48 концертов, 45 пьес, 4 вечера цирковых программ (ГАЖО: 48 об.). Выступления организовывались преимущественно для украинского населения Житомира, хотя иногда артистам приходилось давать концерты и в немецких военных частях; футбольная команда клуба провела ряд встреч как с немецкими военными, так и с местными украинскими дружинами. За каждый концерт или постановку артистам и спортсменам клуба устанавливалась соответствующая плата (ГАЖО: 39-39 об.).

Л. Пинтов отмечал, что большинство членов клуба поступали в него лишь для того, чтобы получить свидетельство о работе и не попасть в списки остарбайтеров. Кроме того, согласимся с мнением В. Гинды, что членами спортивных организаций, созданных деятелями ОУН, могли быть лишь украинцы по национальности, что говорит об их закрытом характере и незначительной популярности (Гинда интернет). Воспитанная на коммунистических идеалах молодежь не понимала насквозь пропитанной национальными стремлениями к независимости культурно-образовательной работы. Потому одни занимали выжидательную позицию, другие просто боялись поступать в организации, вследствие чего их нельзя назвать многочисленными. Кроме того, они были крайне политизированными, что вызывало постоянные противоречия в отношениях с нацистскими оккупантами (Гинда 2007: 16).

Проводилась пропаганда и посредством спорта. Газеты области постоянно передавали спортивные новости мира. Так, об октябрьской игре 1941 г. немцев с финнами (6:0) на олимпийской площади в Хельсинки сообщила житомирская газета «Голос Волини». У житомирского спортивного общества «Сичь» по улице Михайловская, 35, был свой магазинчик, который состоял из двух отделов – спортивного и культтоваров и приносил незначительный доход. В магазине продавались различные запасные части для велосипедов, лыж, коньков и др. (Перемога 1941).

В самом Житомире футбольные матчи проводились регулярно. На стадионах немцы обычно получали места лучше, чем украинцы, цена билетов также отличалась. Для того чтобы посмотреть матч житомирской «Сичи», немцам предлагались билеты по цене 1,5 руб., а местному населению – по 3 руб. (УС 3).

Организатором и тренером первой футбольной команды «Сокол» был Бестужев, вторую команду – «Тризуб» (рус. «Трезубец») возглавлял Мотренко. Обе они действовали под эгидой спортивного общества «Сичь». За август–сентябрь 1941 г. житомирские футболисты сыграли четыре матча с немецкими солдатами: первые два проиграли, третий сыграли вничью, а четвертый выиграли (УС 3; УС 4; УС 6; УС 7). Судя по прессе, за весь период оккупации Житомира местные футболисты провели с немцами около 25 матчей, однако результатов большинства поединков не было напечатано. Последние футбольные встречи в Житомире зафиксированы летом 1943 г. Исходя из заметок в прессе, отношения между соперниками на поле нельзя назвать антагонистическими. Так, перед началом поединка 17 августа 1941 г., который посетило более 1 тыс. зрителей, житомирская команда вручила немецкой букет цветов. На стадионе во время матча играл духовой оркестр (УС 3). Футбольные поединки в Бердичеве сопровождалась игрой гимна «Ще не вмерла Україна» («Еще не умерла Украина»). Украинский историк Владимир Гинда отмечает, что практически всегда перед началом футбольных матчей по инициативе немецкой стороны происходили импровизированные приветствия немецких футболистов украинской молодежью в национальных костюмах, все это фотографировали или снимали на киноплёнку и потом использовали в западной прессе или перебрасывали в тыл советских войск, чтобы показать, как хорошо живется при новой власти (Гинда интернет).

Может показаться странным и неправдоподобным, что в годы нацистской оккупации в городе жизнь не остановилась. Очевидец тех событий Франц Бржезицкий вспоминает, что «все было буднично, прозаично и как-то даже не по-военному тихо и трагично... во время войны будто бы обычная, бытовая жизнь продолжалась, дети ходили в школу, мальчики заигрывали с девочками» (Бржезицкий 2010: 8). Современный украинский историк В. Удовик утверждает, что «возрождение нормальной жизни» (на примере кинотеатров и городских театров) следует рассматривать со стороны немцев как распространенный пропагандистский шаг, сделанный для того, чтобы прикрыть настоящие цели захвата украинских земель. На фоне закрытых магазинов и огромных спекулятивных цен на рынках открытие заведений культуры воспринималось большинством населения

сначала отрицательно, лишь украинская интеллигенция радовалась возрождению культуры в национальном духе. Вскоре эйфория первых дней сменилась буднями оккупации: население восприняло функционирование заведений культуры как способ отвлечения от ужасов будничной жизни, а националистические силы – как способ сохранения украинских традиций (Удовик 2005: 329).

Г. Синьковская отмечает, что «люди тогда, в 41-м, были настолько подавлены, что, наверное, считали: сопротивляться бесполезно – немцы повсюду и пришли навсегда. Они не верили, что наши вернутся» (Жива історія 2010: 46). Абсолютное большинство украинцев под немецкой оккупацией занимало пассивную позицию: их главной обеспокоенностью являлось повседневное выживание, что, по сути, было характерно для общей схемы поведения центрально- и восточнославянских народов на оккупированной немцами территории. Так считает известный украинский историк Ярослав Грицак (Грицак 2000: 237).

Немцы внесли существенные изменения в религиозную ситуацию в стране, разрешив открытие церквей. Этим они пытались продемонстрировать свое верховенство по сравнению с советской властью, однако и предоставлять полную религиозную свободу не собирались. В августе 1941 г. начальник штаба немецкой военной части вызвал благочинного Житомира Бориса Якубовского и приказал ему не допускать никаких церковных процессий, а священникам запретил выступать на религиозные темы. Глава областной управы А. Яценюк и городской голова Д. Павловский обещали Б. Якубовскому помощь в возрождении храмов. Для ремонта храмов управы выделяли бесплатно строительные материалы, транспорт, рабочих; подсобные работы поручали военнопленным, за которыми следили немецкие солдаты и украинская полиция (Жилюк 2008: 52-53). Религиозные вопросы были в компетенции отдела культов, который занимался приемом ходатайств об открытии церквей и назначением священников. Так, к сентябрю 1941 г. в отдел культов пришли 106 ходатайств, там взяли на учет 83 священника, открыли 51 церковь, в том числе 6 в Житомире (УС 7). По данным В. Жилюк, в Житомире, согласно переписи населения по состоянию на 1 октября 1941 г., 73,5 % жителей исповедывало православие, 19,2 % – католицизм, 3,7 % – лютеранство, 3,6 % – другие религии, действовали два костела, велась работа по открытию лютеранской кирхи и церкви старообрядцев (Жилюк 2008: 53).

Пропаганда осуществлялась и посредством радио. К концу 1941 г. весь Житомир был охвачен радиосетью. Работами по восстановлению работы радио занимались специальная немецкая бригада и два украинских националиста – Голейко и Стефаник. Дважды в день по

радио диктор передавал на украинском языке сообщения о ситуации на фронте (на немецком языке это делал работник бригады), перед сообщениями в эфире звучали украинские песни (Жилюк 2008: 69).

На учреждениях повсюду появились украинские желто-голубые флаги, на документации украинской администрации ставился трезубец; интеллигенция начала носить на груди значки с изображением трезубца или желто-голубые ленточки. В Житомире снесли памятники большевистским вождям, у некоторых даже было желание уничтожить памятник А. Пушкину (Жилюк 2008: 70).

Между тем украинские историки обращают внимание на тот факт, что уже с ноября 1941 г. отношение гитлеровцев к украинской администрации на местах кардинально изменилось, особенно после празднования украинцами 20-летней годовщины казни большевиками 359 воинов армии Украинской Народной Республики (21 ноября 1921 г., с. Базар на Житомирщине). С этого момента начинаются массовые аресты и самих националистов. Им запрещены любая политическая деятельность, публичные собрания и демонстрации, создание новых обществ, а за существующими установили надзор оккупационной власти. Немцы запретили использовать украинскую национальную символику, употребление слова «Сичь». Немецкая администрация прекратила финансирование содержания детских домов и домов инвалидов. Контроль за религиозной деятельностью возложили на политический отдел Генералкомиссариата через уполномоченного по религиозным вопросам немца Ленгофа. От его решения зависело открытие церквей. С сентября 1942 г. епископ Леонтий получал от оккупантов тезисы, которые должны были лечь в основу обращений к верующим. Основными призывами церкви стали: сопротивление любому сопротивлению, отъезд в Германию и необходимость сбора урожая (Жилюк 2008: 82-83, 85-86).

Не секрет, что немцы планировали вывозить культурные ценности с оккупированных территорий. Отправке в Германию подлежала и коллекция Волинского центрального музея, а именно 2 тыс. полотен (в том числе произведения Рубенса, Веронезе, Тициана, Тома). Об этом свидетельствует отчет Житомирской рабочей группы оперативного штаба Розенберга от 8 июля 1942 г. (Житомирщина 2: 63-64). Мало того: поначалу оккупанты не гнушались вывозить все содержимое больших домов, даже мебель. «Машины, моторы, аппараты, запасные части, книги и даже целые библиотеки, драгоценности – все это вывозилось в Германию. Обо всех этих грабежах немецким руководителям было известно все, но они ничего не предпринимали против них, наоборот, они сами приказывали грабить и даже сами организовывали такие грабежи, – заявлял военнопленный, ефрейтор 14-й роты 3-го

батальона 218-го полка 7-й горно-стрелковой немецкой дивизии Е. Гафнер. – ...В больших домах все было обыскано и сломано, при этом ценные вещи и мебель ломались так, чтобы они становились пригодными только на топливо...» (Житомирщина 2: 83).

В Житомире были открыты публичные дома, процветала проституция. Примечательно, что в одних документах появление публичных домов датировано уже 1941 годом, в других – 1943-м. Возможно, речь идет о неофициальном и стихийном явлении проституции в начале оккупации и ее организованном характере позже. Так, в директиве генералкомиссара гебитскомиссару в Житомире от 28 января 1943 г. сообщается: «После обмена мыслями между райхскомиссаром и главнокомандующим военными силами решено, что в определенном числе больших городов Украины с помощью гражданского управления открываются военным управлением публичные дома. Санитарное обеспечение возложено на военно-санитарных офицеров... Эти учреждения будут управляться предпринимательницами из Западной Европы. Главнокомандующий согласен, чтобы 1-2 дня в неделю публичный дом предоставлялся служащим гражданского управления. Предлагаю вам поддержать городские комендатуры предоставлением соответствующих домов и мебели при устройстве домов. К указанным городам намечены, между прочим, Житомир и Звягель (Новоград-Волынский)» (Житомирщина 1: 80-81).

В 1943 г., пытаясь пополнить свои трудовые ресурсы, немцы объявили, что все подростки должны пройти проверку здоровья. В бывшей школе № 17 они открыли проверочный пункт. Особую тревогу у немцев вызывал туберкулез, однако для флюорографии и рентгеновских снимков фотопленки не было. На специально отпечатанных бланках с изображением легких врачи отмечали точками очаги туберкулеза. В.А. Прохорова утверждает, что именно таким образом удалось освободить десятки юношей и девушек от отправки в Германию (Прохорова 2002: 232). Некоторые врачи тайком собирали медикаменты и передавали их нуждающимся житомирянам. София Брунак вспоминает, как уролог Ильченко и дерматолог Краснов выписывали девушкам такие медицинские справки, что нацисты отказывались угонять их в Германию (Жива історія 2010: 49).

Таким образом, если в первые месяцы нацистской оккупации украинские националисты, свято верившие в возможность с помощью Германии создать независимое государство, еще находились при власти, будучи, по сути, правой рукой оккупантов, но при этом имея возможность для проведения украинизации, что особенно было заметно в сфере культуры, то с ноября-декабря 1941 г. ситуация кардинально меняется. С того времени гитлеровцы желают полного

контроля над окупованою територією, українські націоналісти, багато з яких самі стають жертвами нового режиму, змушені вибирати – або повне злиття з нацистами і безпрекословне підкорення будь-яким вказанням німців, або опозиція і можливість фізичного знищення. Що ж до простого населення Житомира, не співчувавшого ідеї відродження незалежного українського державства, то для нього окупація стала боротьбою за виживання. Імевшись у визначеної частини населення в перші місяці приходу нової влади надії на «світле майбутнє» дуже швидко розвіялись, коли смерть коснулася або майже коснулася родини кожного мешканця окупованого Житомира.

Житомир від нацистських захопників звільнили 31 грудня 1943 г. (Іващенко 1994: 15).

ЛИТЕРАТУРА

Борович (Ткачук) 2002 - Борович (Ткачук) Н. Життя, віддане дітям // Життя, сповнене тривоги. Жінки Житомирщини у роки Великої Вітчизняної війни. Житомир: Житомир, 2002. С. 243-244.

Бржезіцький 2010 - Бржезіцький Ф. Окупація була буденною, тихою та не по-воєнному трагічною // Відродження Житомира: газета Фонду Михайла Заславського. 2010. № 15 (11 травня).

ГАЗО - Державний архів Житомирської області. Ф-С.1152. Оп. 1. Д. 11. 48 л.

Гінда 2010 - Гінда В. Культура, освіта і спорт під час окупації // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст. Історичні нариси. У 2 кн. Київ: Наукова думка, 2010. Кн. 1. С. 697-732.

Гінда інтернет - Гінда В. Націоналісти з м'ячем. URL: <http://www.umoloda.kiev.ua/regions/0/118/0/60733/> (дата звернення: 10 квітня 2015).

Гінда 2007 - Гінда В. Освіта в роки німецької окупації у генеральному окрузі «Житомир» 1941–1944 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Черкаси, 2007. 18 с.

ГВ 1 - Голос Волині. Житомир. 1941. 12 грудня.

ГВ 2 - Голос Волині. Житомир. 1941. 23 грудня.

ГВ 3 - Голос Волині. Житомир. 1941. 9 листопада.

ГВ 4 - Голос Волині. Житомир. 1941. 14 грудня.

Грицак 2000 - Грицак Я.Й. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX-XX ст. Київ: Генеза, 2000. 360 с.

Денисенко 2002 - Денисенко Г. Жива у пам'яті народній // Життя, сповнене тривоги. Жінки Житомирщини у роки Великої Вітчизняної війни. Житомир: Житомир, 2002. С. 168-169.

Жива історія 2010 - Жива історія Житомира. Історичний альманах. Вип. 1 / Упорядники: М. Гоманюк, О. Гуцалюк, Ю. Малихін. Житомир: Фонд Заславського, 2010. 116 с.

Жилук 2008 - Жилук В.М. Діяльність ОУН та УПА на Житомирщині у 1941-1955 рр. Рівне: Волинські обереги, 2008. 308 с.

Житомирщина 1 - Житомирщина в період тимчасової окупації німецько-фашистськими загарбниками. 1941-1944 рр. Збірник документів. Житомир: Радянська Житомирщина, 1948. 220 с.

Житомирщина 2 - Житомирщина у Великій Вітчизняній війні 1941-1945 рр. Збірник документів та матеріалів. Київ: Наукова думка, 1969. 292 с.

Іващенко 1994 - Іващенко О.М. Житомир // Книга пам'яті України. Житомирська область. М. Житомир. Житомирський район. Житомир: Льонок, 1994. Т. 4. С. 5-18.

Іващенко, Солдатов 2002 - Іващенко О.М. Солдатов О.Ф. Жертвам фашизму – вічна пам'ять // Книга Скорботи України. Житомирська область. Житомир: Льонок, 2002. Т. 1. С. 7-22.

Іващенко 1993 - Іващенко О.М. Житомирська область // Книга пам'яті України. Житомирська область. Андрушівський район. Баранівський район. Житомир: Льонок, 1993. Т. 1. С. 7-31.

Ковальчук, Стельникович 2011 - Ковальчук І.В., Стельникович С.В. Нарис історії діяльності ОУН під проводом А. Мельника на Житомирщині у другій половині 1941 року. Житомир: Рута, 2011. 188 с.

Костриця, Кондратюк 2007 - Костриця М.Ю., Кондратюк Р.Ю. Житомир: підручна книга з краєзнавства. Житомир: Косенко, 2007. 464 с.

Лобода 2010 - Лобода М.К. Політика і практика працевикористання в окупованій Україні (1941-1944 рр.) // Український історичний журнал. 2010. № 3. С. 64-75.

Пам'ятки археології 2009 - Пам'ятки археології, історії та монументального мистецтва / За заг. ред. Г. Мокрицького / Енциклопедія Житомира. Житомир: Волинь, 2009. Т. 2, кн. 1. 244 с.

Перемога 1941 - Перемога. Житомир. 1941. 9 жовтня.

Прохорова 2002 - Прохорова В.А. Это было в оккупированном Житомире // Життя, сповнене тривоги. Жінки Житомирщини у роки Великої Вітчизняної війни. Житомир: Житомир, 2002. С. 231-232.

Ремезов, Белова 2002 - Ремезов А.П., Белова В.И. Жизнь, достойная подражания // Життя, сповнене тривоги. Жінки Житомирщини у роки Великої Вітчизняної війни. Житомир: Житомир, 2002. С. 17-21.

Стельникович 2013 - Стельникович С.В. Театр на території генерального округу «Житомир» (друга половина 1941 – початок 1944 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя: ЗНУ, 2013. Вип. XXXVII. С. 131-136.

Удовик 2005 - Удовик В.М. Питання культурної політики в період німецької окупації (1941-1944 рр.) // Сторінки воєнної історії України. Київ, 2005. Вип. 9. Ч. 2. С. 327-334.

УС 1 - Українське слово. Житомир. 1941. 3 серпня.

УС 2 - Українське слово. Житомир. 1941. 14 серпня.

УС 3 - Українське слово. Житомир. 1941. 21 серпня.

УС 4 - Українське слово. Житомир. 1941. 24 серпня.

УС 5 - Українське слово. Житомир. 1941. 31 серпня.

- УС 6 - Українське слово. Житомир. 1941. 7 вересня.
 УС 7 - Українське слово. Житомир. 1941. 11 вересня.
 УС 8 - Українське слово. Житомир. 1941. 18 вересня.
 УС 9 - Українське слово. Житомир. 1941. 21 вересня.
 Armstrong 1980 - Armstrong J.A. Ukrainian Nationalism. Littleton: Ukrainian Academic Press, 1980. 361 p.

REFERENCES

- Borovych (Tkachuk), N. (2002) Zhittya, viddane dityam [A Life Given to Children]. In: Tkachuk, N.Yu., Polyak, K.R., & Mik L.D. (eds.) Zhyttia, spovnene tryvog. Zhinky Zhytomyrshchyny v roky Velykoyi Vitchyznianoyi viyny [A Life Full of Anxieties. Women of Zhytomyr Region during the Great Patriotic War]. Zhytomyr: Zhytomyr [In Ukrainian].
- Brzhezits'kiy, F. (2010) Okupatsiya bula budennoyu, tikhoyu ta ne po-voennomu tragichnoyu [The occupation was everyday, quiet and non-military tragic]. Vozrozhdenie Zhitomira, 11th May [In Ukrainian].
- The State Archive of Zhitomir region (GAZhO). F-S. 1152, List 1. File 11 [In Ukrainian].
- Ginda, V. (2010) Kul'tura, osvita i sport pid chas okupatsii [Culture, education and sports during the occupation]. In: Smoliy, V.A. (ed.) Ukraïna v drugiy svitoviy viyni: poglyad z XXI st. Istorichni narisi: U 2 kn. [Ukraine in World War II: A view of the 21st century. Historical Essays in 2 books]. Kiev: Naukova dumka. Book 1 [In Ukrainian].
- Ginda, V. (2015) Natsionalisty z m'yachem [The Nationalists with a ball]. Ukraina moloda [ONline]. Available from: <http://www.umoloda.kiev.ua/regions/0/118/0/60733/> (Accessed: 10th April 2015) [In Ukrainian].
- Ginda, V. (2007) Osvita v roki nimets'koï okupatsii u general'nomu okruzi "Zhitomir" 1941–1944 rr. [Education during the German occupation in the general district "Zhytomyr", 1941–1944]. Abstract of History Cand. Diss. Cherkasy [In Ukrainian].
- Golos Volyni [Volyn' Voice]. (1941) Zhytomyr, 12th October [In Ukrainian].
- Golos Volyni [Volyn' Voice]. (1941) Zhytomyr, 23rd October [In Ukrainian].
- Golos Volyni [Volyn' Voice]. (1941) Zhytomyr, 9th November [In Ukrainian].
- Golos Volyni [Volyn' Voice]. (1941) Zhytomyr, 14th December [In Ukrainian].
- Grytsak, Ia.I. (2000) Naris istorii Ukraïni: formuvannya modernoi ukraïns'koï natsii XIX–XX st. [The outline of the history of Ukraine: the formation of the modern Ukrainian nation of the 19th–20th centuries]. Kiev: Geneza [In Ukrainian].
- Denysenko, G. (2000) Zhyva u pam'yati narodniy [She is alive in people's memory]. In: Tkachuk, N.Yu., Polyak, K.R., & Mik L.D. (eds.) Zhyttia, spovnene tryvog. Zhinky Zhytomyrshchyny v roky Velykoyi Vitchyznianoyi viyny [A life full of anxieties. Women of Zhytomyr Region during the Great Patriotic War]. Zhytomyr: Zhytomyr [In Ukrainian].

- Zhiva istoriya Zhitomira. Istorichniy al'manakh [Living History of Zhytomyr. Historical Almanac]. (2010) Zhytomyr: Fond Zaslavs'kogo, iss. 1 [In Ukrainian].
- Zhyliuk, V.M. (2008) Diyal'nist' OUN ta UPA na Zhitomirshchini u 1941–1955 rr. [OUN and UPA in Zhytomyr region in 1941–1955]. Rivne: Volyns'ki oberegy [In Ukrainian].
- Stepanov, P.M. (ed.) (1948) Zhytomyrshchyna v period tymchasovoyi okupatsiyi nimets'ko-fashysts'kymy zagarbnykamy. 1941–1944 rr. [Zhytomyr Region during the temporary occupation of the Nazi invaders. 1941–1944]. Zhytomyr: Radians'ka Zhytomyrshchyna [In Ukrainian].
- Chornobrivtseva, O. (ed.) (1969) Zhitomirshchina u Velikiy Vitchiznnyanyiy viyny 1941-1945 rr. [Zhytomyr Region in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Kiev: Naukova dumka [In Ukrainian].
- Ivashchenko, O.M. & Soldatov, O.F. (2002) Zhertvam fashizmu – vichna pam'yat' [Eternal memory to the victims of fascism]. In: Knyga skorboty Ukrayiny. Zhytomyrs'ka oblast' [The Sorrow Book of Ukraine. Zhytomyr Region]. Zhytomyr: L'onok [In Ukrainian].
- Ivashchenko, O.M. (1994) Zhytomyr [Zhytomyr]. In: Knyga pam'yati Ukrayiny. Zhytomyrs'ka oblast'. M. Zhytomyr. Zhytomyrs'kyi rayon [The Memorial Book of Ukraine. Zhytomyr Region. Zhytomyr District]. Zhytomyr: L'onok, vol. 4 [In Ukrainian].
- Ivashchenko, O.M. (1993) Zhytomyrs'ka oblast' [Zhytomyr Region]. In: Knyga pam'yati Ukrayiny. Zhytomyrs'ka oblast'. Andrushivs'kyi rayon. Baranivs'kyi rayon [The Memorial Book of Ukraine. Zhytomyr Region. Andrushivskiy District. Baranivskiy District]. Zhytomyr: L'onok, vol. 1 [In Ukrainian].
- Koval'chuk, I.V., & Stel'nykovych, S.V. (2011) Narys istoriyi diyal'nosti OUN pid provodom A. Mel'nyka na Zhytomyrshchyni u drugii polovini 1941 roku [An essay on the history of OUN under A. Mel'nyk in Zhytomyr Region in the late 1941]. Zhytomyr: Ruta [In Ukrainian].
- Kostritsya, M.Yu. & Kondratyuk, R.Yu. (2007) Zhitomir: pidruchna kniga z kraeznavstva [Zhytomyr: a Reference Book on Local History]. Zhytomyr: Kosenko [In Ukrainian].
- Loboda, M.K. (2010) Politika i praktika pratsevikoristannya v okupovanii Ukraïni (1941-1944 rr.) [The policy and practice of work in occupied Ukraine (1941–1944)]. Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal – Ukrainian Historical Journal, 3 [In Ukrainian].
- Mokryts'kiy, G. (ed.) (2009) Pam'yatki arkheologii, istorii ta monumental'nogo mistetstva [The attractions of archeology, history and monumental art]. Zhytomyr: Volyn' [In Ukrainian].
- Peremoga [Victory]. (1941) Zhytomyr, 9th October [In Ukrainian].
- Prokhorova, V.A. (2002) Eto bylo v okkupirovannom Zhitomire [It Happened in Occupied Zhitomir]. In: Tkachuk, N.Yu., Polyak, K.R., & Mik L.D. (eds.) Zhyttia, spovnene tryvog. Zhinky Zhytomyrshchyny v roky Velykoyi Vitchyznianoï viyny [A Life Full of Anxieties. Women of Zhytomyr Region during the Great Patriotic War]. Zhytomyr: Zhytomyr [In Russian].
- Remezov, A.P. & Belova, V.I. (2002) Zhizn', dostoinaia podrazhaniia [A life worthy of emulation]. In: Tkachuk, N.Yu., Polyak, K.R., & Mik L.D. (eds.) Zhyttia,

spovnene tryvog. Zhinky Zhytomyrshchyny v roky Velykoyi Vitchyznianoyi viyny [A Life Full of Anxieties. Women of Zhytomyr Region during the Great Patriotic War]. Zhytomyr: Zhytomyr [In Russian].

Stel'nikovich, S.V. (2013) [Theatre on the territory of the "Zhytomyr" General District (the second half of 1941 – early 1944)]. Naukovi pratsi istorychnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universytetu [Proc. of Historical Faculty of Zaporizhzhya National University], 37 [In Ukrainian].

Udovik, V.M. (2005) [The issue of cultural policy during the German occupation (1941–1944)]. Storinki voennoi istorii Ukraïni [Pages of the military history of Ukraine], 9, pt. 2, pp. 327-334 [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 3rd August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 14th August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 21st August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 24th August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 31st August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 7th September [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 11th September [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 18th September [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 21st September [In Ukrainian].

Armstrong, J.A. (1980) Ukrainian nationalism. Littleton: Ukrainian Academic Press [In English].

Кругляк Марина Эдуардовна – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Житомирского государственного технологического университета.

Krugliak Marina – Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of the Department of Humanitarium and Social Sciences of Zhitomir State Technological University.

E-mail: marinakrugljak@ukr.net

УДК 94(4)"1939/45"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/11

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА РУСИНОВ И ВОПРОС ОБ ООН НА КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1945 г. (К вопросу об исторической методологии)

О.К. Шевченко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Россия, 295007, Республика Крым,
г. Симферополь, пр. академика Вернадского, 4
E-mail: skilur80@mail.ru
SPIN-код автора: 5014-8625

Авторское резюме

Автор формулирует три ключевые эпистемологические проблемы в изучении вопроса об ООН на Крымской конференции. Для каждого кластера указываются специфические особенности, связанные с украинской и российской историографией. Вызовы формулируются как «мировоззренческий», «методологический» и «организационный». Причем каждый из исторических вызовов анализируется как отдельно для Украины и России, так и в комплексе. Отмечается, что существенной частью проблемы ООН в Ялте было формирование новых границ в Европе. В частности, путем фактического расчленения земель, населенных русинами между СССР и Польшей, удалось добиться приемлемого компромисса для ключевых игроков ООН. Подчеркивается, что в истории изучения Ялтинской конференции так и не был поднят вопрос о методологической увязке становления ООН и разделении русинов по территориям нескольких государств. Также рассматриваются варианты ответов на исторические вызовы и формируются предложения по наиболее эффективному преодолению отмеченных недостатков, связанных с ранним этапом формирования Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова: ООН, Ялтинская конференция, историческая эпистемология, русины.

The historical destiny of Rusins and the question of the UN at the Crimean Conference of 1945 (historical methodology)

O.K. Shevchenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Academician Vernadsky Prospekt, Simferopol, 295007,
Republic of Crimea, Russia
E-mail: skilur80@mail.ru
SPIN-code of the author: 5014-8625

Abstract

The author formulates three key epistemological problems in the study of the UN at the conference. For each cluster, the article author indicates the specific features associated with Ukrainian and Russian historiography. They are formulated as "ideological", "methodological" and "organizational". Each of the historical challenges analyzed separately for Ukraine and Russia, and in the complex. It is noted that a significant part of the problem of UN in Yalta was the formation of new borders in Europe. In particular by the actual dissection of the lands inhabited by Rusins between the USSR and Poland succeeded to achieve an acceptable compromise for the key players in the UN. It is emphasized that in the history of the study of the Yalta conference, and the question was raised about the methodological link the issue of the formation of the UN and the separation of Rusins on the territory of several States. In the second part of the article discusses options for responses to historical challenges and formed proposals on the most effective overcoming the noted disadvantages of attainment early stages of the formation of the United Nations.

Keywords: the United Nations, Yalta conference, historical epistemology, Rusins.

Представляется, что в современную эпоху статус и авторитет Организации Объединенных Наций (ООН) резко снизились, а надежды, возлагаемые на ООН как гаранта международной безопасности, растворились на склонах Балкан, в песках Ирака, долинах Афганистана, ливийских пространствах. Этот тезис, вероятно, можно оспорить, но незыблемым останется факт трансформации ООН в нечто иное, отличное от того, что закладывалось в 1940-1950-х гг., от того, что столь ярко проявило себя в 1960-1980 гг. Вероятно, мина замедленного действия крылась еще в 1945 г., когда за счет интересов «малых» народов Европы (силезцев, мазуров, кашубов и русинов) решались

геополитические задачи формирования нового мирового порядка, когда компромисс достигался торговлей по вопросам границ и судьбам целых этносов (при этом целый ряд этнических групп, этносов и народностей цинично объединяли в сборные наименования «поляки», «немцы», «украинцы», совершенно игнорируя реальную этническую карту Европы).

Таким образом, исходя из актуальности темы, цель данной работы – определить перспективные векторы развития изучения вопроса об ООН на Крымской конференции и формирования новой этнополитической карты Европы.

Вопрос о становлении и развитии ООН никогда не являлся прерогативой исключительно прошлого, исключительно кабинетной проблемой историка. Начиная с советского времени, статьи и монографии по истории ООН были площадкой ожесточеннейшей борьбы за практические вопросы современной автору политики. Американские, английские и французские коллеги отвечали таким же подходом к событиям прошлого. В этой борьбе Ялтинские соглашения поставляли факты для споров, фальсификаций, мнений, авторских гипотез и обвинений глобального мировоззренческого характера. Последняя встреча «великих старцев», явившаяся итогом и фокусом военно-дипломатических игр 1930-1940-х гг., приковывала взгляды всех историков и бойцов идеологического фронта по обе стороны Атлантики. Ялта – окончательное признание прав СССР на роль сверхдержавы, права Советского Союза обладать собственными государственными интересами и права продвигать свою точку зрения о будущем мира. «Потсдам» и «Сан-Франциско» – это уже тактическая борьба по усилению или ослаблению свершившегося факта рождения новой политической силы глобального характера. Любой удар по Ялте или маневр в ее защиту – это удар по СССР как мировому игроку или поддержание его позиций.

Вопрос об ООН на Крымской конференции являлся одним из ключевых моментов переговоров. По крайней мере, именно проблема создания международной, мощной, авторитетной организации была целью № 1 дипломатии Ф. Рузвельта в Ялте. Ради этой цели он готов был идти на компромиссы в перекройке не только политической, но и этнической карты Европы. Более того, в технических документах американской делегации этнический состав Польши и Германии исключал такие группы, как силезцы, кашубы, мазуры и русины. В меньшей степени этот вопрос интересовал И. Сталина и У. Черчилля. Для них вопрос об ООН был возможностью в полной мере отстоять у США свои интересы в новой структуре Восточной Европы.

Вопрос об ООН не был впервые поднят в Ялте, он имел особую предысторию, связанную с дебатами в Тегеране (1943 г.), в Думбартон-

Оксе (1944 г.), красной нитью проходит в переписке «Большой тройки» (Юрченко 2000: 120-130). За прошедшие между «Тегераном-43» и «Ялтой-45» годы была проделана кропотливая работа по созданию образа будущей Всемирной организации. На долю Крымской конференции оставались «всего» два вопроса: вопрос о процедуре голосовании в Совете Безопасности и проблема первоначальных участников - учредителей будущей ООН. То есть те два вопроса, которые являлись (да и сейчас являются) камнем преткновения мировых дипломатических интриг: право вето, права ассамблеи, особый статус стран-учредителей и многое другое. Эти проблемы упомянуты на 78 страницах (из 240) материалов переговорного процесса Крымской конференции 1945 г. (Советский Союз 1984: 292). Примечательно, что вопрос об ООН всегда четко увязывался с вопросом о Польше (а следовательно, о границах Польского государства и де-факто о судьбах русинов, хотя о последних никогда де-юре речь не шла). Более того, мягкость союзников относительно идеи советской делегации, касающейся восточных границ, требовала джентльменской мягкости Страны Советов в отношении ООН. Не всегда баланс соблюдался, однако тенденция к его достижению наблюдалась постоянно у участников переговорного процесса.

Практически сразу же после окончания конференции начались политические и научные дебаты по обсуждению ее результатов (Шевченко 2013: 174-175). Однако вопрос об ООН в Ялте долгое время обходили стороной. Вернее, на этот аспект Второй мировой войны указывали, но в контексте иных, более общих тем: точка зрения американской историографии на Ялту (Сосинский 1969: 55-57, 60-62), особенности дипломатии Ф. Рузвельта (Уткин 1990: 487, 489-493), роль Советского Союза в создании ООН (Израэлян 1975: 32-51). При этом в разделах об ООН цитировались документы из советских и американских сборников без сколько-нибудь ясной авторской точки зрения. Лишь в 1980-е гг. происходит прорыв в историографии вопроса. Во-первых, это публикация любопытной и неоднозначной статьи Л.Е. Гришаевой, посвященной методологическим аспектам исторического анализа вопроса о создании ООН (Гришаева 1988: 16-30). Во-вторых, это достаточно объемная статья И.Г. Усачева о роли Крымской конференции в создании ООН, являющаяся первой научной работой, посвященной непосредственно анализу переговорного процесса в Ялте относительно контуров ООН (Усачев 1985: 122-135). Одновременно с ней публикуются материалы о роли Украины в создании ООН (Коваль 1985: 152-155; Хворостяный 1985: 164-166).

Наследниками советской традиции выступили историографы России и Украины. Целый ряд фактов говорит о том, что Российская Федерация полностью взяла на себя правила игры в треугольнике

СССР (Россия) – Ялта – западные демократии. Отсюда осторожное и аккуратное отношение к анализу исторического факта «Ялта-45», его четкая обработка по законам скорее политологии, чем истории, с обязательным комментарием «текущего политического момента». Для Украины Ялта – это Харибда национальной гордости (выход УССР на мировую дипломатическую площадку) и Сцилла ущемленного этнического пространства (окончательная фиксация Холмщины, Лемковщины и Бойковщины как польских территорий, которые украинские историки однозначно трактовали как украинские земли, игнорируя русинский этнос). Историография Украины отличается от историографии России, хотя в целом, метафизическом целом, историографии двух стран имеют общие исторические вызовы и единую структуру ответов на них.

Обращаясь к украинской историографии проблемы «ООН + Ялта», логично разбить все работы, начиная с 1991 г., на два больших блока. Для первого блока характерно муссирование факта вхождения УССР в пространство мировой политики и получения статуса страны – основательницы ООН. Это неоднородная масса исследований, направленных на акцентуацию различных элементов исторического факта: общеисторические аспекты (Кондратюк 1996), юридические аспекты (Кудряченко 2010), методологически-процессуальные (Кульчицька 2013). Отдельно следует отметить попытки рассмотреть вопрос о роли Украины в ООН в контексте общего «украинского вопроса» в Ялте (Шевченко 2005). Очень показателен тот факт, что специалисты по «украинскому вопросу» прямо игнорировали вопрос о русинах, которые как народ оказались фактически разделены между несколькими государствами. Такое же игнорирование наблюдается у специалистов по «польскому вопросу» в отношении силезцев (Шевченко 2010). Фактически современные тексты выдерживают логику лидеров 1945 г., которые ни разу в своих разговорах не упоминали этноним «русин», а говорили об украинцах или поляках. Это понятно в отношении политиков-практиков 1945 г., но вызывает недоумение, когда идет речь об анализе исторического события с высот современного знания об этнических реалиях Восточной Европы. Вероятно, в процессах глобализации очень многие сферы бытия, в том числе этнические, максимально виртуализируются, срабатывает эффект не столько восприятия реальности, сколько результатов работы воображения (Королев 2013). Эти эффекты, подмеченные философами, хорошо объясняют казусы связанные с осмыслением Ялтинской конференции в связке «ООН – русины».

Второй по значимости блок украинской историографии о ялтинских дискуссиях вокруг ООН – блок решения частных, исторических

вопросов, связанных прежде всего с выявлением точной хронологии и последовательности дебатов, их документальным обеспечением и т. д. Это «чистый» исторический подход Е.Н. Дорошенко (Дорошенко 1999) и авторская методология С.В. Юрченко (Юрченко 2000; Юрченко 2005; Юрченко 2008). Последний автор (кандидат исторических и доктор политических наук) является, вне сомнения, лидером украинской (крымской) историографии Ялты как по количественным, так и по качественным показателям. В аспекте ООН Сергей Васильевич ориентируется на концепцию миросистемности, но при всестороннем насыщении ее фактами микроистории, что является достаточно оригинальным и концептуально новым подходом в отечественной «ялтинской эпопее». В целом украинская историография ООН практически на сто процентов соответствует историографическим блокам историографии Крымской конференции на уровне общего, которые автор статьи определил как «контенталы» и «крымчане» (Shevchenko 2013).

В Российской Федерации исторический анализ Ялтинской конференции становится «золушкой» исторической науки. Особенно это отчетливо видно на примере анализа вопроса об ООН. Скажем, известнейшая работа О.А. Ржешевского, посвященная диалогам между И. Сталиным и У. Черчиллем, имеет целый раздел, посвященный Ялте (Ржешевский 2004: 488-516). В нем имеются отдельные главки о «польском вопросе», «югославском вопросе», а об ООН – лишь несколько ремарок. В программной статье А.О. Наумова, опубликованной в авторитетнейшем издании «Ялта-45. Начертание Нового мира» (М., 2010), ООН посвящены полторы страницы из двенадцати (Наумов 2010: 34-35). Ни в журнале «Новая и Новейшая история», ни в «Вопросах истории», начиная с 1991 г., нет публикаций по заявленному вопросу. Связка «Ялта – ООН» прячется в более общих работах А.И. Уткина (Уткин 2004: 102-117; 128-131), В.Л. Израэляна (Израэлян 2005: 170-188). Отчасти недостаток исследований заменяется массивными историческими полотнами формирования ООН, где Ялте отведены солидные куски (Запарий 2004; Гришаева 2008: 61-71). Немногочисленные статьи по анализу советской дипломатии (Кочеткова 1995) дополняют весьма скромную историографию вопроса. Особенностью российской историографии в вопросе о создании ООН является довольно яркая научная публицистика. Многие авторы обращаются к историческому материалу и подвергают его красочной интерпретации в лучших традициях научно-популярного жанра. При этом всегда проводится уверенная линия на рассмотрение вчерашних событий, исходя из реалий дней сегодняшних. Это характерно как для классических медийных публикаций, которые выходят из-под пера

не историков, а социологов (Кутейников 2013), так и для авторитетных ученых-историков, публикующих работы в специализированных научных сборниках (Гришаева 2012). Отчасти к этой подгруппе российской историографии следует отнести «парадные» статьи, которые имеют крайне малое научное значение для развития исторической науки, но являются мощным инструментом формирования положительных приоритетов в общественных институтах (Громыко 2010; Орлов 2010).

Из всего многообразия историографических штудий российских историков следует выделить активные усилия Л.Е. Гришаевой, чьи работы нацелены именно на исторический анализ ситуации с характерным набором исторических методов исследования. Наиболее удачной работой исследовательницы, в которой произошел редкостный симбиоз исторического анализа на платформе актуальных вопросов дня сегодняшнего, является небольшая статья, опубликованная в «Дипломатической службе» (Гришаева 2010). По сути, это единственный российский историк, который систематически и часто обращается к исследованию вопроса об ООН на Ялтинской конференции. Остальные авторы обращались к тематике спорадически и в контексте скорее политологических, чем собственно исторических вопросов.

Говорить о наличии авторских школ в изучении вопроса об ООН в Ялте или, скажем, национальных подходов ни на Украине, ни в России не приходится. Трудно зафиксировать даже формирование «протошкол» или «квазитечений» (за исключением очень неоднозначной и сомнительной ситуации с формированием «крымского» блока историографии Ялты). Речь идет о некой хаотичной массе публикаций, находящихся под жестким диктатом сегодняшнего массового политического сознания. Следует признать, что, несмотря на отдельные яркие исследования, для исторической науки РФ и Украины вопрос об ООН в Ялте – это вопрос контекстуальный, то есть такой, который всецело подчинен общим интересам автора и лишь оттеняет его главную мысль, дополняет его цель и задачи.

Данная ситуация опасна возможностью полного исчезновения из исторической науки самой постановки вопроса о роли Крымской конференции в создании ООН и как следующей перспективы – ухода тематики становления ООН под покровительство исключительно политологических наук. Одним из побочных фактов внеисторичности вопроса об ООН является исчезновение вопросов о судьбах малых народов Европы, в частности русинов, как дискурсивном фоне властных практик на Ялтинской конференции.

Более того, отсутствие именно исторического менталитета, с точки зрения автора данной статьи, обуславливает грустные и трагические

события двух Майданов Украины, актеры которых как то забывают, что Украина находилась в числе нескольких европейских держав, получивших статус основательниц ООН, тогда как многие европейские нации лишены этого почетного звания, а их участие в ООН долгие десятилетия было блокировано их собственным прошлым, связанным с нацистским блоком. Отсутствие исторического ощущения своего прошлого, достойного советского прошлого, породило чудовище пропаганды и тягу найти «своих» на стороне нацизма и фашизма.

Следовательно, первый вызов, который одинаково остро стоит перед историографиями наших стран, есть вызов мировоззренческий. Для Украины он в большей степени заключается не в отсутствии ярких публицистических работ, а в их спорадичности и кукольной трафаретности. Для России вопрос звучит в иной тональности, это скорее «смазанность» проблемы «Ялта + ООН» и ее «размазывание» по тематике: «XX век и ООН». А как известно, размытость очертаний проекта приводит к тусклым и малоэффективным результатам уже в разрезе конкретности.

Второй вызов – методологический. Для Украины это страшная опасность впасть в кокон исключительно национальной истории, когда все многообразие явлений становления ООН рассматривается сквозь призму вступления УССР в эту международную организацию. Другими словами, опасность миграции проблемы из контекста всемирной истории в историю локальную. Для России методологический вызов связан прежде всего с отсутствием массивной традиции классической проработки исторического материала. Отсюда исчезновение исторических штудий из гуманитарных исследований Крымской конференции и, следовательно, вопроса об ООН в Ялте.

Третий вызов – организационный. Он органично соединен с проблемой методологии всемирной истории на уровне общего и проблемой методологии изучения конференций Второй мировой войны на уровне частного. В настоящий момент на Украине и в России отсутствует организация, занимающаяся созданием научно-методологического пространства для изучения истории военно-дипломатических и экономических конференций держав-победительниц и стран оси во время Второй мировой войны. Отсутствие такого центра ведет к разобщению усилий историков, их нивелирование мощными научными мероприятиями политологов и в конечном счете, приводит к забвению исторического подхода к событиям Второй мировой войны. В этом отношении вопрос о формировании ООН является весьма характерным примером.

Что можно противопоставить данным тенденциям? Во-первых, конечно же, формирование цикла научных встреч историков, направ-

ленных на консолидацию исторического знания о Второй мировой войне в целом и вопросы создания ООН в частности. Промежуточным итогом этой работы должны стать серия тематических сборников конференций, их популяризация и доступность самым широким исследовательским кругам. На втором этапе, вероятно, следует сформировать периодический журнал, целью которого являлась бы публикация исторических работ, связанных с вопросами переговорных процессов в эпоху Второй мировой войны (или, во всяком случае, ввести постоянную рубрику в авторитетный исторический журнал). Лишь при условии выполнения этих задач возможно приступить к формированию исследовательских школ через защиту кандидатских и докторских работ. В ином случае все попытки выправить ситуацию будут ситуативными и недолговечными. Данная профилактика окажется адекватным ответом как для мировоззренческого, так и для организационного вызова.

Что касается «чисто» методологического плана, то здесь прежде всего важна установка исследователей на проработку деталей формирования ООН, понимание того простого факта, что общие слова и некие лубочные картинки есть прерогатива идеологии, а не истории. Для последней значимы детали в своем процессуальном становлении, а не некие конечные общие истины, которые объявляются платформой для изучения. Если же речь идет исключительно о таких истинах-гигантах, то неизбежно опрошение предпосылок, становления и развития реальности. Заостряя внимание на дне сегодняшнем, историк «проваливается» в методологическую ловушку, превращая историю ООН в войну газетных клише или же неизбежно отказываясь от перспектив исторического подхода в угоду подходу политологическому. Теряется вкус к текстуальному анализу личных замечаний Рузвельта и официальных нормативных документов Госдепа США об ООН, анализу «застольной дипломатии» и ее трансформации от Тегерана до Ялты, исчезает необходимость кропотливой работы с мемуарами и качественной публикации архивных документов, т.е. базиса ремесла историка. Очень показательны в этом плане тотальное замалчивание судеб малых народов Европы, их роль разменной монеты в формировании нового мира. В частности, печальная судьба русинов, оказавшихся народом без государства, народом без национальной автономии, рассеянным сразу в нескольких государствах. Это момент принципиальный, во многом обеспечивший механизм самоуничтожения ООН как равноправного объединения наций земного шара. Ибо уже в основе ее формирования нарушен принцип уважения к правам всех участников процесса, процесса, из которого были исключены народы с давней историей, своеобразной культурой

и солидным количеством дееспособного населения. Процесса, где в угоду Польше, СССР, США, Великобритании и т.д. был поставлен крест на гармоничном развитии десятка европейских этносов. И если в части, касающейся силезцев или кашубов, заметны попытки вернуть историческую память о произошедшей трагедии (Шевченко 2010: 292), то в отношении русинов продолжается «заговор молчания», заговор прежде всего в рамках исторической науки, исторических изысканий, исторической аналитики этнического контекста переговоров о создании базиса будущей ООН в Ялтинском переговорном процессе февраля 1945 г.

ЛИТЕРАТУРА

Shevchenko 2013 - *Shevchenko O.K.* Yalta-45: Ukrainian science historiographic realia in globalization and universalism era // *Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science*. 2013. Vol. I, no 2. Iss. 12. P. 39-42.

Гришаева 1988 - *Гришаева Л.Е.* Роль СССР в создании и деятельности Организации Объединенных Наций (некоторые вопросы методологии и историографии) // *Вестник МГУ. Серия «История»*. 1988. № 3. С. 16-30.

Гришаева 2008 - *Гришаева Л.Е.* Генезис участия России в деятельности ООН: приоритетные направления (1945-2007): дис....д-ра ист. наук. М., 2008. 456 с.

Гришаева 2010 - *Гришаева Л.Е.* ООН: эхо войны и истоки кризиса // *Дипломатическая служба*. 2010. № 2. С. 28-37.

Гришаева 2012 - *Гришаева Л.Е.* Истоки создания ООН: взгляд из сегодня // *От античности до современности: сб. ст. по отечественной и всеобщей истории, посвященный академику РАН, заслуженному профессору Московского университета Ю.С. Кукушкину*. М., 2012. С. 105-127.

Громыко 2010 - *Громыко А.А.* ООН: прошлое и настоящее. К 65-летию создания Организации Объединенных Наций // *Вестник Московского университета*. Серия 25. «Международные отношения и мировая политика». 2010. № 3. С. 4-28.

Дорошенко 1999 - *Дорошенко Е.Н.* Вопрос о голосовании в Совете Безопасности // *Ливадийский дворец-музей. Сборник*. 1994-1999. Севастополь, 1999. С. 226-232.

Запарий 2004 - *Запарий Ю.В.* Миротворческие операции ООН: становление концепции и ее реализация (середина 1940-х – начало 1970-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 273 с.

Израэлян 1975 - *Израэлян В.Л.* Советский Союз и создание Организации Объединенных Наций // *Вопросы истории*. 1975. № 12. С. 32-51.

Израэлян 2005 - *Израэлян В.Л.* У истоков Организации Объединенных Наций. Глазами ветерана // *Международная жизнь*. 2005. № 7-8. С. 170-188.

Коваль 1985 - *Коваль М.В.* Крымская конференция и участие Украинской ССР в решении вопросов послевоенного устройства мира // *Ялтинская*

конференция 1945: уроки истории: сб. тез. и ст. / Отв. ред. А.Н. Яковлев. М.: Наука, 1985. С. 152-155.

Кондратюк 1996 - *Кондратюк И.И.* Ялтинская конференция и вхождение Украины в международное сообщество // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: материалы междунар. науч. симп. Симферополь: Крымский архив, 1996. С. 39-41.

Королев 2013 - *Королев А.Д.* Человек в глобальном мире: восприятие или воображение // Глобалистика-2013: матер. III Междунар. науч. конгресса. М., 2013. С. 150-152.

Кочеткова 1995 - *Кочеткова Т.Ю.* Вопросы создания ООН и советская дипломатия // Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1995. № 1.

Кудряченко 2010 - *Кудряченко А.І.* Ялтинська 1945 року конференція держав «великої трійки» і міжнародно-правові наслідки для України // Ялтинская система и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности: матер. междунар. науч. конф. / Под ред. С.В. Юрченко. Симферополь, 2010. С. 255-268.

Кульчицка 2013 - *Кульчицка О.В.* Вступ УРСР до ООН як доленосне рішення Ялтинської конференції // Культура народов Причерноморья. Симферополь. 2013. № 252. С. 139-142.

Кутейников 2013 - *Кутейников А.Е.* На пути к ООН. URL: http://imapress.spb.ru/society/ society_23090.html

Наумов 2010 - *Наумов А.О.* Ялта-1945: «Большая тройка» на пути к Победе // Ялта-45. Начертание нового мира / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. М.: Вече, 2010. С. 28-41.

Орлов 2010 - *Орлов А.А.* Создание Организации Объединенных Наций – результат победы над фашизмом // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Том 3: Победа. М.: Изд-во МГИМО, 2010. С. 269-272.

Ржешевский 2004 - *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941-1945. М.: Наука, 2004. 564 с.

Советский Союз 1984 - Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.): сб. документов / Гл. ред. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1984. 302 с.

Сосинский 1969 - *Сосинский С.Б.* Операция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М.: Международные отношения, 1969. 126 с.

Усачев 1985 - *Усачев И.Г.* Роль Крымской конференции в создании ООН // Ялтинская конференция 1945: уроки истории: сб. тез. и ст. / Отв. ред. А.Н. Яковлев. М.: Наука, 1985. С. 122-135.

Уткин 1990 - *Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. 544 с.

Уткин 2004 - *Уткин А.И.* Холодная война. М., 2004. 470 с.

Хворостяный 1985 - *Хворостяный И.М.* Основные направления фальсификации участия Украинской ССР в ООН // Ялтинская конференция 1945: уроки истории: сб. тез. и ст. / Отв. ред. А.Н. Яковлев. М.: Наука, 1985. С. 164-166.

Шевченко 2005 - Шевченко В.Ф. Крымська (Ялтинська) конференція 1945 р.: Українське питання // Ялта 1945-2005: От біполярного мира к геополітиці будущого: матер. междунар. науч. симп. Симферополь, 2005. С. 94-108.

Шевченко 2010 – Шевченко О.К. «Границы Ялты»: соціокультурний срез Силезії, приєднаної до Польщі в 1945 г. // «Ялтинська система» і сучасний світовий порядок: проблеми глобальної і регіональної безпеки: матер. междунар. науч. конф. Симферополь, 2010. С. 286-292.

Шевченко 2013 - Шевченко О.К. 1945-1974 гг. как период формирования советской историографии Ялтинской конференции // Культура народов Причерноморья. 2013. № 254. С. 174-177.

Юрченко 2000 - Юрченко С.В. У истоков Объединенных Наций (количественные аспекты переписки советского руководителя с американскими и британскими лидерами и проблемы стратегии держав антигитлеровской коалиции в 1941-1945 годах) // Сучасна дипломатія: світовий досвід, національна специфіка. ООН у світовій політиці: матер. міжнарод. наук.-практ. конф. / За ред. Л.С. Тупчієнка, В.Г. Ціватого. Київ, 2000. С. 120-130.

Юрченко 2005 - Юрченко С.В. 60 лет международной организации безопасности: вехи исторического пути // ООН-60. Кто за? Кто против? Кто воздержался?: Выступления и документы. Встречи представителей общечеловеческой ответственности, посвященной 60-летию ООН / Сост. Э.И. Малиенко. Севастополь, 2005. С. 19-28.

Юрченко 2008 - Юрченко С.В. Решения Ялтинской конференции 1945 года о создании международной организации безопасности и их значение в контексте миросистемности // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь, 2008. С. 316-324.

REFERENCES

Shevchenko, O.K. (2013) Yalta-45: Ukrainian science historiographic realia in globalization and universalism era. *Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science*. 1-2 (12) [In Russian].

Grishaeva, L.E. (1988) Rol' SSSR v sozdanii i deyatel'nosti Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy (nekotorye voprosy metodologii i istoriografii) [The role of the Soviet Union in the foundation and activities of the UNO (some questions of methodology and historiography)]. *Vestnik MGU. Seriya "Istoriya"*. 3 [In Russian].

Grishaeva, L.E. (2007) *Genezis uchastiya Rossii v deyatel'nosti OON: prioritetnye napravleniya (1945–2007)* [The genesis of Russia's participation in the UNO activities: priorities (1945–2007)]. History Doc. Diss. Moscow [In Russian].

Grishaeva, L.E. (2010) *OON: ekho voyny i istoki krizisa* [The UNO: the echo of the war and the origins of the crisis]. *Diplomaticheskaya sluzhba*. 2 [In Russian].

Grishaeva, L.E. (2012) *Istoki sozdaniya OON: vzglyad iz segodnya* [The origins of the UNO: a view from today]. In: Tikhvinskiy, S.L., Urilov, I.K. & Chubar'yan A.O. (eds.) *Ot Antichnosti do sovremennosti* [From Antiquity to the Present]. Moscow: Sbornie [In Russian].

Gromyko, A.A. (2010) OON: proshloe i nastoyashchee. K 65-letiyu sozdaniya Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy [The past and the present. The 65th anniversary of the United Nations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 3 [In Russian].

Doroshenko, E.N. (1999) *Vopros o golosovanii v Sovete Bezopasnosti* [The issue of voting in the Security Council]. In: *Livadiyskiy dvorets-muzey. 1994–1999* [Livadia palace]. Sevastopol': Mir [In Russian].

Zapariy, Yu.V. (2004) *Mirotvorcheskie operatsii OON: stanovlenie kontseptsii i ee realizatsiya (seredina 1940-kh – nachalo 1970-kh gg.)* [The UN peacekeeping operations: formation of the concept and its realization (mid 1940s – early 1970s)]. History Cand. Diss. Ekaterinburg [In Russian].

Israelyan, V.L. (1975) Sovetskiy Soyuz i sozdanie Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy [The Soviet Union and the UNO]. *Voprosy istorii*. 12 [In Russian].

Israelyan, V.L. (2005) U istokov Organizatsii Ob"edinennykh natsiy. Glazami veterana [At the origins of the United Nations. Through the eyes of a veteran]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 7-8 [In Russian].

Koval', M.V. (1985) *Krymskaya konferentsiya i uchastie Ukrainskoy SSR v reshenii voprosov poslevoennogo ustroystva mira* [The Crimean Conference and the participation of the Ukrainian SSR in addressing the postwar world]. In: Yakovlev, A.N. (ed.) *Yaltinskaya konferentsiya 1945: uroki istorii* [Yalta Conference 1945: The Lessons of History]. Moscow: Nauka [In Russian].

Kondratyuk, I.I. (1996) [Yalta Conference and inclusion of Ukraine in the international community]. *Krymskaya (Yaltinskaya) konferentsiya 1945 goda: uroki i perspektivy* [Crimean (Yalta) Conference 1945: Lessons and Perspectives]. Proc. of the International Research Symposium. Simferopol: Krymskiy arkhiv [In Russian].

Korolev, A.D. (2013) Chelovek v global'nom mire: vospriyatie ili voobrazhenie [A man in a globalized world: perception or imagination]. *Globalistika-2013* [Global Studies 2013]: Proc. of the 3rd International Conference. Moscow [In Russian].

Kochetkova, T.Yu. (1995) Voprosy sozdaniya OON i sovetskaya diplomatiya [Questions of the UNO foundation and Soviet diplomacy]. *Otechestvennaya istoriya*. 1 [In Russian].

Kudryachenko, A.I. (2010) [The 1945 Yalta Conference of the "Big Three" and international legal consequences for Ukraine]. *Yaltinskaya sistema i sovremennyy mirovoy poriyadok: problemy global'noy i regional'noy bezopasnosti* [The Yalta system and the modern world order: the problem of global and regional security]. Proc. of the International Research Conference. Simferopol [In Russian].

Kulchits'ka, O.V. (2013) Vstup URSR do OON yak dolenosne rishennya Yaltins'koï konferentsii [On the USSR joining the United Nations as a fateful decision of Yalta Conference]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 252 [In Ukrainian].

Kuteynikov, A.E. *Na puti k OON* [On the way to the United Nations] [Online]. Available from: http://imapress.spb.ru/society/society_23090.html [In Russian].

Naumov, A.O. (2010) *Yalta-1945: "Bol'shaya troika" na puti k Pobede* [Yalta-1945 The "Big Three" on the way to victory]. In: Narochitskaya, N.A. (ed.) *Yalta-45*.

Nachertanie novogo mira [Yalta-45. Inscription of the New World]. Moscow: Veche [In Russian].

Orlov, A.A. (2010) *Sozdanie Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy – rezul'tat pobedy nad fashizmom* [Establishment of the United Nations – the result of the victory over fascism]. In: Naryshkin, S.E. & Torkunov, A.V. (eds.) *65 let Velikoy Pobedy: v 6 t. Tom 3: Pobeda* [65 years of the Victory: in 6 vols. Volume 3: Victory]. Moscow: MGIMO [In Russian].

Rzheshevskiy, O.A. (2004) *Stalin i Cherrchill'. Vstrechi. Besedy. Diskussii: Dokumenty, kommentarii, 1941 – 1945* [Stalin and Churchill. Meetings. Conversations. Discussions: Documents, comments, 1941 – 1945]. Moscow: Nauka [In Russian].

Gromyko, A.A. (ed.) (1984) *Sovetskiy Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg. T. 4: Krymskaya konferentsiya rukovoditeley trekh soyuznykh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii (4-11 fevralya 1945 g.)* [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Vol. 4: Crimean Conference of the leaders of the three allied powers – the USSR, the USA and the UK (4-11 February 1945)]. Moscow: Politizdat [In Russian].

Sosinskiy, S.B. (1969) *Operatsiya "Argonavt"* (Krymskaya konferentsiya i ee otsenka v SShA) [Operation "Argonaut" (Crimean Conference and its assessment in the USA)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya [In Russian].

Usachev, I.G. (1985) *Rol' Krymskoy konferentsii v sozdanii OON* [The role of the Crimean Conference in the formation of the UNO]. In: Yakovlev, A.N. (ed.) *Yaltinskaya konferentsiya 1945: uroki istorii* [Yalta Conference 1945: The Lessons of History]. Moscow: Nauka [In Russian].

Utkin, A.I. (1990) *Diplomatiya Franklina Ruzvel'ta* [Franklin Roosevelt's Diplomacy]. Sverdlovsk: Urals State University [In Russian].

Utkin, A.I. (2004) *Kholodnaya vojna* [The Cold War]. Moscow [In Russian].

Khvorostyanyy, I.M. (1985) *Osnovnye napravleniya fal'sifikatsii uchastiya Ukrainskoy SSR v OON* [The main directions of falsifying the participation of the Ukrainian SSR in the UNO]. In: Yakovlev, A.N. (ed.) *Yaltinskaya konferentsiya 1945: uroki istorii* [Yalta Conference 1945: The Lessons of History]. Moscow: Nauka [In Russian].

Shevchenko, V.F. (2005) *Krims'ka (Yaltins'ka) konferentsiia 1945 r.: Ukrain'ske pitaniia* [Crimean (Yalta) Conference]. *Yalta 1945-2005: Ot bipolar-nogo mira k geopolitike budushchego* [Yalta 1945-2005: From a bipolar world to the geopolitics of the future]. Proc. of the International Scholarly Symposium. Simferopol [In Russian].

Shevchenko, O.K. (2010) ["The borders of Yalta": a socio-cultural slice of Silesia, attached to Poland in 1945]. *"Yaltinskaya sistema" i sovremennyy mirovoy poryadok: problemy global'noy i regional'noy bezopasnosti* [The "Yalta system" and the modern world order: the problem of global and regional security]. Proc. of the International Scholarly Conference. Simferopol [In Russian].

Shevchenko, O.K. (2013) *1945-1974 gg. kak period formirovaniya sovetskoy istoriografii Yaltinskoy konferentsii* [1945–1974 as the period of formation of the Soviet historiography of the Yalta Conference]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 254 [In Russian].

Yurchenko, S.V. (2000) [At the beginning of the United Nations (quantitative aspects of the correspondence between the Soviet leader with American and British leaders and strategy challenges of the Anti-Hitler coalition in 1941–1945)]. *Suchasna diplomatiya: svitoviy dosvid, natsional'na spetsifika. OON u svitoviy polititsi* [Modern diplomacy: international experience, national specifics. UN in world politics]. Proc. of the International Research and Practical Conference. Kiiv [In Russian].

Yurchenko, S.V. (2005) *60 let mezhdunarodnoy organizatsii bezopasnosti: vekhi istoricheskogo puti* [60 years of the international security organization: the historical milestones of the path]. In: Malienko, E.I. (ed.) *OON-60. Kto za? Kto protiv? Kto vozderzhalsya?: Vystupleniya i dokumenty. Vstrechi predstaviteley obshchestvennosti, posvyashchennoy 60-letiyu OON* [UNO-60. Who is for? Who is against? Who abstained? Speeches and documents. Meeting of the public spokespeople devoted to the 60th anniversary of the UNO]. Sevastopol [In Russian].

Yurchenko, S.V. (2008) *Resheniya Yaltinskoй konferentsii 1945 goda o sozdanii mezhdunarodnoy organizatsii bezopasnosti i ikh znachenie v kontekste mirosistemnosti* [The decisions of the Yalta Conference in 1945 on the establishment of an international security organization and their importance in the context of the world system]. In: Mogarichev, Yu.M. (ed.) *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray historical and archaeological collection]. Simferopol: Antikva [In Russian].

Шевченко Олег Константинович – магистр истории, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, член-корреспондент Академии военно-исторических наук (РФ, Крым, г. Ялта).

Shevchenko Oleg K. – master of history, candidate of philosophical Sciences, associate Professor of philosophy and social Sciences of the Crimean Federal University. V.I. Vernadsky, member-correspondent of the Academy of military-historical Sciences (Russia, Crimea, Yalta).

E-mail: skilur80@mail.ru; yalta-1945@yandex.com

УДК 94(47+57):084"1941/1945"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/12

СОВЕТСКИЙ ПЛАКАТ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Е.А. Федосов¹, К.А. Конев²

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: karamba243@yandex.ru

SPIN-код: 8906-0870

²E-mail: konev-k-92@rambler.ru

SPIN-код: 3508-3819

Авторское резюме

Важную роль в мобилизации советского общества в годы Великой Отечественной войны сыграла пропаганда, в которой особое место занимали политические плакаты. По своим специфическим свойствам они имеют ряд преимуществ: постоянство обращения, краткость и доходчивость призыва, устойчивость и яркость изображения. Как система художественных решений, образов и текстов, влиявших на настроения фронта и тыла, советские плакаты представляют несомненный интерес для исследования с искусствоведческих, имагологических и лингвистических позиций. На основе репродукций около 450 печатных плакатов центральных издательств, а также 53 региональных томских «Окон ТАСС» авторы данной статьи преследуют цель дать не только описательную характеристику наглядной агитации времен Великой Отечественной войны, но рассмотреть ее как значимое художественное, ментальное и идеологическое явление прошлого.

Ключевые слова: СССР, пропаганда, наглядная агитация, советский плакат, Великая Отечественная война, «Окна ТАСС», Томск.

Soviet poster in the times of the Great Patriotic War: national and regional dimension

E.A. Fedosov¹, K.A. Konev²

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: karamba243@yandex.ru

² E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Abstract

The propaganda, wherein the political posters engage a unique place, played an important role in the mobilization of Soviet society during the Great Patriotic War (World War II). According to their specific properties, they have a number of advantages: the constancy of circulation, brevity and clarity of the call, stability and brightness of the image. As a system of artistic solutions, images and texts that affected the mood of the front and rear, the Soviet posters are of undoubted interest for research in terms of art history, imagology and linguistics. Based on reproductions of about 450 printed posters of Central Publishing Offices, as well as 53 regional Tomsk "Okna TASS" ("TASS Windows"), the authors of this article are intended to provide not only a descriptive characteristic of visual propaganda in the times of the Great Patriotic War, but to consider it as a significant artistic, mental and ideological phenomenon of the past.

Keywords: The USSR, visual propaganda, soviet poster, Great Patriotic War, "Okna TASS" ("TASS Windows"), Tomsk.

С самых первых лет существования советского государства его пропагандистская деятельность играла заметную роль в политической и общественной жизни страны. Неотъемлемой ее частью были агитационные плакаты, которые следует отнести к сложным, креолизированным текстам, сочетающим вербальные и невербальные элементы, нацеленные на комплексное воздействие на адресата (Ворошилова 2013: 87-92). По сравнению с другими средствами пропаганды они имеют ряд преимуществ: постоянство обращения, краткость и доходчивость призыва, устойчивость и яркость визуального образа, что, по оценкам исследователей, может усиливать восприятие информации на 55 % (Ворошилова 2013: 27). Данные свойства дают возможность наглядной агитации нести сильный эмоциональный заряд и пробуждать «чувства высшего порядка» (Войтасик 1981: 185).

Все эти особенности всецело относятся и к советскому плакату времен Великой Отечественной войны. Подходы, нашедшие отражение в исследованиях на тему визуальной пропаганды, позволяют рассматривать его прежде всего с искусствоведческих, имагологических и лингвистических позиций. Первое направление можно считать наиболее классическим способом изучения плаката как некой совокупности художественных решений, вдохновленных, впрочем, поли-

тической ситуацией (Демосфенова 1962; Шклярчук 2004). Имагология предполагает новый взгляд на содержание плакатов как на систему взаимосвязанных внутри- и внешнеполитических образов, вписанных в условные категории *своего, чужого* или *другого* и формирующих определенную картину мира (Сенявская 2006; Голубев, Поршнева 2012). Наконец, лингвистический подход рассматривает плакатные лозунги с точки зрения инструментария конструирования и интерпретации политических текстов (Чудинов 2011; Ворошилова 2013).

Таким образом, учитывая вышеназванные междисциплинарные аспекты, авторы данной статьи преследуют цель дать не только описательную характеристику наглядной агитации Великой Отечественной войны в целом и региональных «Окон ТАСС» в частности, но и комплексно рассмотреть ее как значимое художественное, ментальное и идеологическое явление прошлого. Для этого использовались репродукции плакатов из каталогов музеев, аукционов, частных коллекций, находящихся в Интернете (всего в распоряжении авторов было около 450 изображений), а также томские «Окна ТАСС». Коллекция «Окон ТАСС» из фондов Научной библиотеки ТГУ составляет 53 экземпляра. Большая часть работ – 41 шт., была создана в 1942 г. Еще 8 плакатов относятся к 1943 г., 4 агитки не датированы. Сохранившиеся материалы охватывают широкую тематику и содержат в себе ряд образов и лозунгов, представляющих большой интерес для изучения.

Становление советской наглядной агитации пришлось на период гражданской войны, ожесточенного вооруженного противостояния внутренним и внешним врагам. Уже тогда обозначилась ее огромная политическая роль: «Всякий срывающий плакат или заклеивающий его афишей совершает контрреволюционное дело», – гласил призыв тех времен. К началу 1940-х гг., поступательно развиваясь, плакаты обрели существенное жанровое, тематическое и художественное разнообразие, которое в условиях Великой Отечественной войны раскрылось в новых смысловых контекстах и стилистических чертах. В зависимости от избранного метода воздействия на адресата их можно разделить на несколько типов (Горощенко 1932: 31-32).

К первому следует отнести так называемый пропагандистский плакат, особенность которого заключается в наличии иллюстративно-объясняющего или повествовательного компонента. Такой можно считать, например, работу А. Кокорекина «За Родину!» (1942), где, помимо лозунга и образа, присутствует описание реального подвига защитника Севастополя, моряка Степана Ермоленко. Другой обширный пласт материалов составили собственно агитационные плакаты, призывы которых обычно выражены более

обобщенной темой и лаконичным лозунгом. По классификации Г. Демосфеновой, вместе эти два типа можно объединить в группу **героических** плакатов, в то время как смысловую противоположность им представляют **сатирические**, близкие к политической карикатуре по стилю рисунка и сопутствующего текста (Демосфенова 1962: 136).

Закономерно, что пространство сатирического плаката всецело отводилось образу врага. И действительно, на начальном этапе войны главным его выражением было нарочито карикатурное и даже зооморфное существо, по сути, аналогичное довоенным изображениям фашистского режима, Гитлера и его сторонников. Примером тому может служить ранняя работа Д. Шмаринова «Раздавить фашистское чудовище» (1941) (ил. 1), где можно увидеть пораженного красноармейским штыком спрута с физиономией фюрера. Несмотря на свой отталкивающий вид, он выполнен все-таки в традициях высмеивания врага путем представления его в неприглядном виде. Однако впоследствии плакаты на тему тягот советских людей в условиях немецкой оккупации и плена внесли уже совсем иную, новую трактовку противника. Теперь это вполне реальный, отображенный порой с фотографической точностью и оттого особо злобещий и ненавистный солдат или офицер вражеской армии¹. Психологической заостренности этому

образу добавлял нередко так или иначе звучавший в плакатных призывах лозунг «Убей немца!», распространившийся после выхода стихотворения К. Симонова и статьи И. Эренбурга в «Красной звезде» в июле 1942 г.

Здесь следует также отметить, что во многом вопреки предыдущему советскому пропагандистскому опыту, в 1942-1943 гг. сопутствовавшая образу врага политическая категория «**фашист / фашистский**» начинает активно заменяться национальной – «**немец / немецкий**». Так, война в плакате начинает рассматриваться как противостояние конкретных народов. Это нашло отражение в использовании в нем контекстуальной антитезы «советский – немецкий» и распространении классического имагологического сюжета, контрастно сочетающего близких **своих**, нуждающихся в сочувствии, защите, освобождении, и враждебных **чужих**, несущих угнетение, разрушение и смерть. Ярким примером подобной тенденции можно считать работу Л. Голованова «Боец, освобождай **советских людей** от **немецкой каторги**» (1943) (*подчеркнуто нами.* – Е.Ф., К.К.), где скорбные изображения женщины, подростка и старика противопоставлены жестокому, надменному и вполне реалистично выполненному немцу. При этом исходная сатирическая трактовка противника без существенной ее национальной окрашенности вновь становится преобладающей лишь на завершающем этапе войны.

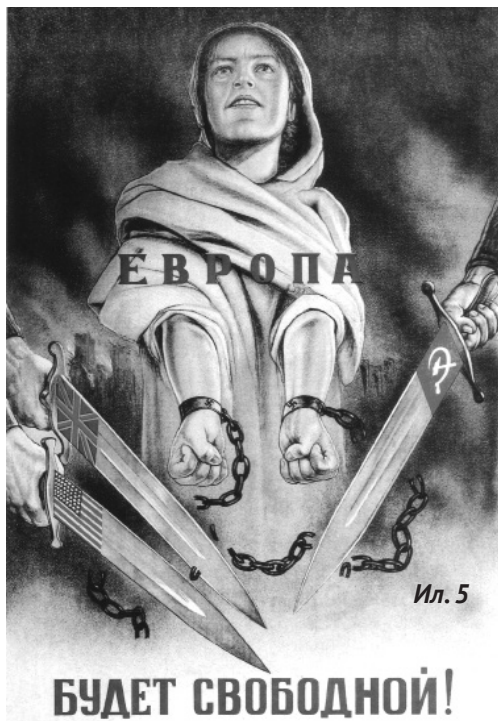

Ил. 2

Существенную степень этнизации военной наглядной агитации можно наблюдать и в принципах отображения **советского**² (как единого для всех народов СССР) (ил. 2), **славянского**³ и **русского**⁴ национального самосознания. Подобные смыслы вложены, с одной стороны, в идеологемы «советская Отчизна», «сыны всех народов», «братство и дружба народов» или прямые обращения «славяне», «русские» и т. п., а с другой – в некоторые внешние черты героев агиток. Наделенные соответствующим национальным колоритом, они сформировали определенный образ попавших под оккупацию союзных республик. Печальные, зовущие мотивы этих сюжетов по мере освобождения эволюционируют в радостные и праздничные, ярким примером чему служит работа украинского художника В. Мироненко: «Пусть живет и вечно процветает Советская воссоединенная Украинская земля, освобожденная Красной армией!» (на укр. яз., 1945) (ил. 3) или вышедший несколько позже молдавский плакат «Слава Советской армии, освободительнице молдавского народа от фашистского ига!» (1947) (ил. 4).

Определенные новшества привнесла война и в оценку невраждебного внешнего мира. Так, в некоторых плакатах наряду с советской символикой можно наблюдать флаги капиталистических стран – союзниц по антигитлеровской коалиции, а дружественные плакатные иностранцы стали ассоциироваться не с интернациональными пролетариями, а вполне конкретными американскими и английскими солдатами. С темой союзничества связан и довольно интересный аллегорический

Ил. 5

женский образ Европы, нашедший отражение в плакате В. Корецкого «Европа будет свободной!» (1944) (ил. 5).

Межнациональный аспект был далеко не единственной сферой влияния на мобилизационные настроения страны. В условиях войны происходит интенсивная актуализация исторической памяти народа, причем в довольно разных проявлениях. Нельзя допустить возвращения темной стороны прошлого, как в сатирическом плакате Р. Сайфуллина, где за спиной Гитлера стоит зловещая тень павшей монархии. Этот сюжет иллюстрировал цитату И.В. Сталина: «По сути дела, гитлеровский режим является

копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме» (1941). И совсем на иное восприятие истории нацелен цикл работ, созданных в 1941-1942 гг., под общим лозунгом «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ великих предков» (ил. 6), которому неизменно сопутствуют овеванные ратной славой легендарные князья и полководцы. В схожем контексте осмысливается и тема неизбежности поражения немцев в агитках «Били, бьем и будем бить (немцев. – Е.Ф., К.К.)!» (худ. В. Серов, 1941) или «Русские прусских всегда бивали...» (худ. П. Алякринский, 1944). В последней художник особо символично подчеркнул преемственность побед русского оружия, поставив в единый строй воинов разных эпох.

Не столь глубинные ментально, но, как представляется, не менее значимые уровни коллективного самосознания воспроизводят плакаты, апеллирующие к более локальным формам принадлежности и сопричастности. Они могли обращаться к военнослужащим конкретной специальности или жителям какого-либо города: «Когда **бронбойщик** стоит на пути, фашистскому танку нигде не пройти» (худ. А. Кокорекин, 1943), «**Славные соколы города Ленина** будем насмерть разить врага» (худ. В. Пинчук, 1942) (ил. 7) или «**Молодые минчане!**

Отдадим все силы на восстановление родного города!» (неизв. худ., на белорус. яз., 1944) (*курсив наш.* – Е.Ф., К.К.). В ряде призывов встречаются категории, направленные на сугубо личные чувства и переживания, такие, как воинская честь, отмщение врагу, защита от позора, любовь, испытываемая не только к Родине, но и к близким людям. Некоторые образы обрели не только портретность, но и элементы индивидуальной боевой биографии. Например, в работах Л. Голованова «Дойдем до Берлина!» (1944), «Слава Красной Армии – освободительнице!» (1945) и «Красной Армии – слава!» (1946) изображен один и тот же человек. Хотя в свое время эти плакаты были проникнуты сугубо оптимистическим и победным духом, трагизм и вместе с тем особый пафос заключаются в реальной судьбе прототипа их главного героя – снайпера сержанта Голосова, погибшего, по мнению историков, в 1944 г. Так и не дожив до Победы, он стал одним из ее символов даже в послевоенное время (Рязанский снайпер 2010).

Трудно найти такой аспект жизни страны, которого не было бы в советском плакате Великой Отечественной войны. Взывая, в зависимости от контекста, к самой широкой палитре национальных, исторических, гражданских и личных чувств, он ежедневно призывал к боевым и трудовым подвигам на фронте и в тылу. Как представляется, в целом его влияние на советских людей в военное время было довольно сильным, хотя некоторые агитки, особенно в

СЛАВНЫЕ СОКОЛЫ ГОРОДА ЛЕНИНА*Ил. 7***БУДЕМ НА СМЕРТЬ РАЗИТЬ ВРАГА**

первые месяцы войны, критиковались за невыразительные и устаревшие формы изображения, чрезмерное использование одних и тех же приемов и «небрежность» сопутствующих текстов (Художник-агитатор 1942). И, тем не менее художники, выезжавшие на фронт, могли неоднократно убедиться лично в успехе убойцов ряда работ своих коллег: И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (1941), Д. Шмаринова «Отомсти» (1941), Ф. Антонова «Сын мой, ты видишь долю мою...» (1942) (Могучее средство 1943). Говоря о народном признании, можно вспомнить и плакат В. Корецкого «Воин Красной Армии, спа-

си!» (1942), глядя на который солдаты клялись громить и уничтожать врага, а военный инженер Наталья Гюне даже посвятила ему стихи (Демосфенова 1962: 155-156). Или плакат Н. Жукова и В. Климашина «Боец, Украина ждет тебя!» (1943), размещавшийся на броню советских танков, штурмовавших Киев (Афанасьев 1982: 393).

Помимо рассмотренных выше типов плакатной графики, существовал и еще один, нашедший отражение в «Окнах ТАСС». Под этим названием известным карикатуристом М. Черемных в первые же дни после нападения Германии была возрождена популярная во время гражданской войны концепция «Окон РОСТА». Сочетая газетный стиль информирования населения о значимых событиях с изобразительными средствами печатного плаката, художники центральной редакции «Окон» выпустили за войну свыше 1 200 агиток (Демосфенова 1962: 169). Но примечательны они также и тем, что дали своеобразный импульс для развития аналогичных агитационных материалов в различных городах СССР, включая и Томск.

19 сентября 1941 г. Томский горком ВКП(б) постановил организовать регулярный выпуск «Окон ТАСС». В ноябре было создано оргбюро Союза советских художников Томска. В него вошли как

жившие в это время в эвакуации, так и местные деятели искусств. (Искусство в томском тылу 2014). В 1942 г. начала свою работу художественная мастерская для создания и тиражирования «Окон ТАСС». В ее редколлегию вошли А. Ремов, К. Ситник, В. Шепелев и М. Щеглов (Дмитриенко 1999: 299). За первый год своей деятельности томские художники выпустили более 70 плакатов. Значительное количество томских «Окон ТАСС» подготовил М.М. Щеглов – более 100 работ. Кроме того, художником, за время его пребывания в Томске, было создано более 500 рисунков «Дневника Отечественной войны» – своеобразной художественной летописи войны (Исаева 2012: 70) (ил. 8).

«Окна» выполнялись от руки и распространялись с помощью специальных трафаретов (до 100 и более экземпляров), а затем выставлялись для всеобщего обозрения в витринах и окнах домов, а также на специальных художественных выставках, первой из которых стала выставка «За Родину!», открытая в марте 1942 г. За ней последовали выставки «Тыл – фронту», выставка, посвященная трехлетию Великой Отечественной (1944), персональные выставки Е. Плехан и М. Щеглова (Дмитриенко 1999: 300).

Классифицируя плакаты по темам, можно выделить две больших группы. Одну из них составляют плакаты, посвященные *жизни тыла*, которые представлены в коллекции десятью экземплярами. Основной мотив агиток – необходимость укрепления единства тыла и фронта,

что визуально выражалось в композициях, где фигура вооруженного красноармейца либо соседствует с рабочими⁵ (ил. 9), либо выступает впереди многоголовой группы людей, олицетворяющей многонациональный советский народ⁶.

Стремясь подчеркнуть, что ударный труд в тылу играет не менее важную роль, чем героическая борьба на фронте, художники сочетали реалистичные образы советских тружеников и гротескные, карикатурные образы врага. Так, на плакате М. Щеглова «Больше металла! – Ближе победа!» сталевары в едином строю с Красной армией заливали поверженного немец-

Ил. 8

кого солдата расплавленным металлом. В то же время швея помогала иголкой фронту, школьник «по врагу очень метко бил отличную отметкой», рабочие, перевыполняя план, сжимали немца клещами, а железнодорожники каждой новой тонной груза «давили немцу пузо»⁷. Плакатные лозунги утверждали необходимые модели поведения, которые позволят советскому народу победить: «Экономия – закон военного времени», «Помни, молодежь! – трудом вражью нечисть разобьем!», «Долг патриота – о бойцах забота».

Наряду с внешними врагами плакаты клеили и внутренних, применяя уже устоявшийся прием – деятельность всех, кто так или иначе нарушал слаженную работу тыла, квалифицировалась как пособничество противнику. В «Окне ТАСС» «Брак и прогул – помощь врагу» (1943) красноармейцы грозно смотрят на отталкивающего вида фигуры бракодела, прогульщика и симулянта.

Изображая представителей разных групп – половозрастных (женщины, дети), профессиональных (рабочие, колхозники, учащаяся молодежь), мастерски выполняющими свои обязанности, художники конструировали идеальный образ тыла, где все члены советского общества спаяны одной целью – разгромом врага. Адресуя обществу всеми узнаваемые типы, с которыми каждый мог себя ассоциировать, агитаторы призывали людей в полной мере соответствовать этим идеалам.

Другую группу, более многочисленную и разнообразную по внутренней тематике, составляют плакаты, в которых так или иначе были отображены **борьба советских солдат против врага** и различные

военно-политические события. Основными образами данных плакатов являлись образ *своего*, чаще всего представляющего в виде солдата Красной армии, партизана, а также мирного жителя, страдающего от оккупантов; и образ *врага*, представленный в виде немецких солдат и генералов, лидеров стран Оси. Образ советского бойца в томских «Окнах ТАСС» имел достаточно устойчивые черты, обусловленные тем, что рисунки выполнялись по одним и тем же трафаретам. Красноармейцы с мужественными и сосредоточенными лицами, иногда улыбающиеся, чаще всего были облачены в зеленые шинели, каски с красной звездой, вооружены винтовками или автоматами. Реже встречаются партизаны, женщины-военнослужащие, моряки.

Бойцы Красной армии представлялись преимущественно в двух ипостасях. Чаще всего они изображались в моменты борьбы либо победы над врагом. В данном случае в сопровождавшем изображение тексте подчеркивались отвага и мужество советских солдат⁸ и звучали призывы беспощадно громить врага так же, как это делали герои плакатов⁹. Нередко плакатисты делали героем очередного номера «Окон» конкретного военнослужащего или партизана, совершившего подвиг, пример которого способен поднять боевой дух людей. Таковы, например, Герои Советского Союза З.А. Космодемьянская, И.Н. Кузин¹⁰, Е.В. Бедин¹¹, И.И. Богатырь, М.К. Байда¹².

Красноармейцы, как упоминалось выше, присутствовали в составе композиции, изображавшей солдат и мирное население вместе и олицетворявшей «народность» войны. После успехов Красной армии советские бойцы стали характеризоваться как освободители. На одном из четырех рисунков, составлявших «Окно ТАСС» № 8 (1942),

Ил. 10

колонну красноармейцев приветствовали представители самых беззащитных групп населения – пожилые женщина и мужчина и ребенок. Рисунок сопровождался оптимистичной подписью – «Вдали еще врагов кончают, а жизнь уже идет вперед. Слезами радости встречает освободителей народ». Аналогичный сюжет использовался в плакате М. Щеглова «Привет тебе, Украина. Здравствуй, Беларусь. За слезы ваши, за руины мстить врагу клянусь!» (1943) (ил. 10), на котором радостные жители разоренной Украины цветами и рукопожатиями приветствовали красноармейцев. Ценность победы над противником и радость при освобождении своей территории должны были усиливаться за счет напоминания о трудностях и потерях на пути к этой победе. Слезы и страдания мирного населения – мощный призыв мстить еще не разгромленному окончательно врагу, результатом этой мести становились, в конечном счете, слезы радости в связи с избавлением от ужасов войны. Данные лозунги примечательны тем, что они раскрывают сущность закладываемой нарративной интерпретации событий, несмотря на то что травматический опыт впоследствии поглощался риторикой триумфа. Победа до сих пор воспринимается именно «как радость со слезами на глазах...».

Взаимоотношения СССР и союзников также были отражены в томских «Окнах ТАСС». Поводом к актуализации темы сотрудничества СССР и западных стран стало подписание в мае–июне 1942 г. англо-советского договора о военном и политическом союзе и советско-американского соглашения о взаимной помощи. Единство стран антигитлеровской коалиции изображалось с помощью традиционного мотива: три руки, на каждой из которых – символика соответствующей союзной страны, наносили смертельный удар по Гитлеру¹³. На другом плакате Германия, представленная в образе изможденной женщины, отбрасывала от себя фашистов, стремящихся напоить ее микстурой наступлений, со словами: «Англо-советский договор прояснил мой кругозор. Не спасут нас наступленья, близко наше поражение». Замысел художников состоял в том, чтобы показать, что, ополчив против себя крупнейшие страны, нацисты не избежат недовольства населения Германии. Здесь явно просматривается классовый подход советской пропаганды, согласно которому трудящиеся массы Европы неминуемо должны восстать против фашистского произвола и угнетения. Иллюстрировала данные надежды еще одна агитка, посвященная 1 Мая, в которой советские плакатисты передавали майский привет зарубежным братьям по классу¹⁴.

Необходимо отметить, что элементы классового подхода и революционные лозунги сочетались в томских «Окнах ТАСС» с патриотической риторикой и актуализацией героических образов прошлого.

Так, интерес представляют два одинаковых по композиции плаката, выпущенных в 1942 г. Одно из «Окон» было посвящено 25-й годовщине Октября и изображало идущих в атаку на немцев красноармейца и партизана, за которыми стояли представители многонационального советского народа. Боец при этом сжимал Красное знамя с профилями Ленина и Сталина и лозунгом «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!» Призыв внизу плаката гласил – «Вперед на защиту социалистической Родины! Не отдадим великих завоеваний Октября!». Другой плакат с призывом «За Родину» изображал стройные ряды бойцов, атакующих при поддержке танков, авиации и артиллерии и под знаменем с изображением Александра Невского, А.В. Суворова и М.И. Кутузова.

Не обошли вниманием томские художники и тему преемственности побед русского / советского народа. Под широко использовавшимся советской агитацией названием «Били, бьем и будем бить!» вышло в 1942 г. томское «Окно ТАСС» № 5. Победы над тевтонами в 1242 г., армией Фридриха II в 1760 г., борьба против германских интервентов в 1918 г. задавали традицию, следование которой объявлялось долгом советского народа.

Связь воинов Красной армии со своими предками-победителями подчеркивалась не только вербально («Как древнерусский великан сражался Богатырь Иван»), но и визуально, чему так же сопутствовало использование религиозных мотивов и образов. Интересен в данном контексте плакат, на котором советский солдат в образе Георгия-Победоносца бьет копьем фашистского дракона, состоящего из многочисленных фигур вражеских солдат и техники. Обращает на себя внимание и использование словосочетания «проклятая орда» применительно к Вермахту, что также является апелляцией к определенным пластам культурной и исторической памяти¹⁵.

Позитивные, героические образы *своих* четко противопоставлялись образу *врага*. Изображение противника в томских «Окнах ТАСС» в целом следовало логике центральных изданий. В рамках исследуемой коллекции, как показал подсчет, для идентификации врага маркеры «немец / немецкий», а также национальное прозвище «фриц» значительно превышают маркер «фашист / фашистский» (14 и 2 против 12 соответственно).

Ненависть к врагу и насмешка над ним, как отмечает Г.Л. Демосфенова, определяли два подхода в формировании образа врага в рамках плакатной сатиры (Демосфенова 1962: 161). Стремясь вызвать у зрителя «священную ненависть» к немцам, художники в некоторых случаях создавали обобщенные, но в то же время достаточно реалистичные образы врага. Подчеркивались при этом коварство, жесто-

кость и бесчеловечность фашистов. Сюжеты некоторых томских «Окон ТАСС» раскрывали злодеяния немцев – убийства мирного населения, грабежи¹⁶. Иногда реалистично изображался уже побежденный враг. Плакаты выполнялись преимущественно в мрачных тонах, а основным мотивом их вербального содержания являлись призывы к мести. Ярким примером в данном случае является «Окно ТАСС» «Кровь за кровь, смерть за смерть» (1942), изображавшее женщин, мстящих немецким солдатам за убитых детей.

В то же время, следуя традиции, заложенной в 1930-е гг., советские художники стремились создать карикатурный образ фашиста-зверя – врага культуры, свободы и прогресса. Подписи к изображениям раскрывали сущность «гитлеровской грабь-армии»: «Свора палачей и пьяниц танцует свой последний танец», «Насильник, вор, убийца, наглец, бандит и кровопийца», «Он тащит всё: часы, подушки, ботинки, даже... детские игрушки». (Окно ТАСС. № 6. Томск. 1942). Немецкие солдаты предстают в виде уродливых, часто зооморфных фигур, лица которых искажены злобой, а при столкновении с бойцами Красной армией – ужасом. Показывались и плачевные для немцев результаты этих столкновений – паническое бегство, всевозможные увечья и, в конечном счете, неминуемая смерть¹⁷.

Вместе с тем в плакатах, развенчивавших притязания «гитлеров всех мастей» на победы и мировое господство, присутствовала значительная доля комизма, «вызывавшего у зрителя здоровый, уничтожающий смех» (Демосфенова 1962: 161). Такой подход прежде всего был характерен для изображения лидеров фашистской Германии, их союзников и военачальников вермахта. Необходимо отметить, что в 1930-е гг. в советских СМИ фотографии лидеров враждебных стран практически не появлялись. «Враги» оттеснялись на пространство рисунка и карикатуры, что позволяло создавать необходимый отрицательный образ, вызывающий те или иные эмоции у зрителя, и который было уже невозможно интерпретировать неверно. Период войны не стал исключением. Основным объектом насмешки и критики являлся, конечно же, Гитлер – «бандитской шайки атаман». Он, как и его подчиненные, нередко предстал в рисунках томских художников в виде различных звероподобных существ – собаки, хитрого лиса, паука. Тезис о том, что фашизм – это порождение империализма, нашел свое выражение в одном из «Окон», изображавшем капиталиста и элиту фашистской Германии в образе стаи псов. «Чтобы иметь себе опору, завел банкир собачью свору. Цепные псы по свету рыщут и прибыль для банкиров ищут», – гласила подпись к плакату. Изображая фашистов в человеческом обличье, художники создавали гротескные, гиперболизированные, но узнаваемые образы. Яркими

примерами такого подхода стали портреты «людоеда Гитлера и его подручных» в томском «Окне ТАСС» № 4 (1942), а также серия карикатурных портретов гитлеровских генералов в виде «битых козырей» («Битые козыри». Окно ТАСС. № 3. Томск. 1942).

Для того чтобы не только высмеять, но и показать полную несостоятельность и обреченность фашистов и их союзников, художники помещали их в нелепые и комичные ситуации. Разгром Италии в ходе операции союзников в 1943 г. нашел отражение в плакате «Ось сломалась» (1943). Отломившаяся ось телеги с надписью «Рим» летела с обрыва вместе с Муссолини. На оставшейся части еле удерживались Гитлер и его союзники. Уверенность советских агитаторов в разгроме фашистского блока выражалась короткой фразой – «В одной куче Гитлер будет вместе с дуче!» Наряду с немцами осмеянию подлежали и их союзники. Румыны, финны, итальянцы, венгры изображались как поставщики ресурсов для Германии, заплатки для немецкой армии, жалкие, бесправные вассалы, безропотно идущие на убой по велению «мясника Адольфа»¹⁸ (ил. 11-12). Чаще всего враг изображался не в момент, когда он сильнее всего угрожал «своему», а в положении побежденного, или такого который будет побежден или уничтожен в ближайший момент.

Противник, показанный с помощью приемов сатиры, подавлялся присутствием реалистично поданного «своего». Подобный прием позволял создать эмоциональную дистанцию, которая действовала бы

диаметрально противоположно механизму запугивания. Советские агитаторы стремились передать не грозящие последствия поражения, а неизбежность собственной победы (Вашик 2005: 223).

Подводя итог, следует отметить следующее:

Плакаты «Окна ТАСС», выпускавшиеся в крупных центрах (Москва, Ленинград), прифронтовой полосе и в регионах, находившихся в глубоком тылу, по тематике, сюжетам, композиции и образным решениям были практически идентичны. Обусловлено это было в первую очередь особенностями самого жанра и формата «Окон». Кроме того, томские художники работали в рамках заложенных еще в 1920-1930-е гг. традиций изображения позитивных («свои») и негативных («чужие», «враги») образов. В качестве особенности сибирских (в частности томских) «Окон ТАСС» следует отметить повышенное внимание к теме тыла, что обусловлено местом создания плакатов.

Коллекция томских «Окон ТАСС», сохранившаяся в Научной библиотеке Томского государственного университета, даже будучи не столь многочисленной (53 экземпляра), дает широкое представление о содержании советской визуальной пропаганды периода Великой Отечественной войны и ее региональном (тыловом) компоненте.

Томские «Окна ТАСС» вполне справлялись с возложенными на них функциями. Свидетельством тому является то, что работы томской художественной мастерской неоднократно демонстрировались не только в окнах и витринах агитпунктов, но и в рамках специаль-

ных выставок. Как отмечала томская печать, «Окна» пользовались большой популярностью в городах Сибири и Красноярского края. А лучшие работы были экспонированы в Москве и «заслужили отличную оценку». Вместе с тем о весомом вкладе руководителя мастерской – М.М. Щеглова не только в агитационно-пропагандистскую деятельность, но и в художественную жизнь города в целом говорит тот факт, что 130 его работ были приобретены Комитетом по делам искусств Союза ССР (По городу 1943).

** Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, плакат В. Корецкого «Боец, спаси этих ребят от голодной смерти, истребляй немецких разбойников!» (1943).

2. См., например, плакаты Н. Павлова «Да здравствует наша великая Родина!» (1943), Н. Ватолиной «За нашу великую Родину!» (1944).

3. В известных авторам данной статьи лозунгах мотив славянства встречается лишь трижды, однако в некоторых плакатах он прослеживается по внешнему виду и деталям костюма героев агиток.

4. Отчасти национальная категория «русские» воспроизводится в контексте исторического опыта страны и цитатах великих полководцев прошлого, но иногда применяется и к настоящему моменту.

5. См., например, плакат М. Щеглова «Шахтер, металлург! Своим стахановским трудом куешь победу над врагом». «Окно ТАСС». Томск (1943).

6. См., например, плакат «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян». «Окно ТАСС». Томск (1943).

7. См. плакат «Тыл фронту». Окно ТАСС. №2. (1942).

8. См. плакат «В горах, на равнинах, на каждом шагу – смерть врагу!». «Окно ТАСС». Томск (1942).

9. См. плакат Щеглова М. «За Сталинград! Вперед за нашу Отчизну! За Сталинград! За Сталина». «Окно ТАСС». Томск (1943).

10. «Комсомольское». «Окно ТАСС». № 12. Томск (1942).

11. «Геббельс о победе врет. Полковник Бедин немцев бьет». «Окно ТАСС». Томск (1942).

12. «О них и книги напишут. О них и песни споют». «Окно ТАСС». Томск (1942).

13. См., например, плакат «Договор СССР с Англией, соглашение с США». «Окно ТАСС». Томск (1942).

14. «1 мая». «Окно ТАСС». Томск (1942).

15. «Отдать все силы обороне!». «Окно ТАСС». Томск (1942).
16. См., например, плакат «Не отдадим братьев и сестер на лютую смерть и поругание». «Окно ТАСС». Томск (1942).
17. См., например, плакат «Сладкие мечты и горькая действительность». «Окно ТАСС». Томск (1942).
18. См., например, плакаты «Сбор пожертвований в оккупированных странах». «Окно ТАСС». Томск (1942).

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев 1982 - *Афанасьев В.А.* Изобразительное искусство // История городов и сел Украинской ССР: Киев / Киев в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Киев: АН УССР. Ин-т истории, 1982. С. 391-393.
- Вашик 2005 – *Вашик К.* Метаморфозы зла. Немецко-русские образы врага В плакатной пропаганде 30-50-х годов // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. 334 с.
- Войтасик 1981 - *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М.: Прогресс, 1981. 280 с.
- Ворошилова 2013 - *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 194 с.
- Голубев, Поршнева 2012 - *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.
- Горощенко 1932 - *Горощенко Г.Т.* Как работать над плакатом. М.; Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1932. 82 с.
- Демосфенова 1962 - *Демосфенова Г.Л.* Советский политический плакат. М.: «Искусство», 1962. 444 с.
- Дмитриенко 1999 - Томск. История города от основания до наших дней / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 430 с.
- Исаева 2012 – *Исаева Л.Ю.* Плакаты Великой Отечественной войны «Окна ТАСС» Михаила Щеглова // Томские музеи. Краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Муниципальные музеи: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». Томск, 2012. С. 68-75.
- Искусство в томском тылу 2014 - Искусство в томском тылу // Центр документации новейшей истории Томской области. URL: <http://www.cdnito.tomsk.ru> (дата обращения: 18.04.2015).
- Могучее средство 1943 - Могучее средство массовой агитации // Литература и искусство. 1943. 19 июня.
- По городу 1943 – По городу // Красное знамя. Томск, 1943. 8 янв.
- Рязанский снайпер 2010 - Рязанский снайпер навечно остался на плакате Победы // Вести.Ru / Новости. 2010. 29 апреля. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=356363&m=2> (дата обращения: 07.04.2015).
- Сенявская 2006 - *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: «РОССПЭН», 2006. 288 с.

Художник-агитатор 1942 - Художник-агитатор // Литература и искусство. 1942. 28 марта.

Шклярчук 2004 - Шклярчук А.Ф. Шестьсот плакатов. М.: Контакт-культура, 2004. 192 с.

Чудинов 2011 - Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. 252 с.

REFERENCES

Afanas'ev, V.A. (1982) *Izobrazitel'noe iskusstvo* [Visual art]. In: *Istoriya gorodov i sel Ukrainskoy SSR: Kiev* [History of the cities and villages of the Ukrainian SSR: Kiev]. Kiev: USSR AS [In Russian].

Vashik, K. (2005) *Metamorfozy zla. Nemetsko-russkie obrazy vraga V plakatnoy propagande 30-50-kh godov* [The metamorphosis of evil. The German-Russian images of the enemy in the posters during 1930–1950]. In: Konradova, N. (ed.) *Obraz vraga* [The image of enemy]. Moscow: OGI [In Russian].

Voytasik, L. (1981) *Psikhologiya politicheskoy propagandy* [Psychology of political propaganda]. Moscow: Progress [In Russian].

Voroshilova, M.B. (2013) *Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: keys to understanding]. Ekaterinburg: Urals State Pedagogical University [In Russian].

Golubev, A.V. & Porshneva, O.S. (2012) *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The image of the ally in the mind of Russian society in the context of the world wars]. Moscow: Novyy khronograf.

Goroshchenko, G.T. (1932) *Kak rabotat' nad plakatom* [How to work on a poster]. Moscow; Leningrad: OGIZ-IZOGIZ [In Russian].

Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiiy plakat* [The Soviet political poster]. Moscow: Iskusstvo [In Russian].

Dmitrienko, N.M. (ed.) (1999) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. The history of the city from the beginning to the present]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

Isaeva, L.Yu. (2012) *Plakaty Velikoy Otechestvennoy voyny "Okna TASS" Mikhaila Shcheglova*. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Tomskie muzei. Kraevedcheskiy muzey im. M.B. Shatilova. Munitsipal'nye muzei: materialy k entsiklopedii "Muzei i muzeynoe delo Tomskoy oblasti"* [Tomsk museums. The Museum of Local history named after M.B. Schatilov. Municipal museums: materials to the encyclopedia "Museums and Museology. Tomsk region"]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

The Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk region. (2014) *Iskusstvo v tomskom tylu* [The art in the Tomsk rear] [Online]. Available from: <http://www.cdnito.tomsk.ru> (Accessed: 18th April 2015) [In Russian].

Literatura i iskusstvo. (1943) *Moguchee sredstvo massovoy agitatsii* [A powerful tool of mass propaganda]. June 19th [In Russian].

Krasnoe znamy. (1943) *Po gorodu* [About the town]. Tomsk. January 8th [In Russian].

Zakharova, A. & Bredikhin, A. (2010) Ryazanskiy snayper navechno ostalsya na plakate Pobedy [The Ryazan sniper stayed on the victory poster forever]. *Vesti.Ru*. April 29th [Online]. Available from: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=356363&m=2> (Accessed: 7th April 2015) [In Russian].

Senyavskaya, E.S. (2006) *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: evolyutsiya "ob-raza vraga" v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: the evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society]. Moscow: ROSSPEN [In Russian].

Literatura i iskusstvo. (1942) Khudozhnik-agitator [The artist-agitator]. March 28th [In Russian].

Shklyaruk, A.F. (2004) *Shest'sot plakatov* [Six hundreds posters]. Moscow: Kontakt-kul'tura [In Russian].

Chudinov, A.P. (2011) *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Contemporary political linguistic]. Ekaterinburg: Urals State Pedagogical University [In Russian].

Федосов Егор Андреевич – магистрант 2-го года обучения исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Fedosov Egor – 2nd year Master Student, the Faculty of History, National Research Tomsk State University.

E-mail: karamba243@yandex.ru

Конев Кирилл Александрович – магистрант 2-го года обучения исторического факультета, сотрудник Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.

Konev Kirill – 2nd year Master Student, the Faculty of History, the Librarian of the Scientific Library, National Research Tomsk State University.

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

УДК 93:378(571)"1941/1945"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/13

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИКИ ТЫЛА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (На примере Сибири 1941-1945 гг.)

Д.В. Хаминов

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: khaminov@mail.ru
SPIN-код: 5436-1090

Авторское резюме

Празднование очередного юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне вновь обращает внимание современных историков на малоисследованные сюжеты военного прошлого. С вовлечением в научный оборот новых исторических источников, с применением новых методологических подходов появляется возможность взглянуть на уже, казалось бы, подробно изученные сюжеты войны с нетривиальной точки зрения, а также уделить особое внимание конкретным макрорегионам СССР. Актуальным сегодня является обращение к вопросам, связанным с исследованием научно-образовательного потенциала сибирского региона в области исторических исследований и организации исторической науки. Этот сегмент научного знания является важным социокультурным и политико-идеологическим конструктом любого общества и в любой период его истории. История выступает специфической областью государственной политики и общественных отношений, благодаря которой осуществляется преемственность поколений, формируются сознание человеческой личности, ее гражданская и политическая идентичность (в том числе и формирование гражданского общества), культура, мировоззренческие установки, нравственные ценности, чувство патриотизма. Историческое знание через разветвленную систему и механизмы его ретрансляции в конечном итоге существенно влияло на морально-идеологический климат тыловых регионов в военное время, несло в себе конкретные патриотические функции по поддержанию жизнедеятельности в периферийных регионах страны. Работа написана на основе новых источников и материалов, выявленных автором в сибирских архивах, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: историческая наука, университет, педагогический институт, учительский институт, тыл, Великая Отечественная война, Сибирь.

Historical science and Historians of the home front in extreme wartime conditions (On example of Siberia 1941-1945)

D.V. Khaminov

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: khaminov@mail.ru

Abstract

Article is devoted to issues related to the study of scientific and educational potential of the Siberian region in the field of historical research and the organization of historical science. This segment of scientific knowledge is an important socio-cultural and politico-ideological construct in any society and in any period of its history. History is the specific area of public policy and public relations, thanks to which is realizing the succession of generations, formed the consciousness of the human personality and its civil and political identity (including the formation of civil society) and culture, changing attitudes, moral values, a sense of patriotism. Historical knowledge through an extensive system and mechanisms of its realization, ultimately, significantly affect the moral and ideological climate of home front regions in wartime, bore the patriotic specific functions to maintain life in the peripheral regions of the country. The work is written on the basis of new archival sources and materials identified by the author in the Siberian archives, which the first time introduced into the scientific revolution.

Keywords: historical science, university, pedagogical institute, teachers institute, home front, Great Patriotic War, Siberia.

Военные годы стали серьезным испытанием и проверкой для относительно молодого сибирского научно-образовательного комплекса. Перед учеными вузов и научно-исследовательских учреждений встала задача в тяжелых, экстремальных условиях ответить на вызовы военного времени, включиться в процесс помощи фронту и тылу объектами своей интеллектуальной деятельности. Аналогич-

ная задача стояла и перед существовавшей уже почти десятилетие системой исторических образовательных и научных учреждений Сибири, которые к этому времени только проходили период своей институционализации.

Перед историками была поставлена совершенно определенная задача – оказать помощь в деле Победы. Они должны были выполнить ту функцию, которая была на них возложена еще в довоенный период: играть ключевую роль в формировании патриотической и гражданской платформы населения. История, в тесной связи с партийно-государственной идеологией, призвана была обеспечивать политико-воспитательную работу среди советских граждан, а научные и образовательные учреждения восточной периферии в военные годы должны были ускоренно готовить новые кадры, которые после окончания войны придут на место не вернувшихся с фронта учителей, сотрудников научных, образовательных и просветительских учреждений, партийных и советских работников и проч.

Разноаспектные вопросы, связанные с положением периферийных тыловых регионов СССР в годы войны, в том числе и связанные с историей высшего образования и науки в военные годы, нашли широкое отражение как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Однако исследуемый в данной статье сюжет не имеет к настоящему времени специальной разработки в исторической литературе. В разные годы некоторые исследователи обращались к общим проблемам развития исторического образования и науки в военные годы в масштабах всей страны (Михайлова 1973; Ушмаева 2011; Ищенко, Ушмаева 2005), без выявления региональной специфики развития исторического знания, тем более в рамках сибирского макрорегиона. Начавшийся в последнее время процесс регионализации исследовательских векторов придал импульс направлению по изучению означенных процессов на уровне периферийных (тыловых) макрорегионов страны (Терехов 2003; Ушмаева 2005; Широков 2005). Имеющиеся на сегодняшний день исследования по сибирской направленности посвящены лишь локальной истории развития высших учебных и научных заведений Сибири и их исторических структурных подразделений (Тюменский 1961; Томский 1980; Барнаульский 1983; Самосудов 1996; Иркутский 1998; Профессора 1998; Боженко 2003; Николаев, Рабецкая, Татаринов 2009; Хаминов 2011) либо процессам развития исторического знания на территории отдельных сибирских регионов (Игумнов 2000; Шурова 2008; Данькин 2009). Эти исследования в соответствующих разделах, посвященных военному периоду, дают лишь краткое описание состояния исторической науки и иных аспектов исторического знания в конкретном вузе или регионе.

Обзор работ, связанных с предметом исследования, говорит о недостаточной историографической разработке вопроса. В статье была предпринята попытка реконструкции процесса развития и определения основных направлений исторических исследований в Сибири в годы Великой Отечественной войны, выявления роли и значения этих процессов относительно общих условий жизни тылового региона СССР и его вклада в дело Победы.

На рубеже 1930-1940-х гг. базой регионального исторического сообщества сибирских историков были педагогические институты (включали в себя еще и учительские институты), где действовали исторические отделения и факультеты. Педагогические институты, а также самостоятельные учительские институты существовали во всех административных центрах территориальных и национальных субъектов Сибири и некоторых крупных городах. При старейших сибирских университетах – Томском и Иркутском – работали исторические отделения, хотя открыты они были лишь накануне войны, в 1940/41 учебном году. В Западной Сибири работали пединституты (с учительскими институтами в своем составе) в Томске, Омске, Новосибирске и самостоятельные учительские институты в Тобольске и Колпашеве. В Восточной Сибири – пединституты (с учительскими институтами в своем составе) в Иркутске, Улан-Удэ, Чите и учительский институт в Енисейске. В военные годы были открыты (путем реорганизации учебных заведений более низкого уровня) пединституты в Сталинске (ныне – Новокузнецк) и Абакане с историческими отделениями. Также за время войны были открыты исторические отделения и факультеты в тех вузах, где до этого их не было (в Барнаульском, Тюменском и Красноярском пединститутах). В двух национальных субъектах Сибири были созданы комплексные гуманитарные институты по изучению истории, языка, литературы и народов этих регионов – в Улан-Удэ (1936 г.) и Абакане (в 1944 г.). Кроме перечисленных специализированных институций, историческими исследованиями занимались сотрудники кафедр марксизма-ленинизма (кто преподавал историю ВКП(б)) отраслевых и ведомственных вузов Сибири. Спецификой их научных исследований была историко-партийная и революционная тематика.

Сибирский регион, как это уже случалось ранее в период Гражданской войны, повторно выполнил важную миссию по приему в своих городах и учебных заведениях научно-педагогических работников из городов европейской части страны (помимо эвакуации промышленных предприятий, государственных учреждений, организаций и т. п.). На протяжении первых нескольких месяцев в сибирские города (другим направлением эвакуации оказались города среднеазиатских

республик СССР) эвакуировались сотрудники, аспиранты, студенты, учебно-вспомогательный персонал университетов, институтов, научно-исследовательских и просветительских учреждений западных регионов, прежде всего, из московских и ленинградских вузов, а также вузов с территории Украинской ССР (прежде всего, Харьковского, Одесского и Киевского университетов). В эвакуации на территории Сибири оказались многие видные советские историки. Несмотря на то что это влекло за собой большие проблемы для принимающих вузов (выражалось в сокращении кадров в сибирских вузах, связанное не только с уменьшением числа студентов, но и с необходимостью трудоустройства эвакуированных преподавателей), данный процесс открывал перед сибирскими вузами небывалые перспективы для дальнейшего научно-образовательного развития.

В сибирские города прибыла замечательная плеяда советских историков. В Томск были эвакуированы профессор МГУ А.И. Неусыхин (специалист по истории Средних веков и историографии), профессор Ф.А. Хейфец (специалист по новой и новейшей истории, до войны работала в Институте истории АН СССР и была зав. кафедрой всеобщей истории Историко-архивного института НКВД), специалист по истории СССР, профессор Академии им. И.В. Сталина и Московского пединститута Э.Н. Ярошевский (Профессора 1998). В Иркутском университете стали работать С.Я. Лурье (историк античности, филолог, доктор исторических и филологических наук, профессор Самарского и Ленинградского университетов), профессор И.И. Белякевич (в довоенные годы – зав. кафедрой истории колониальных и зависимых стран, и.о. профессора Одесского университета, востоковед, славист) (Иркутский 1998). Кроме них, в Томске и Иркутске оказалось большое количество доцентов, преподавателей и аспирантов. Почти все прибывавшие в сибирские университеты историки стали работать параллельно в пединститутах этих городов.

К Омскому пединституту (сам институт находился с 1941 по 1943 г. в эвакуации в Тобольске) был прикомандирован прибывший из Московского пединститута профессор А.И. Козаченко, которого затем сменил на должности зав. кафедрой истории профессор А.А. Ивановский, эвакуированный из Харьковского пединститута. На историческом факультете стали работать действительный член Археологической комиссии Всеукраинской Академии наук Н.В. Горбань, в последние военные годы зав. кафедрой истории стал доцент (позже доктор исторических наук) А.З. Барабой (ИАОО 2: 10; Николаев, Самосудов 1996: 14-17). В Красноярский пединститут из МГУ прибыл профессор М.А. Москалев (профессор кафедры марксизма-ленинизма). На всем протяжении военных лет в преподавательский коллектив Абакан-

ского пединститута (до 1944 г. – учительского института) вливались эвакуированные историки: профессор МГУ С.А. Токарев (известный советский ученый-этнограф, историк этнографической науки, начало его исследований в довоенный период было связано с этнографией тюркоязычных народов Сибири – алтайцев, хакасов, якутов), доценты Д.Е. Хайтун и Я.А. Левицкий и др. (Данькин 2009: 55-56).

Прибывавшие ученые, в силу их значительного научного авторитета и высокой квалификации, занимали должности заведующих кафедрами, а часто под них специально создавались новые структуры. Обратная ситуация сложится в последние годы войны и в первые послевоенные годы. Со второй половины 1943 г. началась массовая реэвакуация научно-педагогических работников из Сибири в места их основной работы. Это повлекло за собой негативные последствия – из вузов уходили ведущие работники, квалифицированные профессора и доценты, после чего долгое время оставались не замещенными вакантные должности, аспиранты лишались квалифицированного научного руководства, само существование аспирантуры в университетах было под угрозой и т. д.

Благодаря большой концентрации в Томском и Иркутском университетах ученых-гуманитариев, решением ВКВШ при СНК СССР с 1942 г. ученым советам ТГУ и ИГУ было разрешено принимать к защите кандидатские диссертации по историческим и филологическим наукам, благодаря чему за несколько военных лет было защищено два десятка кандидатских диссертаций только по историческим наукам, чуть меньше – по филологическим. В Томск и Иркутск стали приезжать защищать диссертации соискатели из других сибирских городов. До этого в Сибири не было такой возможности, а желающие должны были ездить в города европейской части СССР. Диссертации, защищенные в военные годы, были связаны с историко-партийной тематикой и с новейшей историей СССР, во многих случаях они имели выход на проблематику военного времени (ГАТО 2: 2, 13 об.; Иркутский 1978: 65).

Специфику направлений исследований и организации научно-исследовательской работы историков Сибири во многом обуславливали реалии и условия военного времени (а нередко и отсутствие этих самых нормальных и достаточных условий). Во-первых, сложное организационное и материально-бытовое положение, загруженность научно-педагогических работников производственной, общественной, просветительской и иными видами деятельности не оставляли времени для систематического ведения научных исследований. Во-вторых, отсутствие не только специального финансирования для научных исследований (командировки, экспедиции, издание научных работ и т. п.), но и минимальных условий для занятия наукой (начиная с

дефицита бумаги и заканчивая отсутствием специальной литературы и периодики в библиотеке и т. п.) (ЦДНИ ТО 2: 36). В-третьих, отсутствие возможности выезда в командировки в города европейской части СССР, прежде всего в архивы и библиотеки Москвы, Ленинграда и других крупных городов, также не давало возможности заниматься серьезными научными исследованиями и, тем более, готовить диссертации. В-четвертых, к военному времени у сибирских историков не успела пока сложиться собственная научная исследовательская традиция, связанная с сибирской тематикой. Это объясняется двумя обстоятельствами. С одной стороны, окончившееся в начале 1930-х гг. так называемое золотое десятилетие краеведения в СССР, разгром редакции и репрессии в отношении авторского коллектива «Сибирской советской энциклопедии», содержание которой имело в большей степени краеведческий характер, не способствовали в предвоенные годы развитию краеведческого направления, да и не успели бы молодые вузы и институты начать подобные исследования. С другой стороны, формировавшийся научно-педагогический состав пединститутов, университетов и исследовательских институтов, приезжая в сибирские регионы, окончив вузы городов европейской части СССР, привозил с собой либо общероссийскую тематику исследований (что практически исключало возможность дальнейшего продолжения исследований на местах), либо локальную тематику тех регионов, где эти люди обучались. Таким же образом и эвакуированные из центра ученые приезжали в Сибирь со своими исследовательскими направлениями и темами, специально не перестраиваясь под сибирскую тематику.

Несмотря на все вышеперечисленные препятствия для ведения систематической научно-исследовательской работы, другая сторона развития периферийной исторической науки проявилась в том, что именно в условиях войны был дан серьезный импульс и во многом определены главные векторы дальнейших исследований, получивших развитие в послевоенные годы. Они заложили основу ряда сибирских исторических школ и направлений, которые приобрели впоследствии широкую известность.

Некоторые эвакуированные сибирские вузы (Омский, Барнаульский и Новосибирский пединституты) из региональных центров в еще более провинциальные города Сибири (Тобольск, Камень-на-Оби, Колпашево), начали на местах работать совместно с учительскими институтами этих городов. Оказавшиеся здесь сотрудники сибирских и центральных вузов вынуждены были заняться местной тематикой, перейдя на изучение локальных сюжетов. На основе местных архивных источников и материалов они изучали и публиковали работы

по историко-революционному прошлому этих городов, истории населенных пунктов, социально-хозяйственному укладу регионов и местного населения, истории отдельных предприятий и т. д. (ГААК 1: 23-23 об., 26 об.; ГАО 1: 5 об.; ИАОО 1: 6). Яркий пример взаимовыгодного сотрудничества в условиях эвакуации – перемещение Омского пединститута в Тобольск. С одной стороны, прибывшие в этот старинный сибирский город с богатейшей историей, а главное – с богатейшими архивными фондами историки интенсифицировали исследовательскую жизнь и стали разрабатывать сюжеты, имевшие большое научно-историческое значение для Сибири и продолженные впоследствии уже местными историками (ИАОО 2: 31). С другой стороны, получив возможность изучать фонды тобольского архива, связанного с многовековой историей западносибирского региона, омские историки открыли для себя новые исследовательские направления, которые впоследствии развивались ими уже в самом Омске. Так, Н.В. Горбань в 1946 г. защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию «Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в.», позже по материалам Тобольского и Омского архивов подготовил докторскую диссертацию «Крестьянская война 1773-1775 гг. в Западной Сибири».

В рамках организации систематической помощи ученых тыла стране в военные годы, томские историки приняли участие в работе «Томского комитета ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время». Профессора и преподаватели исторических кафедр университета и пединститута со страниц газеты «Красное знамя» обратились к «работникам исторического фронта». Они отмечали, что Отечественная война требует от научных работников исторического фронта и преподавателей исторических дисциплин перестройки научно-исследовательской, преподавательской и общественно-политической работы с целью полного подчинения ее задачам обороны Советского Союза, укрепления морально-политического единства советского народа и воспитания патриотизма. В этой связи все научные работники и преподаватели должны были сделать достоянием молодежи и широких масс «великое и героическое прошлое народа». «Историк, – говорилось в обращении, – должен разоблачать звериное обличие и варварскую политику фашизма. Важнейшая задача историков состоит в том, чтобы упорно и настойчиво воспитывать и укреплять в народе непоколебимую уверенность в нашей победе. Историк обязан в своей научной и преподавательской работе воспитывать и крепить в сердцах народа неугасимую и испепеляющую ненависть к фашистским насильникам» (Красное знамя 1).

Обобщая тематику научно-исследовательских работ сибирских историков в военные годы, можно заключить, что доминирующей стала военная и историко-патриотическая тематика. Это были темы, связанные с разработкой исторических портретов героических личностей прошлого – участников национально-освободительных движений, выдающихся полководцев; сюжеты, сопряженные с историей знаменитых военно-исторических событий (битвы, операции и т. п.); история военного искусства и т. п. Историками разрабатывались сюжеты, освещавшие вопросы национально-освободительных войн русского и других народов России. В первую очередь, эти сюжеты были связаны с историей борьбы именно против немецких захватчиков в разные периоды истории страны: «Борьба славян с немецкими захватчиками в XII-XIII вв.» (Данькин 2009: 59), «Борьба славянских народов с немецкими феодалами» (ГАНО 1: 5 об.), «Борьба с немцами в 1918 г. на Украине» (ГАТО 4: 4). Другим вектором исследований в этом направлении были работы, связанные со всеобщей историей, посвященные сюжетам борьбы других государств с иностранной агрессией (например, «Агрессивная политика Японии в Китае в период Первой мировой войны» и т. п.).

Коррелирующими этому направлению исследований были темы, связанные с антифашистскими сюжетами, направленные на научную критику нацистской идеологии, на вскрытие ее антигуманного содержания и деструктивного начала. Эти исследования строились авторами на конкретно-историческом материале и призваны были сыграть важную роль в развенчании вражеской идеологии. Результаты научной деятельности в этом направлении историками публиковались в научно-популярных статьях, издавались в тематических сборниках, писались заметки в региональные газеты, разрабатывались циклы научно-популярных лекций для населения и т. п. Томскими историками были разработаны такие темы, как «Исторический миф третьей империи», «Фашистский миф “Крови и земли”», «Феодалная эксплуатация крестьянства в средневековой Германии X-XIII вв.», «Средневековая Германская империя» (проф. А.И. Неусыхин), «Италия в годы Первой Империалистической войны (особенности внешней политики Италии)», «Разгром империи Наполеона и неизбежный разгром Гитлера» (Р.Е. Кугель) (ЦДНИ ТО 1: 50 об.-51), «Фашистский миф о Фридрихе Шиллере» (доц. Е.В. Гутнова) (ГАТО 1: 162 об.). Иркутские историки разрабатывали темы «Западные и восточные районы СССР», «Фашистские извращения античной истории» (ГАНИ ИО: 43) и т. п. Доцент С.В. Шостакович, будучи историком, подготовил и защитил кандидатскую диссертацию по юриспруденции в Институте международного права АН СССР «Исторические корни отрицания герман-

ским фашизмом общепринятых законов войны» (Шостакович 1944). Новосибирские историки разработали темы «Новый гитлеровский порядок в Европе – тюрьма для народов», «Разбойничья идеология германского фашизма» (ст. преп. Р.В. Лейтман) (ГАНО 1: 5 об.) и т. д.

В последние годы войны в некоторых городах Сибири, особенно в Томске и Иркутске, получили особый импульс к развитию археологические исследования и археологические разведки на местности. Открытые еще в дореволюционный период археологические объекты давали большое количество материала для исследований. Например, по инициативе двух томских ученых – профессора К.Э. Гриневича (археолог, историк древности и античности) и профессора А.П. Дульзона (лингвист, этнограф, археолог), была создана в 1944 г. объединенная комплексная археологическая экспедиция Томского университета и Томского пединститута, которая проводила в окрестностях Томска раскопки древнего поселения, курганов и могильников – урочище Басандайка. По словам самого профессора К.Э. Гриневича, он хотел «рассеять мрак неизвестности, который лежит на всем дорусском периоде истории нашего края <...> что важно для понимания законов мировой истории; это должно дать нам ключ к пониманию многих элементов языка, быта, обычаев, искусства западноевропейских народов...» (Красное знамя 2). Весной 1945 г. К.Э. Гриневич по приглашению АН СССР принял участие в Первом Всесоюзном археологическом совещании, организованном Академией наук. В ходе поездки К.Э. Гриневич участвовал в работе совещания плановой комиссии и добился утверждения пятилетнего плана археологических исследований в Томской области (ГАТО 3: 68). По итогам совещания в том же 1945 г. по предложению Академии наук СССР при Томском университете была создана комиссия для подготовки материалов к Всесоюзному археологическому совещанию. Целью работы этой комиссии стала выработка пятилетнего плана археологического исследования Томской области, который включал составление историко-археологической карты области, а также проведение стационарных раскопок для сбора материалов по истории дорусской Сибири.

Не оставляли сибирские историки проведение частных, инициативных исследований, связанных с их основными направлениями. Они были посвящены, как правило, региональной или местной тематике: история крестьянства и рабочего класса в населенных пунктах и сибирских микрорегионах, история организаций и предприятий, сюжеты, связанные с революционным прошлым, отдельными вопросами Гражданской войны на территории сибирских регионов и т. п. В национально-территориальных образованиях или в регионах, которые имели пограничное положение с национальными субъектами

(Бурятия, Хакасия, Иркутская обл.), разрабатывались вопросы, связанные с этнической историей этих регионов и окружавших их народов.

В заключение отметим, что военные годы оказали самое негативное влияние в целом на развитие страны и отдельных ее частей. Регионы, оказавшиеся под оккупацией, фронтовые территории, периферийные тыловые регионы в равной степени испытывали на себе все тяготы и лишения военного времени. При этом, на процесс развития тыловых регионов страны и на отдельные сферы их жизни военные годы оказали в определенной степени, позитивное воздействие (например, рост обрабатывающей и добывающей промышленности периферии и т. п.).

Это утверждение справедливо относится и к периферийным научно-образовательным комплексам. Например, в военные годы происходит создание национальных академий наук в союзных республиках Закавказья, организация в Новосибирске Западно-Сибирского филиала АН СССР, который стал первым стационарным подразделением АН СССР на территории Сибирского региона, и т. д. Благодаря эвакуации в сибирские города научно-образовательных учреждений из Европейской части СССР, не только удалось сохранить значительный сегмент научного и педагогического потенциала страны, но и на время интегрировать его в местную систему научно-образовательных учреждений. Это, в конечном итоге, имело самые благоприятные последствия.

Развитие сибирского научно-образовательного комплекса военного времени имело дихотомический характер. С одной стороны, лишения военных лет значительно усложнили организацию научно-образовательного процесса в вузах и научных учреждениях Сибири, прервало их, хотя и не совсем активную до этого, связь с центральными научными и образовательными учреждениями. С другой стороны, эвакуация в сибирские города и прикомандирование к региональным научным и образовательным учреждениям научно-педагогических работников из вузов и исследовательских институтов столичных и других центральных городов СССР привели к тому, что сибирский научно-образовательный комплекс обогатился исследователями, педагогами и специалистами высокого уровня, что помогало учреждениям и в годы войны, и в послевоенный период развивать новые направления исследований и повышать квалификацию своих сотрудников. В эти годы закладывались научно-образовательный потенциал и исследовательские векторы, благодаря которым интенсифицировались межвузовские связи и интеграционные процессы, выразившиеся в координации исследовательских направлений, подготовке кадров высшей квалификации и т. д.

К конкретным итогам развития исторической науки на территории Сибири в годы войны можно отнести следующее.

Во-первых, произошло усиление научно-педагогических кадров сибирских университетов и институтов и, как следствие, развитие исторических институций – открытие либо реорганизация новых кафедр, исторических отделений и факультетов, открытие аспирантуры при сибирских университетах, расширение функций советов по присуждению ученых степеней.

Во-вторых, формирование и усиление собственных научно-педагогических кадров (благодаря подготовке через аспирантуру, защите диссертаций и т. п.).

В-третьих, появление новых, уникальных научных направлений исследования, новых исследовательских подходов, расширение источниковой и методологической базы.

В-четвертых, огромная роль историков в тылу в годы войны. Их агитационная, культурно-массовая, политико-воспитательная, публикационная деятельность среди населения вносила определенный и весьма ощутимый вклад в дело Победы и положительным образом влияла на жизнь тыловых регионов.

** Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program*

ЛИТЕРАТУРА

Барнаульский 1983 - Барнаульский государственный педагогический институт. Барнаул: Алтайск. книж. изд-во, 1983. 80 с.

Боженко 2003 - Боженко Л.И. Историческое образование в Томском государственном педагогическом университете: к 70-летию исторического факультета. Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. 144 с.

ГААК 1 - Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. Р-750. Барнаульский государственный педагогический институт. Оп. 1. Д. 56. Протоколы заседаний Ученого совета. 1941-1944 гг. 55 л.

ГАНИ ИО 1 - Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИ ИО). Ф. 132. Первичная партийная организация Иркутского университета. Оп. 1. Д. 44. Информация РК и ГК ВКП(б) об общественно-политической работе в университете. 21.06.41. - 30.12.41. 55 л.

ГАНО 1 - Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. Р-1596. Новосибирский государственный педагогический институт. Оп. 1. Д. 3. Отчет о работе института за 1-й семестр 1942/1943 уч. г. 1942 г. 8 л.

ГАТО 1 - Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-566. Томский государственный педагогический институт. Оп. 1. Д. 3. Отчет о работе

Томского педагогического и учительского института за 1943-1945 гг. 224 л.

ГАТО 2 - ГАТО. Ф. Р-815. Томский государственный университет (далее – ТГУ). Оп. 1. Д. 2110. Отчет о работе ТГУ за 1942/1943 уч. г. 57 л.

ГАТО 3 - ГАТО. Ф. Р-815. ТГУ. Оп. 1. Д. 4299. Протоколы заседаний ученого совета историко-филологического факультета ТГУ. 10.12.1941-05.02.1948. 119 л.

ГАТО 4 - ГАТО. Ф. Р-815. ТГУ. Оп. 1. Д. 4301. Отчет о работе кафедры истории СССР за 1941/1942 уч. г. 4 л.

Данькин 2009 - *Данькин Е.Н.* Организация и развитие исторической науки в Хакасии: 1920-1985 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2009. 221 с.

Игумнов 2000 - *Игумнов Е.В.* Формирование научных учреждений Бурятии и их деятельность в области исторической науки: конец XIX - 50-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 211 с.

Иркутский 1978 - Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова (Краткий исторический очерк). Иркутск: Б.и., 1978. 169 с.

Иркутский 1998 - Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918-1998) / Сост. С.И. Кузнецов. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 396 с.

Ищенко, Ушмаева 2005 - *Ищенко В.А., Ушмаева К.А. и др.* Историческое образование в России в конце XIX – начале XXI в. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 383 с.

ИАОО 1 - Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. Р-1027. Омский государственный педагогический институт (далее – ОГПИ). Оп. 1. Д. 23а. Отчеты о работе факультетов и кафедр. 1941-1955 гг. 220 л.

ИАОО 2 - ИАОО. Ф. Р-1027. ОГПИ. Оп. 1. Д. 32. Годовой отчет о деятельности института за 1943/1944 уч. г. 1944 г. 57 л.

Красное знамя 1 - Красное знамя (Томск). 1941 г. 23 октября.

Красное знамя 2 - Красное знамя (Томск). 1944 г. 6 июня.

Михайлова 1973 - *Михайлова Е.П.* Партийное руководство развитием исторической науки в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 28 с.

Николаев, Самосудов 1996 - *Николаев П.Ф., Самосудов В.М.* Исторический факультет Омского государственного педуниверситета (1936-1996 гг.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 124 с.

Профессора 1998 - Профессора Томского университета: биографический словарь: в 4 т. / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2 (1917-1945 гг.). 544 с.

Рабецкая, Татаринов 2009 - *Рабецкая З.И., Татаринов В.И.* Иркутский педагогический: от учительского института к университету. Т. 2: Иркутский педагогический институт в 1931-1996 годы. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2009. 432 с.

Терехов 2003 - *Терехов А.Н.* Становление и развитие высшего исторического образования на Южном Урале (1934-1993 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003. 25 с.

Томский 1980 - Томский университет. 1880-1980 / Отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 432 с.

Тюменский 1961 - Тюменский государственный педагогический институт (1930-1960 гг.). Тюмень: Изд-во ТюмГПИ, 1961. 82 с.

Ушмаева 2005 - *Ушмаева К.А.* Историки Юга России в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ставропольского государственного университета. 2005. Вып. 40. С. 29-37.

Ушмаева 2011 - *Ушмаева К.А.* Миссия советских историков в годы Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. С. 64-68.

Хаминов 2011 - *Хаминов Д.В.* Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.

ЦДНИ ТО 1 – Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 80. Томский городской комитет КПСС. Оп. 3. Д. 143. Справки, информации парткомов вузов о состоянии учебно-воспитательной работы. 29 января 1942 г. – 23 августа 1943 г. 269 л.

ЦДНИ ТО 2 – ЦДНИ ТО. Ф. 314. Кировский районный комитет КПСС, г. Томск. Оп. 1. Д. 240. Отчеты и справки о работе Томского государственного пединститута. 1943-1944 г. 76 л.

Широков 2005 – *Широков Г.А.* Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005. 44 с.

Шостакович 1944 - *Шостакович С.В.* Исторические корни отрицания германским фашизмом общепринятых законов и обычаев войны: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1944. 280 с.

Шурова 2008 - *Шурова Л.Н.* Высшее историческое образование и историческая наука в Кемеровской области в 1943-1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 237 с.

REFERENCES

Anon. (1983) *Barnaul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institute* [Barnaul State Pedagogical University]. Barnaul: Altay Book Publishing [In Russian].

Bozhenko, L.I. (2003) *Istoricheskoe obrazovanie v Tomskom gosudarstvennom pedagogicheskom universitete: k 70-letiyu istoricheskogo fakul'teta* [History education in Tomsk State Pedagogical University: to the 70th jubilee of the Historical Faculty]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University [In Russian].

The State Archives of Altai Territory (GAAK). (1941–1944) Fund R-750. Barnaul State Pedagogical Institute. List 1. File 56. Minutes of the meetings of the Scientific Council [In Russian].

The State Archives of Contemporary History of Irkutsk-region (GANI IO). (1941) Fund 132. The primary Party organization of Irkutsk University. List 1. File 44. Information of the Working Committee and General Committee of the CPSU (b) on the social and political work in the university. June 21, 1941 – December 30, 1941 [In Russian].

The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). (1942) Fund R-1596. Novosibirsk State Pedagogical Institute. List 1. File 3. Report of the Institute for

the 1st semester of 1942/1943 [In Russian].

The State Archives of Tomsk Region (GATO). (1943–1945) Fund R-566. Tomsk State Pedagogical Institute. List 1. File 3. Report on the Tomsk Pedagogical and Teachers' Training Institute 1943-1945 [In Russian].

The State Archives of Tomsk Region (GATO). (1942–1943). Fund R-815. Tomsk State University. List 1. File 2110. Report on the work of TSU for 1942/1943 [In Russian].

The State Archives of Tomsk Region (GATO). (1941–1948). Fund R-815. Tomsk State University. List 1. File 4299. Minutes of Research Committee of the Faculty of History and Philology, Tomsk State University. December 10, 1941 – February 5, 1948 [In Russian].

The State Archives of Tomsk Region (GATO). (1941–1942). Fund R-815. Tomsk State University. List 1. File 4301. Report on the work of the department of the USSR History for 1941/1942 academic year [In Russian].

Dan'kin, E.N. (2009) *Organizatsiya i razvitie istoricheskoy nauki v Khakasii: 1920-1985 gg.* [Organization and development of historical science in Khakassia: 1920–1985]. History Cand. Diss. Abakan [In Russian].

Igumnov, E.V. (2000) *Formirovanie nauchnykh uchrezhdeniy Buryatii i ikh deyatel'nost' v oblasti istoricheskoy nauki: konets XIX – 50-e gg. XX veka* [The formation of research institutions in Buryatia and their activities in the field of history: the late 19th – 1950-ies]. History Cand. Diss. Ulan-Ude [In Russian].

Friedman, V.G. (1978) *Irkutskiy gosudarstvennyy universitet im. A.A. Zhdanova (Kratkiy istoricheskiy ocherk)* [Irkutsk State University named after A.A. Zhdanov (a brief historical essay)]. Irkutsk: s.n [In Russian].

Kuznetsov, S.I. (1998) *Irkutskiy gosudarstvennyy universitet: rektory, dekany, professora (1918-1998)* [Irkutsk State University: rectors, deans, professors (1918–1998)]. Irkutsk: Irkutsk State University [In Russian].

Ishchenko, V.A., Ushmaeva, K.A. et al. *Istoricheskoe obrazovanie v Rossii v kontse XIX – nachale XXI v.* [The historical education in Russia in the late 19th – early 21st centuries]. Stavropol': Stavropol State University [In Russian].

The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). (1941–1955) Fund R-1027. Omsk State Pedagogical Institute. List 1. File 23a. Reports on the work of faculties and departments. 1941-1955 [In Russian].

The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). (1944) Fund R-1027. Omsk State Pedagogical Institute. List 1. File 32. Annual report on the activities of the Institute for the 1943/1944 [In Russian].

Krasnoe znamya. (1941) Tomsk. October 23rd [In Russian].

Krasnoe znamya. (1944) Tomsk. June 6th [In Russian].

Mikhaylova, E.P. (1973) *Partiynoe rukovodstvo razvitiem istoricheskoy nauki v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg.* [The Party management of the development of history in the Great Patriotic War of 1941–1945]. History Cand. Diss. Moscow [In Russian].

Nikolaev, P.F. & Samosudov, V.M. (1996) *Istoricheskiy fakul'tet Omskogo gosudarstvennogo peduniversiteta (1936-1996 gg.)* [The Faculty of History of Omsk State Pedagogical University (1936–1996)]. Omsk: Omsk State Pedagogical University [In Russian].

Fominykh, S.F. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Tomsk: Tomsk State University. Vol. 2 [In Russian].

Rabetskaya, Z.I. & Tatarinov, V.I. (2009) *Irkutskiy pedagogicheskiy: ot uchitel'skogo instituta k universitetu* [Irkutsk Pedagogical Institute: from the Teachers' Training Institute to the University]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University [In Russian].

Terekhov, A.N. (2003) *Stanovlenie i razvitie vysshego istoricheskogo obrazovaniya na Yuzhnom Urale (1934-1993 gg.)* [The formation and development of higher historical education in the Southern Urals (1934-1993)]. History Cand. Diss. Chelyabinsk [In Russian].

Plotnikova, M.E. (1980) *Tomskiy universitet. 1880-1980* [Tomsk University. 1880-1980]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

Slastenin, V.A., Roshchevskiy, P.I. & Gulyaev, K.P. (eds.) (1961) *Tyumenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut (1930-1960 gg.)* [Tyumen State Pedagogical Institute (1930-1960)]. Tyumen: Tyumen State Pedagogical Institute [In Russian].

Ushmaeva, K.A. (2005) *Istoriki Yuga Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Historians of the South of Russia during the Great Patriotic War]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Stavropol State University*. 40 [In Russian].

Ushmaeva, K.A. (2011) The role of Soviet historians during the Great Patriotic War. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of Caucasus*. 1 [In Russian].

Khaminov, D.V. (2011) *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v.* [History education and science in Tomsk University in the late 19th – early 21st centuries]. Tomsk: Tomsk State University [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1942-1943) Fund 80. Tomsk City Committee of the CPSU. List 3. File 143. Certificates and information about the status of party committees of universities on education. January 29, 1942 – August 23, 1943 [In Russian].

The Documentation Centre For Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). (1943-1944) Fund 314. Kirov District Committee of the CPSU, Tomsk. List 1. File 240. Reports and information on the work of Tomsk Pedagogical Institute. 1943-1944 [In Russian].

Shirokov, G.A. (2005) *Uchenye Povolzh'ya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg.* [Researchers of the Volga Region in the Great Patriotic War of 1941-1945]. History Doc. Diss. Samara [In Russian].

Shostakovich, C.V. (1944) *Istoricheskie korni otritsaniya germanskim fashizmom obshchepriyatykh zakonov i obychaev voyny* [The historical roots of German fascism denying the conventional laws of war]. Law Cand. Diss. Irkutsk [In Russian].

Shurova, L.N. (2008) *Vysshee istoricheskoe obrazovanie i istoricheskaya nauka v Kemerovskoy oblasti v 1943-1991 gg.* [Higher history education and history as science in Kemerovo region in 1943-1991]. History Cand. Diss. Kemerovo [In Russian].

Хамянов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Наука и образование в жизни общества: традиции и инновации», докторант кафедры современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета; зав. кафедрой теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

Khaminov Dmitry – Ph.D. in History, Senior Researcher at the Laboratory "Science and education in society: traditions and innovations", Doctoral Candidate of the National Research Tomsk State University, Head of Department of Legal Theory Tomsk State University of Control Systems and Radio electronics.

E-mail: khaminov@mail.ru

УДК 94(498)"1944"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/14

«ЯССКО-КИШИНЁВСКИЕ КАННЫ» – САМАЯ БЛЕСТЯЩАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУМЫНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С.М. Назария¹, В.Н. Поливцев²

¹Государственный институт международных отношений Молдовы
Молдова, 2001, г. Кишинев, ул. Пушкина, 54
E-mail: sergnazar@mail.ru

²Высшая Антропологическая Школа Республики Молдова
Молдова, 2024, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а
E-mail: polivtev@mail.ru

Авторское резюме

Одна из важнейших задач, выполнение которой ставило перед собой высшее советское военно-политическое руководство летом 1944 г., состояла в разгроме немецко-румынской группы армий «Южная Украина» и освобождении Советской Молдавии и ряда стран, расположенных в нижнем течении великой европейской реки Дунай. В этом контексте следует напомнить, что с момента своего образования молдаванами и русинами в XIV в. Молдова всегда являлась многонациональным государством. Исходя из данного постулата, следует однозначный вывод о том, что Ясско-Кишинёвская операция явилась в прямом смысле этого слова спасительной для молдавского народа и его государственности.

Ключевые слова: Ясско-Кишинёвская операция, Украинский фронт, группа армий «Южная Украина», наступление, окружение, разгром.

**The Yassy-Kishinev Military Strategies - the
most brilliant offensive operation of WWII
and its interpretation in current Rumanian
historiography**

S.M. Nazaria¹, V.N. Polivtsev²

¹State Institute of International Relations of Moldova
54 Pushkin str., Chişinău, 2001, Moldova
E-mail: sergnazar@mail.ru

²School of Anthropological the Republic of Moldova
10-A Zimbrul str, Chişinău, 2024, Moldova
E-mail: polivtev@mail.ru

Abstract

One of the most important tasks that set itself the highest Soviet military and political leadership in the summer of 1944, was the defeat of the German-Romanian Army Group "Southern Ukraine" and the liberation of Soviet Moldova and a number of countries located on the lower reaches of the great European river Danube. In this context, it should be recalled that since its inception, Moldovans and Rusyns in XIV-th century, Moldova has always been a multi-ethnic state. Based on this postulate, it should be clear conclusion that the Jassy-Kishinev Offensive was in the truest sense of the word salvation for the Moldovan people and its statehood.

Keywords: Jassy-Kishinev Offensive, Ukrainian Front, Army Group "Southern Ukraine", offensive, environment, defeat.

После мощнейшего наступления четырёх Украинских фронтов зимой – весной 1944 г. с апреля по август на южном участке Восточного фронта установилось относительное затишье, хотя бои местного значения и происходили (Ştefănescu 2006). В ходе проходившей в марте – апреле Уманьско-Ботошанской операции был освобождён север Молдавии, населённый большей частью молдаванами и русинами.

20 августа советскими армиями была начата Ясско-Кишинёвская операция (История 1978: 97-133), оказавшаяся совершенно неожиданной для германского командования и завершившаяся полным разгромом фашистских войск. Всего группа армий «Южная Украина» имела в своём составе 53 дивизии (30 немецких, 22 румынские и словацкую), а также 5 бригад и насчитывала более 900 тыс. чел. На её вооружении состояло 8 200 орудий и миномётов, 484 танка и штурмовых орудия, 810 боевых самолётов. Кроме того, около 60 тыс. немецких солдат и офицеров находились в составе гарнизонов в тыловых районах Румынии (Великая 2012: 469). В «Иллюстрированной истории России», изданной в США, подчёркивается, что в 1944 г. «Красная Армия гнала немецко-фашистские войска назад в Германию, освобождая Балканы, и по образцу Сталинграда одну за другой окружала и уничтожала дивизии Германии и её союзников» (Якушевский 1974: 74).

Бывший командующий немецкой группировкой на южном фланге советско-германского фронта генерал-полковник Ганс Фриснер свидетельствует в связи с этим: «Складывалось впечатление, что противник всецело поглощён операциями против групп армий “Центр” и “Север”. В соответствии с этим передвижения войск противника, обнаруженные нашей авиацией перед фронтом группы армий, первоначально были истолкованы как переброска сил на север. Результаты деятельности нашей воздушной разведки вообще были весьма незначительными вплоть до последних дней перед началом наступления. Это объяснялось, вероятно, тем, что русские производили передвижение войск скрытно и только ночью. Так как русские умели хорошо маскировать подобные мероприятия, наша агентурная разведка смогла сообщить необходимые сведения также лишь с большим опозданием. Видимо, по этим причинам главное командование сухопутных войск и не реагировало так долго на угрозу крупного русского наступления на фронте моей группы армий» (Фриснер 1966: 67).

«Политические соображения на этот раз главенствовали над чисто военными: советский лидер не упускал из виду балканские планы Черчилля», – пишет итальянский историк Дж. Боффа (Боффа 1990: 83). Понимая, что Германия окончательно проиграла войну и потянет за собой в могилу и Румынию, её правящие круги совместно с коммунистами 23 августа свергли режим И. Антонеску и объявили войну гитлеровскому рейху (Duţu 1991: 42). Говоря об утрате фашистским правительством влияния в стране, генерал Типпельскирх подчёркивает: «Тоталитарный режим, державшийся в стране лишь благодаря победам немецких войск и вытекавшим отсюда территориальным приобретениям, потерял всякую популярность» (Типпельскирх 1956: 462).

Следует отметить, что ни И. Антонеску, ни его хозяева в Берлине абсолютно не чувствовали настроений румынского народа и правящей элиты накануне советского наступления. Они были уверены, что Румыния будет активно продолжать борьбу на стороне фашистской Германии. По этому поводу Фриснер отмечал в своих воспоминаниях: «Передавая командование группой армий “Южная Украина” в мои руки, Гитлер в порядке инструктажа сказал: “Относительно политического положения в Румынии можете быть совершенно спокойны. Маршал Антонеску искренне предан мне. И румынский народ, и румынская армия идут за ним сплочённо, как один человек»» (Проктор 1985: 471-473). Кейтель оптимистично заявил Фриснеру, что Румыния «связана с нами не на жизнь, а на смерть». «А германский посланник Киллинггер, – продолжает бывший командующий группой

армий «Южная Украина», – как выяснилось впоследствии, регулярно докладывал своему шефу, Риббентропу, одно и то же: «В Румынии всё спокойно. Король Михай – наилучший гарант прочности союза Румынии с Германией»» (Фриснер 1966: 41, 63; Hillgruber 1994: 252).

Игнорируя многие донесения сигуранцы о резко протестных настроениях населения, почти в таких же выражениях охарактеризовал внутривойсковое положение Румынии Ион Антонеску германскому фюреру при их личной встрече 5 августа 1944 г.: «Несмотря на эту чрезвычайно критическую [военную] обстановку, моральное состояние страны всё ещё хорошее. Страна в полном единстве идёт за мной. Ни один офицер или солдат никогда не изменит мне». Через 18 дней к восставшим, как известно, присоединился даже полк личной охраны «кондуктора».

Всё это ещё раз подтверждает полное отсутствие в той ситуации чувства реальности у нацистских вождей Германии и Румынии. В результате проведённой операции Красная армия полностью разгромила немецко-румынскую группировку, оборонявшую южный участок советско-германского фронта. «Короче говоря, – свидетельствует Фриснер, – окружение 6-й немецкой армии можно было считать свершившимся фактом... 16 немецких дивизий были полностью потеряны. Эта была ничем не восполнимая потеря в нашем и без того тяжёлом положении» (Фриснер 1966: 77, 88).

Шансов на спасение у окружённых не оставалось, и немецкое командование понимало это: «С 20 августа 1944 года, – записал в «Журнале боевых действий» начальник штаба 6-й армии генерал Вальтер Гельмут, – начался новый этап этой великой войны. И здесь, как под Сталинградом, 6-я армия стояла в центре событий мировой истории... После прорыва русских южнее Тирасполя и у Ясс события развивались с такой стремительностью, какой до того никто не мог ожидать» (Şornikov 2013: 342).

В связи с полным успехом данной битвы разные историки военного искусства часто сравнивают её с другими успешными сражениями, в первую очередь с операцией «Багратион» по разгрому советскими войсками немецкой группы армий «Центр» в Белоруссии. Есть также мнение, что Белорусская операция была ещё более результативной.

Поразмышляем об этом. Во-первых, численность советской группировки в Белорусской операции была практически в два раза больше, чем в Яско-Кишинёвской, что в значительной степени предопределило и большие немецкие потери. Во-вторых, эффективность и результативность той или иной операции определяется не только общим уроном, нанесённым противнику непосредственно на поле боя, но и соотношением собственных потерь с потерями противника. В этом

плане Ясско-Кишинёвская операция (наряду с Маньчжурской, проведённой против сильнейшей японской Квантунской армии ровно через год, в августе 1945-го) однозначно является самой эффективной и результативной за всю Вторую мировую войну. Потери советских войск убитыми составили 12 тыс. чел. и 1 тыс. пропавшими без вести против около 500 тыс. убитыми и пленными у противника. Такого благоприятного для РККА соотношения потерь не было во время разгрома немецкой группы армий «Центр» в Белоруссии. Да и по срокам операция по разгрому группы армий «Южная Украина» была в четыре раза короче Белорусской.

Если расценивать эффективность и результативность операции с точки зрения политической и геостратегической, то и в этом плане Ясско-Кишинёвская операция - одна из наиболее продуктивных. Её результатом стали полный разгром фашистских армий на южном фасе Восточного фронта, выход из войны на стороне Германии Румынии, Болгарии и Хорватии, полное освобождение всей Юго-Восточной Европы вплоть до Вены и выход к южному «предбрюшью» Германии. Учитывая все эти факторы, можно смело утверждать, что не случайно данная битва вошла в историю как «Ясско-Кишинёвские Канны».

Вот как характеризовало результаты разгрома своих войск командование группы армий «Южная Украина». В журнале её боевых действий за 5 сентября 1944 г. отмечалось: «Окружённые корпуса и дивизии 6-й армии окончательно должны рассматриваться как потерянные. Никакой надежды больше нет, что какие-либо окружённые соединения вырвутся. Это представляет собой самую большую катастрофу, какую когда-либо переживала группа армий. Потеряно 5 штабов армейских корпусов (4, 7, 30, 44 и 52-го) и 18 дивизий (9, 15, 62, 79, 106, 161, 257, 258, 282, 294, 302, 306, 320, 335, 370, 376 и 384-я пехотные, а также 153-я учебно-полевая дивизии). Кроме того, от 10-й моторизованной и 13-й танковой дивизий остались лишь незначительные части» (Великая 2012: 484).

С 20 по 29 августа 1944 г. была разгромлена почти миллионная группировка и уничтожены 22 немецкие дивизии и 37 отдельных частей, разгромлены все румынские соединения, находившиеся на фронте. В плен взяты более 208 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе 25 генералов, уничтожено 490 танков и штурмовых орудий, 1,5 тыс. орудий, 298 самолётов, 15 тыс. автомашин. В качестве трофеев советские войска захватили более 2 тыс. орудий и миномётов, 340 танков и штурмовых орудий, около 18 тыс. автомашин, 40 самолётов и много другой военной техники и оружия. Потери советских войск в Ясско-Кишинёвской операции составили 13 197 чел. (1 % от общей численности к началу операции). Освобождая территорию Румынии,

Красная армия потеряла 47 тыс. убитыми, 171 тыс. ранеными, 2 тыс. орудий и пулемётов, более 2 200 танков, 528 самолётов (Великая 2012: 485).

Всего в 1944 г. на советско-германском фронте было уничтожено или взято в плен 126 дивизий и 25 бригад, разгромлены 361 дивизия и 27 бригад фашистской Германии и её сателлитов. Потери противника в том году составили 65 % общего количества вражеских войск, уничтоженных, пленённых или разгромленных на советско-германском фронте в наступательных операциях Красной армии в 1941-1945 гг. (Великая 2012: 503).

С точки зрения национальных интересов Румынии, исходя из создавшегося геостратегического положения, её выход из войны на стороне Гитлера был реалистическим шагом, единственно правильным в тех условиях, сохранившим румынскую государственность, восстановившим её территориальную целостность за счёт возврата Трансильвании и обеспечившим её интересы. Одновременно это спасло Румынию от больших разрушений и жертв мирного населения. Этот акт спас жизнь многим тысячам советских и румынских солдат и открыл почти без сопротивления путь Советской армии на Балканы и в Венгрию. Более того, до конца войны румынская армия воевала, и хорошо воевала, на стороне антигитлеровской коалиции. Свидетельством тому послужило и награждение короля Михая I орденом Победы. В конце августа в районе Васлуя приняла боевое крещение 1-я румынская пехотная добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску, сформированная на советской территории. Эти выводы в полной мере касаются и болгарской армии, которая 8-9 сентября 1944 г. по-братски встретила советские войска и вскоре открыла военные действия против вермахта.

В националистической историографии распространён миф о недружественном и часто враждебном в отношении румынской армии и народа поведении советских войск на территории Румынии после 23 августа и даже после подписания перемирия. В частности, читателю усиленно вбивается в голову тезис о «неджентльменском» поведении советских военных, которые, мол, вели себя «как на оккупированной территории», о грабежах мирного населения солдатами РККА и массовом пленении прекративших после 23 августа сопротивление румынских войск. Советской стороне также ставится в вину продолжение стремительного наступления в глубь страны (Hlihor 1994).

Естественно, на войне случаются эксцессы, и они, конечно же, имели место и на территории Румынии. Однако это были исключения и, если солдаты попивали вино, нередко постреливая по бочкам, это не самое худшее. По крайней мере, это не идёт ни в какое сравнение

с массовыми преступлениями в отношении советских граждан, творившимися румынскими фашистами на оккупированных советских территориях. А то, что наступавшая на запад и юго-запад Красная армия брала в плен новых «союзников», так любому реалистически мыслящему человеку, а тем более профессиональному военному, абсолютно ясно, что иначе просто и быть не могло.

Во-первых, до подписания формального перемирия румыны считались врагами. Во-вторых, оставлять в тылу наступающей армии любые вооружённые формирования, не контролируемые командованием данной армии, в принципе недопустимо – их разоружают и интернируют. В-третьих, советское командование не могло испытывать большое доверие к ещё вчерашнему врагу, поэтому единственно правильным было пленение его вооружённых сил. В-четвёртых, если румыны не желали плена, не хотели «эксцессов» и т.д., им следовало заранее принять советское предложение о перемирии от 12 апреля 1944 г. И последнее: в любом случае, советское наступление не могло происходить иначе, как стремительно. Неужели Красной армии следовало «сделать паузу» и дать немцам организованно отойти и создать укреплённую оборонительную линию на новом рубеже?!

В националистической литературе из работы в работу кочует ещё с чаушистских времён абсолютно бездоказательный тезис, что переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции сократил сроки войны минимум на 6 месяцев. А из этого делается и вывод о том, что данный факт объективно спас Германию от атомных бомбардировок (Manafu 2004; Constantinescu 2005: 71-72). Но, Господь с ними, с националистами, люди они закомплексованные, после 23 августа 1944 г. одновременно в войне против гитлеровской Германии воевали более 538 тыс. румынских солдат и офицеров, а всего через фронт до конца войны прошли более 1,1 млн румынских военных. Из них 170 тыс. погибли в борьбе с фашизмом (Duțu 1999: 51).

О реальном отношении румынских солдат к СССР пишет и фельдмаршал Э. фон Манштейн, что, по его мнению, являлось серьёзным ограничением в использовании румынских войск на Восточном фронте: «Это большое уважение, которое испытывали румыны к русским». Кроме того, отмечает Манштейн, «мысль о необходимости продвигаться дальше, в глубь грозной России, не вызывала у многих румын особого энтузиазма» (Манштейн 1999: 230). Всё это, бесспорно, способствовало переходу румынской армии на сторону своих бывших врагов, искусственно навязанных ей Гитлером и Антонеску, и ускорению победы над фашистской Германией с меньшими потерями. «Советский Союз, – отмечал бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх, – добился своей политической цели, заключавшейся

в том, чтобы раньше западных держав утвердиться на Балканском полуострове, где он мог теперь провести политические преобразования, а также открыл ворота для продвижения в районы Юго-Восточной Европы» (Типпельскирх 1956: 465).

Однако в вопросе о выборе момента перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции в историографии существует и иное мнение. Некоторые историки утверждают, что «сопротивление румынской армии... подрывало уверенность Сталина», и он даже «стал подумывать о переносе сроков наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов» (Scurtu, Buzatu 1999: 427). Другие пишут, что «директива советского командования от 2 августа 1944 года в отношении Ясско-Кишинёвской операции не предусматривала преодоления линии Фокшаны – Нэмолоаса, а успехи операции 20-22 августа, пусть и значительные, не могли немедленно вывести Румынию из войны путём нанесения ей военного поражения» (Chiper 1994: 895). Естественно, что всё это не имеет ничего общего с действительностью. Румыния уже не могла продолжать войну против СССР на стороне гитлеровской Германии. Не будь 23 августа, страну ждала бы полная катастрофа. Даже в 1941 г. румынские войска не представляли из себя серьёзного противника для Красной армии, а в 1944-м и подавно. Эти господа, как говорится, после драки кулаками машут – проиграли войну в действительности, а теперь выигрывают её на страницах своих «исторических трудов».

В подтверждение наших слов приведём некоторые факты, связанные с подготовкой Ясско-Кишинёвской операции. Так, 2 августа Ставка направила 2-му и 3-му Украинским фронтам директиву. В ней определялись конкретные цели и задачи этих фронтов. Им предстояло прорвать оборону противника в районах северо-западнее Ясс и южнее Бендер и, развивая наступление по сходящимся к району Хушь, Васлуй, Фэлчу направлениям, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Южная Украина», не дав им отойти на Фокшаны и Бырлад. После этого, в соответствии с дальнейшими указаниями Ставки, им предстояло быстро продвигаться в глубь Румынии с целью её вывода из войны (История 1978: 99-100).

Как видим, в планах советского командования нет даже намёка на возможность остановки на каком-либо рубеже в Восточной Румынии. Это очередная выдумка. Но могли ли выполнить советские армии поставленную перед ними задачу? Естественно, при том качественном и количественном соотношении сил советской группировки и войск «оси» это не вызвало ни малейших сомнений. Так, в личном составе преимущество составляло 1,4:1, в танках и самоходках – 4,7:1, орудиях и миномётах – 2,1:1, в самолётах – 2,7:1 (Освободительная 1985: 145, 148).

Свои силы и средства фронты массировали на решающих направлениях, где были сосредоточены от 67 до 72 % пехоты, 61 % артиллерии, 85 % бронетанковых сил и практически вся авиация. Благодаря этому на участках прорыва создавалось убийственное превосходство над противником: в людях – в 4-8 раз, в артиллерии – в 6-11, в танках и самоходно-артиллерийских установках – в 6 раз (История 1978: 100). Это позволяло непрерывно наращивать мощь ударов и добиваться высоких темпов продвижения. Накануне наступления войска получили несколько боекомплектов и заправок всего необходимого.

Наращивание натиска обеспечивалось также глубоким оперативным построением фронтов. В первом эшелоне 2-го Украинского фронта находились пять общевойсковых армий (38 дивизий), в эшелоне развития успеха – танковая армия, два отдельных танковых и один кавалерийский корпус, а во втором эшелоне и резерве – одна общевойсковая армия и два отдельных стрелковых корпуса (13 дивизий). Артиллерийская плотность на участках прорыва составляла 240-280 стволов на километр фронта. Продолжительность артподготовки – от 1,5 часов до 1 часа 45 минут. Поддержка атаки пехоты и танков планировалась одинарным или двойным огневым валом в сочетании с последовательным сосредоточением огня.

Танковым и механизированным войскам после ввода в прорыв предстояло стремительно продвигаться в указанных им направлениях, упредить подход резервов противника и завершить окружение его главных сил. После этого они должны были наступать в глубь Румынии и на восьмой-девятый день захватить Фокшанские ворота (История 1978: 101). Это открывало перспективу не только вывода Румынии из войны, но и выхода советских армий к границам Болгарии, Югославии и на Венгерскую низменность – в тыл карпатской группировки противника. Таким образом, ни о какой остановке наступления на рубеже Фокшаны–Нэмолоаса–Брэила из-за «сопротивления румынской армии» не могло быть и речи. А то, что это, мол, «подрывало уверенность Сталина», является фантазией.

Измышления насчёт того, что румынские войска в случае получения приказа свыше смогли бы остановить наступающую Красную армию на втором этапе Яско-Кишинёвской операции на оборонительном рубеже Фокшаны–Нэмолоаса–Брэила, рассчитаны на несведущего читателя. Летом 1944 г. наиболее боеспособные румынские 22 дивизии (пехотные, кавалерийские, горнострелковая и танковая) и 5 бригад (горнострелковые, пехотная и моторизованная) занимали оборону на южном фланге советско-германского фронта перед 2-м и 3-м Украинскими фронтами. Они были сведены в 4-ю армию (14 дивизий и 4 бригады) и 3-ю армию (7 дивизий и 1 бригада), а одна

дивизия находилась в резерве немецко-румынской группы армий «Южная Украина». В первый же день советского наступления в 4-й армии были полностью разгромлены до пяти дивизий, а в 3-й армии «полностью распались» 4-я и 21-я дивизии. К исходу третьего дня операции в 4-й армии были разбиты 11 дивизий, а 3-я армия в составе четырёх дивизий и одной бригады была окружена и на следующий день (23 августа) сдалась в плен. В общем итоге с поражением группы армий «Южная Украина» были разгромлены 20 из 22 фронтовых румынских дивизий. Уцелевшие две и остатки остальных беспорядочно отступали на запад и юго-запад.

В тыловых районах Румынии находились ещё 385 тыс. военнослужащих, а именно 7 дивизий, тыловые части и отдельные подразделения. Сравнительно боеспособные соединения сохранились в составе 1-й армии, дислоцированной в западных районах страны (129 661 солдат и офицер). Она охраняла румыно-венгерскую границу с её перманентно напряжённой обстановкой. Даже если бы румынский генштаб решился на переброску её дивизий на восток, они не успели бы прибыть к месту назначения (с учётом полного господства в воздухе советской авиации). Таким образом, для занятия укреплений в 80-километровых «Фокшанских воротах» между Карпатами и Дунаем у румынского командования элементарно не имелось достаточных сил. Отступавшие румынские солдаты и офицеры были морально-психологически сломлены и всё чаще сдавались в плен.

Советское командование выделило для ликвидации окружённой немецкой группировки меньшую часть сил (34 дивизии), а основную мощь 2-го и 3-го Украинских фронтов (более 50 дивизий) нацелило на стремительное наступление в глубь Румынии. Главная ударная сила наступавших – 6-я танковая армия за сутки (27 августа) сломила сопротивление остатков трёх немецких дивизий и одной бригады в собственно укрепленном районе Фокшаны и устремилась на Плоешты и Бухарест. С ликвидацией окружённых германских дивизий 27-29 августа начали высвобождаться и остальные силы советских фронтов, и это новое соотношение сил тем более не оставляло никаких надежд румынским сторонникам продолжения войны на стороне гитлеровской Германии (Лебедев 1983: 338, 390, 398, 402; Антосяк 1986: 44, 46-47, 50-51).

Некоторые историки утверждают, что «день 23 августа не был самым удачным ни с политико-дипломатической, ни с военной точки зрения». Они пытаются убедить читателя, что румынская армия была способна остановить советское наступление и заключить перемирие несколько позднее и на более выгодных для Румынии условиях. «Включившись в гонку за Берлин со своими союзниками, Советский

Союз не был заинтересован в том, чтобы был остановлен в Карпатах. Арест маршала... исключил возможность начала ведения переговоров в оптимальный момент, которым мы считаем именно остановку начатого 20 августа 1944 года советского наступления», – пишет один из них (Hlihor 1994: 860).

Во-первых, в августе 1944 г. «гонка за Берлин» между СССР и англо-американцами ещё не начиналась, так как для этого и до этого предстояло решить ещё многие другие задачи. Во-вторых, утверждение, что «Советский Союз не был заинтересован в том, чтобы был остановлен в Карпатах», формально верное. Формально, так как это совершенно другое, по сравнению с берлинским, направление – на Вену. Кроме того, оно предполагает, что румыны были способны «остановить начатое 20 августа 1944 года советское наступление», но это не так.

Оказание сопротивления Красной армии вовсе не означало бы остановку наступления, а лишь возможную его задержку, хотя и это крайне маловероятно. Даже пленение 16 дивизий вермахта произошло не по причине выхода румын из войны, а потому что немцы просто не успевали быстрее отходить перед стремительно наступавшими, полностью моторизованными и превосходящими их во всех отношениях советскими войсками. Имело бы место разрушение Румынии, десятки тысяч убитых и в действительности уничтожение в огромных масштабах или полное пленение румынской армии. С румынами произошло бы то же, что с поляками в сентябре 1939 г. Качественное и количественное превосходство Красной армии над румыно-германскими войсками было настолько подавляющим, что, после прорыва обороны на Днестре и в районе Ясс ничто не могло остановить советское наступление до того момента, пока, израсходовав все ресурсы, оно не истощилось бы само. Именно так всегда было (в 1943-1945 гг.), и это объективный закон войны, не зависящий от воли современных историков точно так же, как не зависят от них законы физики.

Однако ниже данный историк опровергает сам себя, цитируя аргументы, высказанные 14 сентября 1944 г. Лукрецием Пэтрэшкану (один из лидеров Румынской компартии, вошедший после 23 августа в состав Совмина) на заседании правительства. Он говорил, что для того, чтобы добиться более выгодных условий перемирия, «Румынии следовало принять апрельские предложения [СССР]. Самый благоприятный исторический момент... для вывода Румынии из войны был в марте, когда русские войска осуществили уманьский прорыв, но пока ещё не форсировали Буг, и тогда Румыния смогла бы обсуждать условия перемирия» (Hlihor 1994: 860).

Таким образом, это подтверждает вывод о том, что самым благоприятным моментом для выхода Румынии из войны был один из дней сразу после 12 апреля 1944 г., связанный с принятием советских условий перемирия. Тогда бы не было 23 августа, пленения румынских войск, а Красная армия пересекла бы территорию Румынии без столкновений с её армией. Однако, повторимся, в реально сложившейся 23 августа ситуации то, что произошло, все случившееся было оптимальным как для Румынии, так и для остальных. И не следовало бы некоторым историкам изобретать велосипед и строить воздушные замки.

ЛИТЕРАТУРА

Антосяк 1986 - *Антосяк А.В.* Ясско-Кишинёвская операция и победа восстания 23 августа 1944 года в Румынии // История СССР. 1986, июль-август. №4.

Боффа 1990 - *Боффа Дж.* История Советского Союза. М.: Международные отношения, 1990. Т. 2. 628 с.

Великая 2012 - Великая Отечественная война 1941-1945 годов. М.: Кучково поле, 2012. Т. 4. 864 с.

История 1978 - История Второй мировой войны. М.: Военное издательство, 1978. Т. 9. 576 с.

Лебедев 1983 - *Лебедев Н.И.* Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1983. 550 с.

Манштейн 1999 - *Манштейн Э.* Утерянные победы. Смоленск: Русич, 1999. 672 с.

Освободительная 1985 - Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил в Европе во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1985. 640 с.

Прозектор 1985 - *Прозектор Д.М.* Фашизм: путь к агрессии и гибели. М.: Наука, 1985. 544 с.

Типпельскирх 1956 - *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М.: Иностранная литература, 1956. 608 с.

Фриснер 1966 - *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М.: Воениздат, 1966. 240 с.

Якушевский 1974 - *Якушевский А.* Операции Советской Армии в 1944 году в освещении буржуазной историографии // ВИЖ. 1974. № 6.

Chiper 1994 - *Chiper I.* Conjunctura semnării armistițiului de la Moscova // Revista istorică. Academia Română. 1994. Nr. 9-10.

Constantinescu 2005 - *Constantinescu Ș.* Se duc nemții, vin sovieticii // Historia. Revistă de istorie. 2005. Nr. 5.

Duțu 1991 - *Duțu A., Retegan M., Ștefan M.* România în al doilea război mondial // Magazin Istoric. 1991. Nr. 8.

Duțu 1999 - *Duțu A.* Între Wehrmacht și Armata Roșie // Dosarele istoriei. 1999. Nr. 2.

- Hillgruber 1994 - *Hillgruber A.* Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938-1944). București: Humanitas, 1994. 432 p.
- Hlihor 1994 - *Hlihor C.* Ocuparea României de către Armata Roșie. Premise, etape, consecințe // *Revista istorică. Academia Română.* 1994. Nr. 9-10.
- Manafu 2004 - *Manafu A.F.D.* Roosevelt pregătea bomba atomică pentru scurtarea războiului // *Historia. Revistă de istorie.* 2004. Nr. 10.
- Scurtu, Buzatu 1999 - *Scurtu I., Buzatu Gh.* Istoria românilor în secolul XX (1918-1948). București: Paideia, 1999. 596 p.
- Șornikov 2013 - *Șornikov P.* Moldova în anii celui de-Al doilea război mondial. Chișinău: Tipografia centrală, 2013. 400 p.
- Ștefănescu A.V. 1944. Bătălia de la Târgu Frumos // *Magazin Istoric.* 2006. Nr. 10.

REFERENCES

- Antosyak, A.V. (1986) Yassko-Kishinevskaya operatsiya i pobeda vosstaniya 23 avgusta 1944 goda v Rumynii [The Jassy-Kishinev Operation and the vistory of the uprising of August 23, 1944, in Romania]. *Istoriya SSSR.* 4 [In Russian].
- Boffa, G. (1990) *Istoriya Sovetskogo Soyuza* [The history of the Soviet Union]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 2 [In Russian].
- Gareev, M.A. (2012) *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 godov* [The Great Patriotic War of 1941-1945]. Moscow: Kuchkovo pole. Vol. 4 [In Russian].
- Grechko, A.A., Arbatov, G.A., Vinogradov, V.A., Zhukov, E.M. et al. (eds.) *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny* [History of the Second World War]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo. Vol. 9 [In Russian].
- Lebedev, N.I. (1983) *Krakh fashizma v Rumynii* [The collapse of fascism in Romania]. Moscow: Nauka [In Russian].
- Meinstein, E. (1999) *Uteryannye pobedy* [Lost Victories]. Smolensk: Rusich [In Russian].
- Zhilin, P.A. & Babin, A.I. *Osvoboditel'naya missiya Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v Evrope vo Vtoroy mirovoy voyne* [The liberating mission of the Soviet Armed Forces in Europe in World War II]. Moscow: Voenizdat [In Russian].
- Proektor, D.M. (1985) *Fashizm: put' k agressii i gibeli* [Fascism: a way to aggression and destruction]. Moscow: Nauka [In Russian].
- Tippelskirch, K. (1956) *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny* [History of the Second World War]. Translated from German by N.A. Zakharchenko & L.K. Komolova. Moscow: Inostrannaya literatura [In Russian].
- Frisner, G. (1966) *Proigrannye srazheniya* [Lost battles]. Translated from German by I. Glagolev & V. Krivulya. Moscow: Voenizdat, 1966. [In Russian].
- Yakushevskiy, A. (1974) Operatsii Sovetskoy Armii v 1944 godu v osveshchenii burzhuaznoy istoriografii [Operations of the Soviet Army in 1944 as viewed by bourgeois historiography]. *Voyenno-istorichesky zhurnal – Military Historical Journal.* 6 [In Russian].
- Chiper, I. (1994) Conjunctura semnării armistițiului de la Moscova [The circumstances of signing the armistice in Moscow]. *Revista istorică. Academia*

Română. 9-10 [In Romanian].

Constantinescu, Ș. (2005) Se duc nemții, vin sovieticii. *Historia. Revistă de istorie*. 5 [In Romanian].

Duțu, A., Retegan, M. & Ștefan, M. (1991) România în al doilea război mondial [Romania in World War II]. *Magazin Istoric*. 8 [In Romanian].

Duțu, A. (1999) Între Wehrmacht și Armata Roșie [Between the Wehrmacht and the Red Army]. *Dosarele istoriei*. 2 [In Romanian].

Hillgruber, A. (1994) *Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938-1944)* [Hitler, Carol and Marshal Antonescu. German-Romanian relations (1938-1944)]. București: Humanitas [In Romanian].

Hlihor, C. (1994) Ocuparea României de către Armata Roșie. Premise, etape, consecințe [Romania occupied by the Red Army. Premises, stage effects]. *Revista istorică. Academia Română*. 9-10 [In Romanian].

Manafu, A.F.D. (2004) Roosevelt pregătea bomba atomică pentru scurtarea războiului [F.D. Roosevelt was preparing to shorten the war with the atomic bomb]. *Historia. Revistă de istorie*. 10 [In Romanian].

Scurtu, I., & Buzatu, Gh. (1999) *Istoria românilor în secolul XX (1918-1948)* [Romanian history in the 20th century (1918-1948)]. București: Paideia, 1999 [In Romanian].

Șornikov, P. (2013) *Moldova în anii celui de-Al doilea război mondial* [Moldova in the years of World War II]. Chișinău: Tipografia central [In Romanian].

Ștefănescu, A.V. (2006) 1944. Bătălia de la Târgu Frumos [1944. The battle of Târgu Frumos]. *Magazin Istoric*. 10 [In Romanian].

Назария Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент Государственного института международных отношений Молдовы.

Nazaria Sergiu – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor of International Relations at the State Institute of International Relations of Moldova.

E-mail: sergnazar@mail.ru

Поливцев Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Высшей антропологической школы Республики Молдова.

Polivtsev Vladimir – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Graduate School of Anthropological the Republic of Moldova.

E-mail: polivtsev@mail.ru

УДК 81'42

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/15

КОНЦЕПТ «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА» В ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ОБЫДЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

И.В. Тубалова

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, Томск, ул. Ленина, 36
E-mail: tina09@inbox.ru
SPIN-код: 8530-2711

Авторское резюме

В статье рассматривается специфика использования в личностно-ориентированных дискурсивных практиках обыденного человека речевых форм репрезентации концепта *Великая Отечественная война*, заданных в советском политическом дискурсе. Исследование выполнено в рамках социолингвистического подхода. На его основании советский политический дискурс рассматривается как коммуникативная сфера институционального взаимодействия субъектов, формирующая особую дискурсивную картину мира, ценностно ориентированную на основании интенции борьбы за власть. Национально-культурно значимый концепт *Великая Отечественная война* репрезентируется в нем в особых речевых формах. Личностно-ориентированный дискурс рассматривается как сфера внеинституционального взаимодействия обыденного человека, использующего эти речевые формы на основании опыта участия в советском политическом дискурсе, обладающем для него внешним социальным авторитетом. Ценностная позиция советского политического дискурса закрепляет в рассматриваемых речевых формах повышенный эмоциональный пафос, аксиологически ориентированный против общего врага. В личностно-ориентированных дискурсах он становится основанием для активного использования этих речевых форм обыденным человеком, реализующим интенции не только легитимации институционально значимого содержания, повышения статуса собственного речевого произведения, но и личностной эмоциональной сублимации. В отличие от речевых форм, заданных советским политическим дискурсом при репрезентации других политически значимых концептов, рассматриваемые речевые формы всегда используются обыденным человеком при сохранении оценочной позиции источни-

ка: политический дискурс в формировании личностной позиции обыденного человека на речевом уровне доминирует.

Ключевые слова: концепт «Великая Отечественная война», советский политический дискурс, личностно-ориентированный дискурс, дискурсивная картина мира.

The concept “Great Patriotic War” in the person-centered discursive practices of the ordinary person

I.V. Tubalova

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: tina09@inbox.ru

Abstract

The article describes speech forms that verbalize The Great Patriotic War concept set in the Soviet political discourse. It analyzes the specific use of these forms in the person-centered discursive practice of the ordinary person. The study employs the sociolinguistic approach. On its basis the Soviet political discourse is seen as a communicative sphere of institutional interaction of subjects. The sphere forms a special discursive world picture, value-oriented on the intentions of the struggle for power. The concept of the Great Patriotic War is nationally and culturally significant. It is expressed in specific forms of speech. Person-centered discourse is seen as a sphere of extra-institutional interaction of ordinary people. They use these forms of speech on the basis of their experience with the Soviet political discourse, which is an outside social authority for them. In these forms of speech, values of the Soviet political discourse fix high emotional pathos axiologically oriented against the common enemy. In person-centered discourse the pathos becomes a basis for the active use of these forms by the ordinary person. The person in this case realizes the intentions of not only the legitimation of the significant institutional content, raising the status of their own words, but also personal emotional sublimation. In contrast to the speech forms the Soviet political discourse uses to verbalize other politically relevant concepts, the analyzed speech forms are always used while maintaining the evaluation position of the source: political discourse dominates in shaping the personal position of the ordinary person on the verbal level.

Keywords: concept of the Great Patriotic War, Soviet political discourse, person-centered discourse, discourse picture of the world.

Современный дискурс-анализ рассматривает речевую деятельность человека как воплощение социально-речевого опыта, получение которого определено условиями его полидискурсивного существования. Выбор стратегии порождения текста в рамках указанной деятельности определяется, с одной стороны, индивидуальным опытом, представлениями «о реальных или вымышленных мирах, относительно которых мы уже обладаем большим количеством знаний и убеждений» (ван Дейк 1989: 51), с другой – знаниями о типах функционирующих в данном социуме в данный конкретно-исторический период дискурсов (ван Дейк).

Государственные институты создают институциональные дискурсы (о противопоставлении институциональных и личностно-ориентированных дискурсов – см. (Карасик 2002)), в практиках которых формируются и закрепляются особые речевые формы, отражающие их интерпретирующую позицию (*в соответствии с требованиями...*, *на основании вышесказанного...* и под. – в дискурсе документа, *выполнять план пятилетки, проводить политику партии* и под. – в советском политическом и политико-административном дискурсе и др.). Их производство находится в ведении агентов дискурса, вступающих в институционально заданной («профессиональной») позиции. Эти речевые формы усваиваются обыденным человеком, вступающим в институциональный дискурс в качестве его клиента в позиции, противопоставленной профессиональной, и используются им в личностно-ориентированных речевых практиках при адаптации содержания к условиям внеинституционального общения.

Институциональные дискурсы воспринимаются обыденным человеком как социально авторитетные. Но их социальный авторитет, поддерживаемый условиями государственного регулирования, является для обыденного человека внешним, а значит, в личностно-ориентированных дискурсивных практиках может быть воспринят им не только как истинный, но и как ложный. В результате институциональные речевые формы могут кардинально изменить свое содержание. Так, неоднозначное отношение обыденного человека к социальному авторитету политического дискурса проявляется в реализации концептов, связанных с различными историческими событиями (революция, коллективизация, внутренняя политика Сталина, индустриализация, застой, перестройка, современная ситуация в России и др.). В результате обнаруживается восприятие его внешнего социального авторитета и как истинного (*Колхозы возрождались, а были диверсанты. Это сыновья кулаков и богатеи на вредительство перешли, жгли скирды, хлеба* (Слово 2005)), и как ложного (*...и в общем вся эта статья в таком духе, что весь Запад прогнал и что*

(ПАТЕТИЧЕСКИМ ТОНОМ) *Россия – это пятно чистое в мире грязи! <...> ...но вот возьмем этот же самый **гнилой Запад** / который гниет но пахнет прекрасно...* (Живая речь 1995)).

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом в личностно-ориентированных дискурсивных практиках обыденного человека используются речевые формы репрезентации концепта *Великая Отечественная война*, заданные в советском политическом дискурсе. Исследование выполнено на материале 476 текстов личностно-ориентированных дискурсов, в которых зафиксировано 687 речевых форм, созданных при репрезентации обозначенного концепта в советском политическом дискурсе. Для анализа их источника использовались материалы советской печати, политических документов советской эпохи, а также специальные издания трудов политических деятелей советской эпохи.

Специфика информационного содержания дискурсов, принципы их особой организации рассматриваются в целом ряде исследований (Чейф 1982; Дейк, Кинч 1988; Дейк 1989; Демьянков 2002; Макаров 2003; Ревзина 2005; Резанова 2007, 2011; Силантьев 2006 и др.).

Каждый дискурс по-особому организует и интерпретирует знания, в результате формируется дискурсивная картина мира – «часть языковой картины мира, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами» (Резанова 2011: 26).

Заданные в системе типовых социальных практик конфигурации смыслов закрепляются в картинах мира дискурсов определенного типа, отражая этническую и социокультурную специфику. В свою очередь, они становятся основанием для трансляции социально, функционально обусловленного речевого кода, преломляемого особым образом в конкретно-коммуникативной, интенционально ориентированной деятельности субъекта.

Ориентируясь на заданную Ш. Балли коммуникативную структуру высказывания, содержание дискурса, выраженное в его речевой форме, можно также представить в виде модусно-диктумной структуры, включающей логико-информационный компонент – **дискурсивный диктум** – и интенционально обусловленную оценочную позицию дискурса по отношению к нему – **дискурсивный модус**. Дискурсивный диктум не может существовать в отрыве от дискурсивного модуса. Модусное содержание дискурса – обязательная часть его содержательной структуры, дополняющая диктумное содержание уже в процессе его отбора дискурсом.

Специфика дискурсивного модусно ориентированного диктума проявляется в определенном «тематическом репертуаре» дискурса

(Дейк, Кинч 1988: 52), особом выдвигании отдельных концептов (тем), а также особой конфигурации концептов (тем), обладающих общекультурной и общей этнокультурной значимостью (Чейф 1982; Демьянков 2002; Резанова 2011 и др.).

Характер дискурсивной интерпретации действительности, определяемой социальными интересами и интересами конкретного субъекта, отражает дискурсивный модус, обуславливающий специфику дискурсивной картины мира в ценностном аспекте и существующий «в виде общего оценивающего тона дискурса» (Резанова 2011: 49).

Концепт *Великая Отечественная война* обладает для русской нации особой этнокультурной значимостью. Широкий спектр личностных и национально-патриотических чувств, связанных с отраженным в нем событием, является важнейшим ценностным элементом национальной идентичности. Ценностные модусы концептов такого типа заданы на наддискурсивном уровне, что определяет их особый статус. Как пишет А.А. Ворожбитова, «война стала таким испытанием для этноса, которое не могло не обусловить специфику глобального дискурсивно-текстообразующего процесса совокупной языковой личности этносоциума, не найти отражение в характере индивидуальной мыслеречевой деятельности» (Ворожбитова 2000: 21).

В личностно-ориентированном общении высокий социальный и личностный статус таких концептов активно поддерживается. Особое – сакрализованное – отношение обыденного человека к их содержанию, выделенному на фоне повседневных тем, предполагает формирование субъектной установки на их особое выражение, что проявляется в стремлении повысить статус собственного речевого произведения. Продуцирование таких тем определяет повышенную эмоциональную заряженность общения, нарушающую его повседневные сценарии.

Личностно-ориентированные дискурсы не предлагают особых речевых форм, позволяющих повысить статус речевого произведения, поэтому для реализации данной интенции субъект личностно-ориентированного общения активно использует речевые формы из дискурсов институциональных как социально авторитетных. Выбор авторитетного дискурса-источника осуществляется обыденным человеком на основании следующих требований к нему: 1) высокая степень информационно-стилистической проработанности концепта в этом источнике, выраженной в наличии специальных речевых форм; 2) наличие эмоционально-оценочной оформленности ценностной ориентации этих речевых форм, необходимой для личностно-ориентированного представления данной темы; 3) максимальное совпадение ценностной позиции обыденного человека по отношению к содержанию данной темы с ценностной позицией источника.

Далеко не все институциональные дискурсы отвечают подобным требованиям. Так, дискурс документа если и образует особые речевые формы для репрезентации концепта *Великая Отечественная война* (*ветеран Великой Отечественной войны* – как особый социальный статус, *Орден Отечественной войны I и II степени* – как официальное наименование государственной награды и др.), то представляет их содержание эмоционально-оценочно-индифферентно, поэтому обращение к ним не отвечает потребности обыденного человека в выражении особого сакрализованного содержания.

Множество речевых форм, репрезентирующих концепт *Великая Отечественная война* как результат его идеологической дискурсивной ангажированности, продуцирует **советский политический дискурс**. И именно его речевые формы активно используются субъектом лично-ориентированного дискурса для развертывания рассматриваемой темы.

Активность использования речевых форм политического дискурса в лично-ориентированном общении определяется не только его внешним социальным авторитетом, но и его особой интенциональностью. Цель политического дискурса – борьба за власть (Кашкин 2000; Шейгал 2000; Карасик 2002 и др.), в процессе которой его участники должны «внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость “политически правильных” действий и/или оценок» (Демьянков 2002: 37), что определяет активную эксплуатацию эмоциональных потребностей обыденного человека. В продуцируемых речевых формах политический дискурс реализует не только собственно-информационный, но и эмоциональный код речевого представления концепта.

При этом, как показано выше, большинство концептов, модусная интерпретация которых в политическом дискурсе закрепились в особых речевых формах, не отличаются последовательностью сохранения модусов источника при использовании этих речевых форм в дискурсах лично-ориентированных.

Великая Отечественная война – единственное глобальное событие современной отечественной истории, риторическое представление которого официальным политическим дискурсом было органично и однозначно воспринято обыденным человеком и стало активно использоваться им в лично-ориентированном общении при сохранении модусов источника.

С одной стороны, неординарность данного события для обыденного человека требовала особой риторики, выделяющей его на фоне повседневности, и отработанные в повседневных дискурсах риторические модели этому требованию не отвечали, а советская политическая

риторика предлагала модели, основанные на особом эмоциональном пафосе, соответствующем глобальности события. С другой стороны, неоднозначность восприятия обыденным человеком политически ориентированных смыслов не распространялась на официальную трактовку Великой Отечественной войны. Многие исследователи советской культуры развивают идею Н.А. Бердяева о различии между «коммунальностью» (в основе которой – внешнее принуждение) и «соборностью» (исходящей из внутренних побуждений) (Бирюков, Сергеев 1995; Свешников 2004; Степин 2010 и др.). Потребность в реализации национальной «соборности», в объединении «снизу» в рассматриваемом случае выразилась в стремлении к национальному объединению против общего внешнего врага и стала основанием для гармоничного приятия обыденным человеком интерпретирующей позиции советского политического дискурса.

Отношение к событиям Великой Отечественной войны как к героико-мифологическому сюжету активно культивировалось на протяжении длительного послевоенного периода, не встречая дискурсивного сопротивления обыденного человека. Идеологическую ориентацию получали тексты различных художественных дискурсов (авторское песенное творчество, художественная литература, кинематограф и др.). Транслируемые через средства массовой информации воспоминания о войне подвергались все большей обработке в плане развития оценочного пафоса и унификации форм его представления. В качестве примера можно привести художественно обработанные тексты, созданные в различные периоды развития советской политической риторики, отраженной в них: *[Хор] Идём мы / товарищ / за правое дело / За честь и свободу свою! Твёрже шаг / Ряды держите строже / С нами Стаалин / С нами весь народ. Наглый враг Быть должен уничтожен / На врага! За Родину / вперёд! Борьба нелегка / озверелая свора Опасна в безумьи своё-ём. Все силы в кулак соберём для отпора / Всю волю свою соберём. Твёрже шаг / Ряды держите строже / С нами Стаалин / С нами весь народ. [Евгений Червяков и др. Боевой киносборник № 2, к/ф (1941)] (НКРЯ) (Национальный корпус русского языка 2015) // [Женя Комелькова, Ольга Остроумова, жен., 25, 1947] Тогда я одна пойду! [Рита Осянина, Ирина Шевчук, жен., 21, 1951] Боец Комелькова! Это тебе не казаки-разбойники / это война! [Федот Васков, Андрей Мартынов, муж., 27, 1945] За Родину! За Сталина! Вперёд! [Женя Комелькова, Ольга Остроумова, жен., 25, 1947] Слышишь? [Станислав Ростоцкий, Борис Васильев. А зори здесь тихие, к/ф (1972)] (НКРЯ).*

В силу совпадения позиции обыденного человека по отношению к военным событиям с официальной их трактовкой, «растворения»

советской политической риторики в художественно-поэтической текстовой среде рассматриваемые речевые формы стали активно использоваться в личностно-ориентированном общении как знаки «двойной» дискурсивной природы – политического и художественных дискурсов, отвечая субъектной интенции пафосного представления героических событий этого периода: *Када закончилась война, мы в то время жили, значить, продолжали жить в землянках, когда нам объявили, закончилась война. Мы соскочили со своих нар, мы обнимались, мы целовались, мы радовались со слезами, значит, на глазах. Так... И когда это всё такое произошло, нам в знак такого торжества мужчинам дали по сто грамм водки и пачку на двоих махорки, мужчинам. А нам, девушкам, дали по триста грамм конфетки «Голышики», и мы были очень рады* (НКРЯ).

Таким образом, тема Великой Отечественной войны – одна из очень немногих политически ангажированных тем, при трансляции которой стабилизированные в политическом дискурсе речевые формы не подвергаются аксиологической переориентации в речевых сферах обыденного человека.

В личностно-ориентированных дискурсах обращение обыденного человека к рассматриваемой теме всегда носит оценочно-ориентированный характер, демонстрирующий ее активное личностное осмысление. В абсолютном большинстве зарегистрированных фактов такого обращения эта оценка совпадает с официальной политической трактовкой (сохраняющейся независимо от смены политического режима, в отличие от аналитической трансформации трактовки событий Великой Отечественной войны другими институциональными дискурсами).

Оценочное развертывание данного концепта реализуется в личностно-ориентированных дискурсах в двух аспектах: 1) оценка влияния Великой Отечественной войны на личную жизнь автора текста, проявленная вне экспликации социальной значимости данного события; 2) оценка Великой Отечественной войны как события социально-исторического.

1. Тексты, **не эксплицирующие социальную значимость** данного события, в основном, представляют описание личной жизни их автора в тылу. Особой потребности привлекать речевые формы политического дискурса, стабилизированные в нем для развертывания рассматриваемой темы, говорящий не испытывает: *В войну хорошего я не видела. Ходили жали, молотили, я это уже говорила, потом перехватили нас и угнали в Сталинград. В Сталинграде... там я заболела, кипятила воду... около речки* (НКРЯ).

2. Если при развертывании рассматриваемого концепта говорящий **обращается к социальному аспекту** его содержания, у него возникает

потребность в эмоциональной сублимации патриотического пафоса, национального единения против общего врага, для удовлетворения которой он обращается за институциональной поддержкой к речевым формам политического дискурса как социально авторитетного: *Жизнь наша была заключена в том, чтобы работал дизель, который должен быть укапан в земле даже незаметен врагом, врагом. Вот така... э... там он совсем не виден. Вы его... Замаскированный так-ота... И когда... этим электричеством и двигалось всё такое, и все данные, и мы были обогреты и вот этим... этой машиной* (НКРЯ). В данном тексте представлен фрагмент воспоминаний ветерана о военных буднях. Социально-исторический аспект рассматриваемой темы не является ведущим в структуре его содержания, но он привлекается косвенно: в целях определения субъектом собственного места в военном процессе. Обращение к нему провоцирует развертывание концепта с использованием речевых форм, повышающих статус речевого произведения (*была заключена в том, чтобы* = «заключалась в том, чтобы», *данные*). Речевая форма *враг*, стабилизированная политическим дискурсом как номинация конкретного противника в конкретной войне, отвечает реализации этой интенции.

Чем активнее проявляется социальный аспект в развертывании рассматриваемого концепта, тем выше концентрация речевых форм политического дискурса: *При помощи страха-то / все-таки страх есть страх / он сумел все-таки мобилизовать народ-то наш на ведение войны / все-таки победили уж / если уж говорить про фашистов / так они почти всю Европу взяли / у них все отлажено было / не как у нас там колхозы с совхозами. Но все-таки при помощи страха мобилизовал людей на защиту родины-то / будем так говорить. Выстояли же / победили и опять же всю Европу прошли* (НКРЯ).

Тексты, использующие рассматриваемые речевые формы, различаются в уровне выдвижения идеологически-ориентированного эмоционально-оценочного модуса в зависимости от характера говорящего субъекта, рассуждающего о войне (2.1) как о социально значимом событии собственной биографии (представители поколения, пережившего войну) либо (2.2) как о социально значимом событии истории своей страны (представители поколения, не заставшего войну).

2.1. В текстах, субъектами которых являются представители **военного поколения**, в силу их погруженности в политическую риторику ее описания этот модус проявляет значительно меньшую активность. Использование рассматриваемых речевых форм, в первую очередь, регулируется интенцией передачи социально значимого содержания с позиции политической корректности как составляющей интенции повышения статуса собственного речевого произведения. В результате их оценочный модус, заложенный источником, сохраняется, но, в

отличие от источника, подвергается эмоциональной нейтрализации. С одной стороны, в этом проявляется максимально органичное, неаналитическое принятие политической позиции, а с другой – установка на соблюдение «политической грамотности» при трансляции особой информации, выделенной на фоне повседневности: *И они там жили, уже трое детей у ней стало. А муж погиб в армии (как мне он дядей доводится), на фронте Великой Отечественной войны* (Русская деревня 2009) // *Не давали ничего. Хлеб, который вырастет – на государство сдавали. Всё сдавали. Тоже надо было подддерживать и фронт, и всё ведь* (НКРЯ) // *А они поднимаются вверх и, как гуси, этим стаем, и летят эти снаряды, да и сразу траекторию делать, и там уже знают наши, где немцы* (НКРЯ).

Органичность усвоения советской политической риторики, реализующей концепт *Великая Отечественная война*, приводит к тому, что в речи субъектов рассматриваемого типа регулярно проявляются практически точные цитаты из политически ангажированных текстов, причем вне экспликации говорящим их цитатного статуса (практически вне выдвигания политически значимого содержания). Так, в речевых практиках личностно-ориентированного общения активно используются тексты политических лозунгов военного времени, например лозунга «Все для фронта! Все для победы!» (Все для фронта 1985) [*Респондент, жен., 83*] *Мы люди были такие – все для фронта, мы не жалели. Надо на фронт – мы все отдадим. И весь народ был такой. В блокаду все делали – работали, на операции шли на передовые* (НКРЯ)), как точные, так и перефразированные фрагменты текста выступления И.В. Сталина о начале Великой Отечественной войны (Сталин 1950) (*...Началась Великая Отечественная война, вероломно напал на нас... ну, Германия и Гитлер. Ну, и мы на этом, значить... наше всё кончилось, и учёба прекратилась наша* (НКРЯ)), текста выступления по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел В.М. Молотова (Молотов 1941) (*Ну и так проучилась я, вот, наверное, с декабря сорокового года и до июня, двадцать второго июня сорок первого года. Без объявления начала войну Германия. Утром мы просыпаемся все в переполохе: объявили войну. Ну, как мы понимали тогда «война»? Мы думали, что наша страна такая сильная и народ такой сильный, организованный. Ну что, нас оповещали по радио и дирекция – все говорили, что врах будет изгнан из страны, врах будет разбит. Настроение поддерживали, хотя все были очень настроены, ну, ужасно было страшно, что это такое. Но верили в то, что врах будет разбит* (НКРЯ)) и др.

Если личностно-ориентированное общение приобретает для говорящего внешние признаки коммуникативного дискомфорта

(например, в рамках вынужденного взаимодействия с незнакомым речевым партнером), то рассматриваемые речевые формы становятся легитимной опорой предъявления не только информативного, но и эмоционального кода. Повышенную активность в этом случае демонстрируют особые идиоматичные выражения, разработанные манипулятивной политической риторикой военного времени, концентрированно реализующие модус идеологического пафоса (*до последней капли крови; погибать, но защищать нашу родину; у развернутого Красного Знамени* и под.). Такие выражения при развертывании темы Великой Отечественной войны используются значительно чаще, чем при развертывании других политически ангажированных тем: *Ну, и ещё что... Принимали мы присягу на верность Родине, Советскому Союзу служить, так, и мы все клялись, девушки, вплоть до того, что погибать, но защищать нашу Родину, и клялись мы у развёрнутого Красного Знамени, так. Ещё что... Я была – это был третий Белорусский фронт, так, которым командовал Черняховский Иван... а отчество забыла (НКРЯ) // Мне вынесли благодарность за бдительную... [Присутствующая при разговоре женщина]: Службу... Службу и вахту на посту, вот (НКРЯ).*

2.2. В текстах, субъектами которых являются представители **поколения, не заставшего войну**, идеологически ориентированный эмоционально нагруженный оценочный модус последовательно выдвигается говорящим, использующим политическую риторику описания Великой Отечественной войны с внешней личностной и социально-исторической позиции.

Тип субъекта предполагает развертывание концепта исключительно в социально-историческом аспекте. Советская политическая риторика военного времени для субъекта такого типа – исключительно внешняя, что определяет особое использование рассматриваемых речевых форм.

Любые виды деятельности человека эпохи войны предъявляются как образцы идеального / антиидеального человеческого поведения – Великая Отечественная война в таких текстах мифологизируется, и рассматриваемые речевые формы советского политического дискурса участвуют в реализации этого мифологического оценочного кода: *В экстремальных ситуациях мысль работает очень целенаправленно. Поэтому такие изобретения / как выйти. Человек же всегда изворачивается. И вот во время войны все эти открытия / когда всё для фронта / всё для победы / поэтому и были такие всплески (НКРЯ).*

Рассматриваемые речевые формы маркируют оценочные полюсы при характеристике современной действительности: дифференциацию социально индифферентных и социально активных (*Не бояться неудач. Они будут в любом случае / и истории успеха Абрамовича и*

Рокфеллера полны ими. Важно не то / получилось что-то или нет / а то / какой вывод ты из этого сделал / и каково твое эмоциональное состояние. Из истории мы помним / что / чтобы победить в Великой Отечественной войне / Красной армии пришлось первые два года отступать и обороняться / но она никогда не теряла мысли о том / что однажды / когда станет опытнее и сильнее / пойдет в наступление и дойдет до Берлина. Из этого примера вытекает и второй важный / как мне кажется / закон успеха / всегда поднимайте перед собой планку / подгоняйте себя вперед / если потребуется (НКРЯ), состояние общества при наличии национальной идеи и при ее отсутствии ([№ 7, жен., 28] А сейчас / не дай бог / случилась бы такая война / не знаю / выиграли бы мы ее или нет? [№ 1, жен., 58] Ни в коем случае. [№ 7, жен., 28] Тогда все шли от мала до велика / за Родину / на фронт. [№ 8, жен., 34] Все упирается в национальную идею. [№ 7, жен., 28] А сейчас половина посдадутся и не пойдут никуда. [№ 3, муж., 43] Перейдут на сторону врага (НКРЯ) и др. Максимальной частотностью экспликации обладает категория патриотизма, представляемого как особое качество поколения, пережившего войну: [1, жен., 45] Ну / в общем- то / да / за Сталина любой шёл насмерть. [0] На какой идеологии основано это? [4, муж., 36] Родины своей. [1, жен., 45] За Сталина шли. Как они шли / за Сталина / как шли. [4, муж., 36] И за родину / наверное. [1, жен., 45] Да / за родину / за Сталина / да. (НКРЯ) // Вообще всё забыли. Беспринципное поколение растет. Именно / многие могут не согласиться с тем / но то поколение / которое защищало / именно у них была какая-то идеология и принципы. Они же защищали Родину / которая была Родиной! Сейчас же взять / такого уже не повторится никогда / девятого мая не будет! (НКРЯ).

Внешний для представителя невоенного поколения характер советской политической риторики военного времени определяет активность продуцирования рефлексии по отношению к рассматриваемым речевым формам. Часто эти речевые формы предстают как цитаты (особенно при аналитическом отношении говорящего к социальному авторитету источника). Сохраняя модус источника, они отражают результат осознанной дистанцированности говорящего от него, маркируя либо объект «несогласия» (УКПРФ / наверняка / поколение чуть постарше меня даже. За КПРФ 70-80 % пойдут / потому что на этом они и жили / на коммунистах. Ну / не за Родину / за Сталина / нет конечно. Но все равно старое поколение / КПРФ вывезет... (НКРЯ)), либо «неправильное» отношение к объекту «согласия» ([№ 5, жен., 20] Я еще хотела сказать / что очень было странно и неправильно после того / как развалился союз / вскрывались все эти вещи / про Ленина / Про Сталина. [№ 6, муж., 29] То есть охаяли. [№ 5, жен.,

20] *То есть резко все вынесли все эмоции и найти виноватых / как это всегда делается в России / это не совсем правильно. С большого плюса / с лозунгов / за Ленина / за Сталина / умрем за Родину резко перейти к тому / что все большие дураки. [№ 6, муж., 29] Выбили у людей почву. [№ 5, жен., 20] Почву / не почву / просто это неправильно. Чисто исторически прыгать из плюса к минусу и закинуть в сейф / то есть мы нашли виноватого (НКРЯ)).* В приведенных текстах говорящий использует цитаты в собственно-информативной функции, но обозначает их заданную источником эмоциональную значимость в логико-информационном аспекте (*не за Родину / за Сталина / нет конечно; резко все вынесли все эмоции; с большого плюса; из плюса; все большие дураки; к минусу*), показывая, что с позицией источника он не согласен.

Итак, концепт *Великая Отечественная война* обладает наддискурсивной значимостью, которая активно эксплуатируется советским политическим дискурсом и фиксируется в его речевых формах. В лично-ориентированном общении при развертывании темы Великой Отечественной войны в социальном аспекте эти речевые формы активно используются обыденным человеком при сохранении оценочного модуса источника, наряду с другими средствами обеспечивая реализацию установки на повышение статуса речевого произведения.

Если субъектом лично-ориентированного дискурса, в котором формируется текст с использованием рассматриваемых речевых форм, является представитель военного поколения, эмоциональный модус источника реагирует на наличие / отсутствие внешних факторов дискомфорта общения. При отсутствии данных факторов этот модус стремится к нейтрализации, оценочный модус источника при этом сохраняется и присваивается обыденным человеком как индивидуально-личностный, обеспечивая развертывание концепта одновременно с позиции политической корректности и личностной значимости, выделяя тему Великой Отечественной войны на фоне повседневных тем. При наличии обозначенных факторов эмоциональный модус источника обеспечивает выдвижение оценочного модуса, активизируется установка на реализацию легитимности представления темы с позиции социально авторитетного дискурса.

Если субъектом является представитель поколения, не заставшего войну, при использовании речевых форм политического дискурса сохраняется и даже интенсифицируется как оценочный, так и эмоциональный модус источника, реализуя установку на мифологизацию войны. При передаче аналитического отношения к заложенному политическим дискурсом смыслу рассматриваемые речевые формы

часто получают цитатное оформление. При этом оценочный модус источника сохраняется, а цитаты становятся точкой отсчета при реализации установки на демифологизацию войны.

ЛИТЕРАТУРА

Бирюков, Сергеев 1995 - *Бирюков Н.М., Сергеев В.М.* Демократия и соборность: представительная власть в традиционной русской и советской политической культуре // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6. С. 53-68.

Ворожбитова 2012 - *Ворожбитова А.А.* Официальный дискурсивный фон исторического этапа Великой Отечественной войны: экспрессия Победы в лингвориторике «Правды» 1941-1945 гг. // *Былые годы*. 2012. № 3 (25). С. 76-81.

Все для фронта 1985 - Все для фронта! Все для победы! // *Великая Отечественная война 1941-1945: энциклопедия* / Гл. ред. М.М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 184.

Дейк 1989 - *Дейк Т.А. ван* Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

Дейк, Кинч 1988 - *Дейк Т.А. ван, Кинч В.* Стратегии понимания связанного текста // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153-211.

Демьянков 2002 - *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // *Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования*. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32-43.

Живая речь 1995 - *Живая речь уральского города*. Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.

Карасик 2002 - *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Кашкин 2000 - *Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации. Воронеж: ВГТУ, 2000. 175 с.

Макаров 2003 - *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Молотов 1941 - *Молотов В.М.* Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В.М. Молотова // *Правда*. 1941. 23 июня. С. 1.

Национальный корпус русского языка 2015 - *Национальный корпус русского языка* / *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН*. М., 2015. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.05.2015).

Ревзина 2005 - *Ревзина О.Г.* Дискурс и дискурсивные формации // *Критика и семиотика*. 2005. Вып. 8. С. 66-78.

Резанова 2007 - *Резанова З.И.* Методологическая интеграция в процессе дискурс-анализа: анализ дискурсивной картины мира // *Сибирский филологический журнал*. 2007. № 3. С. 96-105.

Резанова 2011 - Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / Ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 15-84.

Русская деревня 2009 - Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Аст-ПРЕСС, 2009. 512 с.

Свешников 2004 - Свешников Б.Н. Духовная культура России: Конспект лекций. М.: РГОТУПС, 2004. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Svesh/index.php (дата обращения: 10.01.2011).

Силантьев 2006 - Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.

Слово 2005 - Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. Благовещенск: АмГУ, 2005. 441 с.

Сталин 1950 - Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. URL: <http://www.oldgazette.ru/lib/stalin/index.html> (дата обращения: 26.09.2014).

Степин 2010 - Степин В.С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 16-28.

Чейф 1982 - Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 277-316.

Шейгал 2000 - Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2000. 440 с.

REFERENCES

Biryukov, N.M. & Sergeev, V.M. (1995) *Demokratiya i Sobornost': predstavitel'naya vlast' v traditsionnoy russkoy i sovetskoy politicheskoy kul'ture* [Democracy and Sobornost: the representative power in the traditional Russian and Soviet political culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 6 [In Russian].

Vorozhbitova, A.A. (2012) *Ofitsial'nyy diskursivnyy fon istoricheskogo etapa Velikoy Otechestvennoy voyny: ekspressiya Pobedy v lingvoritorike "Pravdy" 1941-1945 gg.* [The official discourse background of the Great Patriotic War: The Victory in the linguistic rhetoric of "Pravda", 1941–1945.]. *Bylye gody – Foretime. Russian Historical Magazine*. 3 (25) [In Russian].

Kozlov, M.M. (ed.) (1985) *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941-1945* [The Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya [In Russian].

Dijk, T.A. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English by M. Dmitrovskaya. Moscow: Progress. [In Russian].

Dijk, T.A. & Kinch, V. (1988) *Strategii ponimaniya svyazannogo teksta* [Strategies for understanding a textual unity]. In: Petrova, V.V. & Gerasomova, V.I. (eds.)

Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka [New in foreign linguistics. Cognitive aspects of the language]. Moscow: Progress [In Russian].

Dem'yankov, V.Z. (2002) Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as an object of political science]. *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennyye issledovaniya*. 3 [In Russian].

Matveeva, T.V. (ed.) (1995) *Zhivaya rech' ural'skogo goroda* [The live speech of the Urals city]. Ekaterinburg: Urals State University [In Russian].

Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The language circle. Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena [In Russian].

Kashkin, V.B. (2000) *Vvedenie v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Communication]. Voronezh: VGTU [In Russian].

Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the discourse theory]. Moscow: Gnozis [In Russian].

Molotov, V.M. (1941) *Vystupenie po radio Zamestitelya Predsedatelya Soveta Narodnykh Komissarov Soyuza SSR i Narodnogo Komissara Inostrannykh Del tov. V.M. Molotova* [The Radio Speech of the Deputy Chairman of the Board of the USSR People's Commissars and the People's Co-Commissioner of Foreign Affairs Comrade VM Molotov]. *Pravda*. June 23rd [In Russian].

Russian National Corpus. (2015) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian language] [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 12th May 2015) [In Russian].

Revzina, O.G. (2005) *Diskurs i diskursivnye formatsii* [The discourse and discursive formations]. *Kritika i semiotika*. 2005. 8 [In Russian].

Rezanova, Z.I. (2007) *Metodologicheskaya integratsiya v protsesse diskurs-analiza: analiz diskursivnoy kartiny mira* [Methodological integration in the discourse analysis: the analysis of the discursive world picture]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3 [In Russian].

Rezanova, Z.I. (2011) *Diskursivnye kartiny mira* [The discursive world pictures]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: contemporary media discourse]. Tomsk: ID SK-S. [In Russian].

Kasatkin, L.L. (2009) *Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [The Russian village in the stories of its inhabitants]. Moscow: Ast-PRESS [In Russian].

Sveshnikov, B.N. (2004) *Dukhovnaya kul'tura Rossii* [The Russian Spiritual Culture]. Moscow: RGOTUPS [Online]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Svesh/index.php (Accessed: 10th January 2011) [In Russian].

Silant'ev, I.V. (2006) *Gazeta i roman: Ritorika diskursivnykh smesheniy* [The newspaper and the novel. The rhetoric of discursive combinations]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury [In Russian].

Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds.) (2005) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh. Materialy nauchnykh ekspeditsiy. Vyp. 2. Rechevye portrety. Rechevye zhanry. Slovar' Yazyk fol'klora* [The word: A Folklore Dialectological Almanac. Proc. of research expeditions. Vol. 2. Speech portraits. Speech genres. Dictionary. Language folklore]. Blagoveshchensk: AmGU [In Russian].

Stalin, I.V. (1950) *O Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuz* [On the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moscow: State Publishing House of Political L [Online]. Available from: <http://www.oldgazette.ru/lib/stalin/index.html> [Accessed: 26th September 2014] [In Russian].

Stepin, V.S. (2010) *Tsennost' prava i problemy formirovaniya pravovogo obshchestva v Rossii* [The value of the rights and problems of formation of a lawful society in Russia]. In: Zakharov, A.V. & Barenboym, P. (ed.) *Filosofiya prava v nachale XXI stoletiya cherez prizmu konstitutsionalizma i konstitutsionnoy ekonomiki* [The philosophy of law at the beginning of the 21st century through the lens of constitutionalism and constitutional economics]. Moscow: Letnyy Sad [In Russian].

Chafe, W. (1982) *Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniya* [The datum, contrastivity, certainty, subject, topics and a view]. Translated from English by N.E. Laufer. In: Kibrik, A.E. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XI. Sovremennye sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike* [New in foreign linguistics. Vol. XI. Contemporary syntactic theories in American linguistics]. Moscow: Progress [In Russian].

Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [The semiotics of political discourse]. Philology Doc. Diss. Volgograd [In Russian].

Тубалова Инна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Tubalova Inna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology Department of National Research Tomsk State University.

E-mail: tina09@inbox.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2015, № 2 (40)

Республиканская общественная ассоциация «Р҃усь»
(г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 258 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Р҃усь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»:
<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 17.06.2015. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 400 экз.
Заказ 127.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2015 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

ИСТОРИЮ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕПИСАТЬ...

Александр ЖДАНОВ - ДОБРОМЫСЛОВ

Недолговечна память у людей...
Все знают место прадеда могилы?..
А что быть может этого бледней?..
Ведь память придаёт нам с вами силы!..

Но помнят люди, к сожаленью, мало,
И имена теряются в веках,
А ветер разметёт по свету прах,
И все уйдет, как будто не бывало...

Лишь только скалы помнят молчаливо
Ваятеля искусного резец,
Но кто оставил этот образец,
Сокроет вечность от людей уныло...

Проходит время..., ветреное племя
Поверив в заверения господ,
В угоду им, себе сколотит гроб,
Когда нацистского разбудит зверя...

В истории уже всё это было...
Всё повторяется и нужно знать:
Историю нельзя переписать,
Когда она свой ген в людей вложила...

И подвиги народов остаются,
И будут жить, предупреждая крах,
Звучать набатом в праведных умах,
И в прах ни в кои веки не сотрутся...

май 2015 г.

Источник:

http://fabulae.ru/poems_b.php?id=172229